ISSN 0869-3129

Литературная

КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

2. 2021

22 марта 2021 г., по завершении ежегодной Всероссийской акции «Неделя детской и юношеской книги», на сцене Государственного концертного зала министр культуры КБР Мухадин Кумахов вручил лучшим юным читателям памятные дипломы.

12+

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Учредители (соучредители): ГОСУДАРСТВЕННОЕ КАЗЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КАБАРДИНО-БАЛКАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ «КБР-МЕДИА»

И. о. главного редактора – В. М. МАМИШЕВ

Редакционная коллегия:

Светлана Алхасова
Руслан Ацканов
Муталип Беппаев
Адам Гутов
Виктор Котляров
Лариса Маремкулова
Светлана Моттаева
Александр Мусукаев
Александр Пряжников
Юрий Тхагазитов
Андрей Хакуашев
Мухамед Хафицэ

Общественный совет:

Борис Зумакулов
(председатель совета)
Касбулат Дзамихов
Мурат Карданов
Замир Мисроков
Пшикан Семенов
Хаути Сохроков
Пшикан Таов
Аминат Уянаева
Феликс Хараев
Башир Хубиев
Сафарби Шхагапсоев

2. 2021 МАРТ–АПРЕЛЬ

Аскер ДОДУЕВ,
народный поэт КЧР

ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Поэма

1. На поле моих лет

Мой взор мутнеет, век идет,
Забыты легкие пути,
Вначале дням теряешь счет,
Не зная, что там, впереди.

К чему откладывать дела,
Покуда молод и горяч:
Жизнь быстротечна и мала,
Полна невзгод и неудач.

По пахоте во весь опор
Скакали быстро и легко,
И обжигающий простор
Был где-то слишком далеко.

Отныне до скончанья дней
Не устареет плуг отца,
И осень в бархате теней
Не скроет своего лица.

Нетленен матери платок…
Чтоб красотой околдовать,
Приходит бабье лето в срок,
Пока живут отец и мать.

У наших бед невзрачный вид,
Они ползут исподтишка,
И Бог помочь нам не спешит:
Должно быть, вера не крепка.

Без боли горевать учись,
Коль в праздники веселья нет.

Открыта жизнь и вширь, и ввысь,
Лишь ты не видишь в ней просвет.

Нам середина дорога –
Пожар пылает в стороне,
Вот только друга от врага
Здесь трудно отличить вдвойне.

Есть тот, кто счастья нам желал,
И ненавистник тоже есть –
Он, словно боевой кинжал,
В душе оттачивает месть.

Повсюду выстоять дано –
Удача помогает нам,
И только близким суждено
Переломить нас пополам.

Хоть эта мудрость не нова,
Но мы по-прежнему слепы,
Знать не желая, что дрова
Горят от собственной щепы.

Лета на поле счесть нет сил:
Мой урожай взошел не там.
Когда я сеял – молод был
И холоден к своим мечтам.

Я чудом выжил в трех кострах:
Шагал по углям до конца,
И понял: это детский страх
В сравненье с муками отца.

Пока источник не иссяк,
Покуда жажда не мила,
Я пью обман, но будет знак –
Сгорю немедленно дотла.

2. Скачки

Ездок на ездока похож
На резвом скакуне своем,
А в путь нас провожает ложь
С безвольным чаяньем вдвоем.

Какой-то вор или ловкач
Тебя сейчас опередит,
И ты за ним помчишься вскачь,
Вздымая пыль из-под копыт.

Кому поет рассветный час,
Кому – вечерний час звенит,
А наше солнце не для нас
Взошло тем временем в зенит.

Кто в скачке первый, тот – герой,
Но только мир не так-то прост:
Всех ожидает за горой
Лишь вечный холод вечных звезд.

Сказавший правду – стал врагом,
Негодник лживый – тут как тут.
Вот почему у нас кругом
Молчанье золотом зовут.

Весною тянется зерно
К земле, чтоб в землю прорасти,
Мы ищем счастье, а оно
В побегах наших на пути.

Мы то и дело говорим:
«Счастливый ведает покой,
Но хорошо ли счастью с ним,
Кто задавал вопрос такой?»

Минуты тянутся, как нить,
Делиться требует душа,
Но счастье целым хочет быть,
Не допуская дележа.

Кто дар зажег в себе самом,
Тому уже не нужен свет.
Он выстроил просторный дом,
В котором гостю места нет.

Пугаясь собственных теней,
Так счастье, в логове своем
Скрывается до тяжких дней,
Когда мы спросим: что почем?

Предел всему в природе есть:
Закон для смертного суров,
Но счастье – там, и счастье – здесь,
Как было испокон веков.

О счастье молит, что есть сил,
Любой, кто ест свой честный хлеб.
Когда бы знал, то не просил:
Нашедший счастье станет слеп.

Нет счастью меры и числа,
И, набирая высоту,
Оно ложится на крыла:
Земной покой и слепоту.

3. Человечность

Где настоящий человек
Развел очаг на берегу,
Там воды наших горных рек
Вздымают волны на бегу.

Мы сопричастны их делам
И связаны одной судьбой:
Разделим радость пополам,
А горе заберем с собой.

Шуметь, кричать – любой мастак,
Но знамя не поднимет он:

Все получивший просто так
Своим добром обременен.

Он сам себе флажок сошьет,
Прельстившись выгодной ценой,
Но в час, когда пойдут вперед,
Чужой прикроется спиной.

И только на похоронах
Словесную покажет прыть:
На честного нагонит страх,
Посмеет храбреца судить.

Где ты, молчания печать?
Работный люд – наперечет,
Но тем, кто любит поучать, –
И подношенья, и почет.

Со всем согласный – без труда
Оставит свой любимый труд,
И поторопится туда,
Куда бездельники зовут.

Среди непрошеных вождей
Он очень скоро станет свой,
Склонив доверчивых людей
Рискнуть задаром головой.

В устах недобрых много слов,
Вот только кто теперь поймет:
Как можно жить в краю отцов,
Презрев свой собственный народ.

Их бросят все, когда поймут –
Познанья свет неугасим –
Что там, где исчезает труд,
Уходит разум вслед за ним.

Сердец своих не услыхать
От бесполезной болтовни,

Зато какая благодать
Глухим невеждам в наши дни!

Сон не приносит нам добра,
Хоть мы не можем без него:
Открыть глаза – прошла пора,
Ведь, рядом нету никого.

Тебя затягивает в плен
Всевластьем золота мошна,
Но человечности взамен
Что может дать тебе она?

Другие лица сделать нам
Жизнь беззастенчиво спешит,
И даже по дороге в Храм
Теперь идем мы без души.

4. Любовь

Кто, восхваляя красоту,
В ней видит силу и оплот,
Тот, повстречав свою мечту,
Любовью вечной назовет.

Однажды, словно вещий сон,
Его настигнет красота,
Пошлет любовь: таков закон,
Природой данный навсегда.

Скажи влюбленному: «Она!» –
И он без лишних слов поймет:
Она – одна, и как Луна,
И как безбрежный небосвод.

Счастливец, будь настороже:
Не всякого любовь нашла.
Тебе завистники уже
Со всех сторон желают зла.

«Иных сокровищ в мире нет!» –
Нам шепчут радостные дни,
Поверив им, мы гасим свет,
От всех упрятавшись в тени.

Но дни идут, и за окном
Взошли печалей семена, –
Любовь их прячет «на потом»
Для пробужденья после сна.

Не догорев, уйдет от нас,
Чтоб мы усвоили урок:
Приходит все лишь только раз,
И только раз уходит в срок.

И вот, тоской заволокло
От наших взоров яркий свет,
Нам стало безразличным зло
И боль чужих невзгод и бед.

Нас обескровила печаль:
В мечтах о лучшем вместе с ней
Мы смотрим в призрачную даль
До окончанья наших дней.

Покой – не глухота и тишь:
Услышит в сердце каждый тон.
«От дум своих не убежишь,
Зря не старайся, – скажет он, –

Другая жизнь придёт сама,
Когда того захочешь ты,
Закружит и сведет с ума,
Ломая стены и мосты.

Подумай, в собственной тени
Земля находит сон и ночь.
Ты мрак напрасно не вини,
Ведь без него земле невмочь.

В ночное небо посмотри!
Пробившись между горных круч,
До самой утренней зари
Тебе сияет лунный луч!»

5. Обман и правда

Любовный жар давно погас,
Но в жизни много дел и благ.
Ты хмуришься, но всякий раз
Разводишь дедовский очаг.

Не подобрать к тому ключей,
Кто неприступен и силен,
Но перед сладостью речей
Порой слабеет даже он.

Мы для любви жалеем сил,
И упускаем день за днем,
Зато без лести нам не мил
Ни белый свет, ни отчий дом.

Кто в лихолетье нам помог,
Теперь не нужен и забыт,
Зато пускаем на порог
Льстеца, утратившего стыд.

Он ускользает, словно дым,
Творит неправедную месть,
Неуловим, неуязвим,
Пока бессмертны ложь и лесть.

Судьба безгласна и слепа,
Скрывает истину от нас.
Чтоб шире сделалась тропа,
Мы лжем и не отводим глаз.

Порой, с фортуной не в ладах,
Мы лжем и слышим добрый смех,

Порой нам пачкает уста
Стогласый первородный грех.

Он шепчет: «Правда? В чем она?
Карман у честного пустой,
Зато у хитрого лгуна
Всегда найдется золотой».

К лжецу удача-ротозей
Спешит, как горная вода,
Лишь уваженья и друзей
Он не получит никогда.

Желая праведником стать,
Он молится, не пьет вино,
Но не познает благодать,
Осиротевшую давно.

А тех, кто ближе и родней,
Мы в лживый кутаем туман,
Как будто боль бездарных дней
Поможет вылечить обман.

Смирившись с ложью как-нибудь,
Шагаем в гору до поры,
Но стоит в сторону свернуть,
И не видать другой горы.

Обман без спроса правит бал,
И нас спасает от невзгод,
Надежде он опорой стал,
Он все предвидит наперед.

У горя сила велика,
С ним крепнет человечий род,
А лжец, наряженный в шелка,
Как чахлый колос, не растет.

6. Свобода

При встрече не сойдет с коня,
И головою не кивнет:
Нам нелегко судьбу принять
И вслед за ней идти вперед.

Но руку жизнь тебе подаст,
Когда судьбе поможешь сам.
Судьба – всего-то – учит нас
Противиться лихим годам.

Молчальник тихий, как восход,
О чем он думает тайком?
Как бунт с ума его сведет,
Своим назначив вожаком.

В былое рушатся пути,
Их век безжалостно размыл.
Ты только новых не мости,
Не трать ни времени, ни сил.

Под старой тканью мнится рай,
Тот, что мы видим в детском сне,
Но потяни ее за край –
Разочаруешься вдвойне.

Под ней традиции от нас
Укрылись раз и навсегда,
Чтоб встретить свой последний час
Без лишних взоров и стыда.

Судьбу клянем мы так и сяк,
Но единенья час пробьет –
Закончат споры друг и враг,
Захочет равенства народ.

Нас обижает всякий вздор,
Завистник в гости не спешит,
Мельчает сердце, гаснет взор:
Безволье вредно для души.

Забыли мы, что значит речь,
Как будто время подождет
Впустую медленно истечь,
И прекратило свой подсчет.

Испив свободы полглотка,
Долги прощаем всем подряд:
Спешим, ведь страх наверняка
Погонит снова нас назад.

Так, заблудившись по пути
В бесстыдный век, бесчестный век:
«Мы больше воли не хотим!» –
Кричит усталый человек.

«Не тронув дерево в саду –
Не перечтешь пустых ветвей.
Свобода лишь вредит труду:
Мы зря печалимся о ней.

Ты думаешь, в том нет беды,
И превратил ее в мечту,
Но вместо урожая ты
Получишь голод и нужду».

7. Идея

Мягкосердечье с добротой
Нас предают на склоне лет:
Полны ладони пустотой,
Когда над нами гаснет свет.

Все что-то ищут… Знать бы, что?
Дерутся, поднимают крик,
Но в гору не пойдет никто,
Из тех, что вниз смотреть привык.

«Пустая сказка – ваш адат,
Словес бессмысленная нить, –

Вздохнет лукавый супостат, –
К чему весь этот хлам хранить?»

Но мы несли за годом год,
Что дали нам отец и мать,
Хранили, упираясь в лед,
Мечтали детям передать.

По следу волчьему, к жилью,
Снег стужа превращала в соль,
Чтоб наши внуки, как свою,
Чужую принимали боль.

Поднялся выше облаков,
Наш человеческий завет,
И лишь единства сто веков
В краю отцовском нет как нет.

Не снег – душа рождает свет,
И гору превращает в Храм,
Но тенью горестей и бед
За этот свет платили нам.

Сиял восторг в осколках льда,
И кровь, дымясь, текла по льду,
Сменялись разные лета,
Как часовые на посту.

Вослед дождю повалит снег,
Порядок вековой, вершись!
«А что меж ними человек?
Ответь!» – «Меж ними наша жизнь».

Мы не хотим былых тревог,
Мы не хотим лихих годин,
Но, защищая свой порог,
Пойдем сражаться, как один.

Пусть знает зло у наших стен:
Да не померкнет небосвод,

Пока в сплетенье наших вен
Кровь древних пращуров течет.

Немного воинов вокруг,
Готовых в нашу землю лечь,
Но все-таки нам хватит рук,
Способных взять отцовский меч.

Враги, как издревле, спешат,
Их подлым козням нет числа,
Но наша чистая душа,
Что горная гряда – бела.

8. Большая судьба

Один счастливец – не народ, –
Как высоко не вознесен.
Пусть золото дождем течет,
Что за него получит он?

Народом станут только те,
Кто, перерезав путь врагу,
Верны единственной мечте:
Уйти в бессмертье на скаку.

У Родины окраин нет:
Бесценно каждое жилье,
Где есть очаг, тепло и свет,
Лишь трус – окраина ее.

В крови у горцев – не вода,
Но у дорог, озер и рек
Застыли с ними навсегда
Баксан, и Малка, и Черек.

Одних свинец в бою посек,
Других сморил костлявый глад,
Но каждый принял горький рок,
И в страхе не свернул назад.

В пылу бесчисленных атак,
Упав на грудь своей земли,
Они отвагу, словно флаг,
До первой пули пронесли.

И каждый свой последний час
Не проклинал, и не роптал,
О чем же он мечтал за нас,
В бою убитый наповал?

Любой из них – мой добрый брат –
Пребудет в памяти живым…
Остановить кромешный ад –
Такой удел достался им.

Достался им жестокий враг:
Куда ни кинь – не счесть могил,
И этот драгоценный прах
Меня с Россией породнил.

Травой ли, горсткою земли,
Россия в каждом сердце есть,
И связь, что мы уберегли,
Для нас крепить – большая честь.

Мы чтим куначества закон,
Мы презирать привыкли страх,
Но крик о помощи и стон
Сто раз откликнется в горах.

И говорим своим сынам:
«Враги глядят на нас тайком,
Но мы – народ, покуда нам
Отвага служит маяком».

Бок о бок с Русью на века
Моя Балкария и я,
Не одолеть меня, пока
Ее судьба – судьба моя.

Людмила ШАУЦУКОВА

Продолжаем печатать главы из романа Л. Шауцуковой «Черкесская рапсодия», посвященного непростым судьбам наших современников, в нем читатель найдет и философские размышления о стремлении к власти, о цене успеха, о красоте, которая должна спасти мир, о проблеме бедности и богатства, о межнациональных отношениях в республике и многом другом.

ЧЕРКЕССКАЯ РАПСОДИЯ

Главы из романа

Лиля, новая жизнь

Когда Лиля пришла в себя, первое, что она увидела, было большое красное пятно. Скоро пятно приобрело четкие границы, и оказалось, что это огромный букет кроваво-красных роз. Громко плакал Максим, цепляясь за ее ноги, и Мадина услышала уверенный голос:

– Быстро, горячий крепкий сладкий чай!

Над ней наклоняется мужчина средних лет с седыми висками:

– Как вы себя чувствуете?

– Спасибо, хорошо.

– А такое с вами часто бывает?

– Первый раз.

– Думаю, у вас голодный обморок. Может, вызовем врача?

– Нет-нет, я и вправду сегодня не ела ничего. Как-то забыла совсем.

В это время Лиле приносят чай, и она делает несколько глотков, после которых ей и впрямь становится лучше. Она в кабинете начальника, очевидно, сидит в кресле, куда ее занесли и посадили. Сын уже не плачет, а сидит у нее на коленях и испуганно таращит глазенки.

– Дежурный сказал, что вы спрашивали Аслана. Что случилось?

Лиля сбивчиво и торопливо рассказывает свою историю, называет себя, свой городок, говорит об угрозах Жабина и о том, что ей некуда деться.

– А я в этом городке проработал более десяти лет в молодости, – говорит мужчина. – И отца вашего знал когда-то, печатал в районной газете милицейские сводки. Ничего, девочка, – переходит он по-родственному на «ты», – думаю, сможем сделать так, чтобы твой квартирный хозяин

тебя не обижал. Я как раз собирался домой, завезу тебя и посмотрю, кто таков твой Жабин.

Залим за время работы в милиции насмотрелся всякого, он умеет распознавать человека с полуслова и полувзгляда, он видит, что Лиля не солгала ни разу. Он жалеет эту исхудавшую до костей бледную с синевой девочку, которая младше его дочери и уже столько пережила и перестрадала. Так большой и сильный человек жалеет маленького жалобно мяукающего котенка, сидящего перед закрытием поздней промозглой осенью на крыльце магазина и просящего помощи у всех, кто поможет ему не попасть в адово рубилово ночного города с его бродячими собаками, жестокими мальчишками и прочими опасностями… Лиля немного успокоилась и успела его рассмотреть: он красив настоящей, немного грубоватой мужской красотой, от него веет силой и уверенностью в себе. Он сможет ее защитить.

Полковник берет цветы (наверное, для жены, думает Лиля), они идут к милицейской машине и едут по указанному Лилей адресу. По дороге он расспрашивает о Жабине: как с соседями? Есть ли семья, дети? Чем занимается? Лиля рассказывает все, что знает. С шумом подъезжают к воротам, куда успел проворно подскочить Жабин. Залим коротко представляется, а потом своим фирменным жестом берет его за плечо так крепко, что у того вот-вот захрустят кости:

– Значит, так, старик! Это – моя племянница. Если она еще раз на тебя пожалуется, я тебе не завидую. Мало того, что узнаю всю подноготную не только тебя, но и твоих предков, например, отчего умерла твоя жена и почему ты не общаешься с сыновьями, я постараюсь определить тебя туда, где уголовнички свое дело хорошо знают. Ты меня понял?

Тот хнычет и старается вывернуться, но железные тиски сжимают его еще больше:

– Не слышу, понял или нет?

– Да я-то шо, я рази возражаю, пущай живеть, только вот не платит она, и съехать не хочет!

– Ну, это ты врешь, что не платит. А из квартиры до конца отопительного сезона по закону ты не имеешь права ее выселить, уразумел? – Хватка не слабеет.

– Понял, понял, отпусти только, – дед почти плачет, Залим меняет тон и говорит Лиле:

– Ты знаешь, как меня найти, если что. Вот мой телефон и домашний адрес. Жена ищет помощницу по дому, если вы договоритесь, думаю, с деньгами тоже вопрос решится, она будет ждать тебя завтра между шестью и семью часами вечера, – с этими словами протягивает ей листочек блокнота, куда он записал данные, и, не глядя на Жабина, уезжает. Старик чуть ли не вприпрыжку бежит в дом, а Лиля в эту ночь,

наконец, заснет спокойно. Теперь у нее почти есть работа, она постарается понравиться хозяйке.

Но и завтра, и послезавтра, и еще через день Лиля не появляется у Кауковых, пока Мадина не спрашивает мужа, где обещанная помощница? Бывшая, Оля, потерявшая работу в начале девяностых, а там она была уважаемым специалистом с высшим инженерным образованием, одна тянула двух детей-студентов и не постеснялась идти в услужение: интеллигента не унижает никакая работа. Ее в семье работодателей очень уважали и ценили, но Олины дети окончили свои вузы, стали работать в столице и теперь сами помогают матери. Они же и настояли на том, чтобы мать к ним переехала, пока на съемную квартиру, а там у одного из сыновей, программиста, неплохие перспективы.

Может быть, старик опять что-то задумал? После работы Залим едет по уже известному адресу и, постучав, заходит сразу в комнату, где под кучей какого-то тряпья лежат мать с сыном. В комнате почти стужа, этот негодяй практически отключил отопление, а у ребенка, оказывается, в тот вечер, когда он их привез, поднялась температура, видно, затаскала его мать и простудила тогда. В несколько прыжков Залим одолевает расстояние до отопительного котла: так и есть, еле дышит, вот гад, готов сам замерзнуть, лишь бы женщину с ребенком наказать, правда, у него не так холодно, здесь же не полуподвал.

Ногой он вышибает дверь и видит Жабина, который лежит на продавленном диване и пялится в маленький черно-белый телевизор. Ярость охватывает Залима, он вытаскивает пистолет и, приставляя его ко лбу старика, рычит:

– Я вижу, тварь (далее непечатное выражение), ты не понимаешь по-человечески! – И с отвращением наблюдает, что у деда ниже пояса на диване расплывается большое мокрое пятно…

Вернувшись к Лиле, спрашивает, вызывала ли она врача. Да, вызывала, вот рецепты, но в аптеку идти некому, и денег тоже нет, бесцветным голосом отвечает Лиля. Залим берет рецепты и через полчаса возвращается с лекарствами и большим пакетом с продуктами. В комнате уже гораздо теплее, и ребенок, кажется, смотрит веселее.

Через неделю Лиля оставляет Максима с Люсей и отправляется первый раз к Кауковым. Ее все восхищает: ворота, дом, двор, а когда к ней выходит Мадина, Лиля больше всего восхищается ею: белое ухоженное лицо без косметики безупречно, стройную фигуру обтягивают джинсы, на ногах дорогие тапочки, густые черные волосы забраны в хвост. Такая женщина стоит того, чтобы ей носили цветы каждый день, а не только по праздникам. Мадина уже знает со слов мужа, каково пришлось этой молодой женщине, больше похожей на подростка. Ощущение, что она вот-вот переломится, справится ли она с домашними делами? Но кого попало в дом не возьмешь, большого выбора нет, многие не готовы

идти в домработницы. Хотя, после Оли все будут казаться хуже. И Лиля начинает работать с девяти утра до шести вечера два раза в неделю в той семье, с которой потом будет связана прямо или косвенно вся ее дальнейшая жизнь.

Договариваясь с хозяйкой, Лиля даже не поинтересовалась оплатой, и, получив первый раз деньги, приятно удивлена. Работа не такая трудная, потому что в доме достаточно чисто, имеются все новейшие технические приспособления, современная техника типа моющих пылесосов и стиральных машин, домашняя химия в виде паст и порошков стоит рядами, как и новомодные тряпки и салфетки, не оставляющие следов. В обязанности Лили входит два раза в неделю пропылесосить все комнаты, протереть пыль повсюду и кафель в ванной, туалете, на кухне, помыть печку и духовой шкаф, постирать то белье, которое накопилось, в машинке-автомате, а некоторые вещи вручную, помыть внутри и снаружи огромный холодильник, погладить белье и все рубашки Залима Ахмедовича, подмести двор, выбросить мусор.

Четыре раза в год, по сезону, мойка окон, стирка и глажка занавесок, нужно также перемыть всю посуду в доме. В субботу Максим остается с Люсей, а на неделе, когда в доме никого нет, Лиля с разрешения хозяйки берет ребенка с собой, и он тихонько играет под присмотром матери в игрушки, которых в доме множество: как память о детстве Алима и Амины, их не выбрасывают, а может, хранят для внуков. Залима она никогда не встречает, потому что он поздно приходит домой и работает по субботам тоже. Мадине нравятся расторопность и хозяйственность новой помощницы, она замечает, что хотя в доме нет недостатка в продуктах, Лиля не только не возьмет ничего с собой, но в обед перекусывает тем, что почти зачерствело, или стоит давно, или не нравится хозяевам. Никогда она не тронет деликатесы вроде красной рыбы и икры, свежих первых фруктов и овощей, если Мадина сама ее не угостит.

Жабин теперь даже не смотрит в ее сторону, раз в месяц она молча кладет деньги за квартиру ему на стол и уходит, но искать новое жилье необходимо. В мае происходит то, что заставляет Лилю опять испытать чувство невыразимой благодарности Залиму Ахмедовичу. Придя в очередную субботу, когда, как правило, Мадина дома в первую половину дня точно, Лиля открывает все двери своим комплектом ключей: здесь ей доверяют как своей. Хозяйка в это время еще отдыхает, а Аминка ушла на занятия. Лиля заходит на кухню и видит следы вчерашнего застолья, это бывает очень редко, поэтому она воспринимает небольшой беспорядок спокойно, в доме никто не считает ее служанкой, каждый убирает свои вещи сам, после ужина посуду моют, а когда Аминка что-то разбрасывает, она получает замечание от матери.

Когда приходит Мадина, Лиля опять не может не отметить ее ухоженность и хороший вкус, эту женщину наряди в мешковину, она хуже

не станет. Вот что такое класс, думает Лиля. Мадина извиняется за беспорядок – гости припозднились, а она не стала нарушать свой режим, сон для женщины – залог ее красоты. Какая бы хозяйка стала это делать, думает Лиля, есть дома, где работницу за человека не считают, хамят на каждом шагу и заваливают грязной работой, чашку после себя в раковину не поставят, и таких подавляющее большинство. Или ведут себя так высокомерно, как будто еле снисходят до разговора с прислугой. Но Мадина не такая, хотя задушевных разговоров она тоже не допускает, ведь между ними и возрастная разница немалая. Вот и сегодня Мадина говорит:

– Лиля, давай выпьем чай с тортом, который нам вчера принесли. Торт вроде неплохой, потом, его можно есть только до двенадцати дня, если не хочешь располнеть. У меня для тебя такая новость, которая под тортик самое то.

Лиля не отказывается, торт нарезан, чай заварен, она терпеливо ждет, что за новость хочет сообщить ей Мадина. А та грациозным движением берет малюсенькую чашку, из которой любит пить, и говорит:

– Не буду томить. Залим выбил тебе комнату в семейном общежитии там, где ты работаешь. В твоем руководстве он что-то такое для кого-то сделал, где-то кого-то выручил, а долг, как ты знаешь, платежом красен. В общем, как это ни пошло, ты мне, я тебе – один из немногих законов, продолжающих работать. Он только вчера мне это сказал, и я обрадовалась. Перебирайся хоть сегодня.

Вот радость так радость! У нее будет свой собственный угол, и оттуда ее никто не выгонит. И платить не надо будет столько денег, Лиля уже жила в общежитии и знает, что плата там весьма умеренная.

Комнатка в семейном общежитии маленькая, всего девять метров, зато она выходит на солнечную сторону и полна света. Здесь не делали ремонт лет двадцать, да это не проблема, зато есть железная кровать с осыпавшейся на спинках краской, старый рассохшийся шкаф в углу, такой же стол и пара колченогих стульев. Более того, в углу стоит ржавая раковина, значит, у нее будет своя вода. Единственное, что очень плохо, это старый донельзя и порванный линолеум, местами закрученный в бублики.

За несколько дней комнатку не узнать. Лиля покупает новую раковину и линолеум и с помощью общежитского сантехника меняет старье. Но до этого она белит комнату эмульсионной краской, а масляной, цвета топленого молока, сначала хорошо зачистив, красит всю мебель: спинки кровати, шкаф, стол и стулья.

На окно вешается тонкая тюлевая занавеска, на кровать стелется яркое цветное покрывало, которое нашлось у Кауковых, а из обрезанного края, поскольку его пришлось подогнать под размер кровати и подшить,

изготавливаются наволочки для двух подушек и плоские сидушки для двух стульев. Рядом со своей кроватью буквой «Г» она ставит детскую для сына, в которой когда-то лежала Аминка. В углу над раковиной вешается полка, где стоит посуда, а под раковиной тот же сантехник сооружает ей за бутылку шкафчик для продуктов из обломков общежитской мебели.

Все это тоже красится краской цвета топленого молока или талого снега, и комната так преображается, что зашедший комендант долго крутит головой. Хотя в общежитии не разрешено пользоваться электроприборами, Лиля приобретает маленькую электрическую плитку, которую в нужный момент можно спрятать, и электрочайничек, который разрешен. Теперь у нее собственное теплое, светлое, уютное жилье, где она проживет несколько лет. Как только выветривается запах краски, Лиля переезжает от Жабина, хотя до конца оплаченного месяца остается еще десять дней.

Так проходит год, и Лиля, устроив сына в заводской детский садик, снова выходит на работу. Многое и многие поменялись, для того чтобы остаться на работе, нужно иметь высшее образование, и Лиля, по совету Мадины, поступает на заочное отделение инженерного факультета местного университета. Верная Люся, как ее ни уговаривала Лиля, учиться дальше не захотела, зато в сессию она может помочь с Максимом. К Кауковым теперь она ходит только по субботам, но и там перемены: Амина вышла замуж, теперь в доме всего двое, и за субботу Лиля все успевает.

Свадебные церемонии Амины пришлись на субботу-воскресенье, работы много, гости постоянно, но Лиля хочет от души помочь семье, которая так много для нее сделала. Более того, когда Лиля вышла на работу, она предложила Мадине помогать бесплатно, но та очень корректно отказалась. На свадьбе Лиля опять увидела Залима Ахмедовича, он, в дорогом красивом костюме, хорошо подстриженный, в меру веселый, возглавлял свадебный пир. Лиля носилась с тарелками туда-сюда, и по его взгляду поняла, что ее не очень узнают. И немудрено: за два года она поправилась, округлилась, ее бледная, нездоровая кожа теперь стала молочно-бархатной, она по-новому одета, причесана, даже держит себя по-другому. Прошло несколько месяцев после ее выхода на работу, и за это время выросла ее самооценка.

Потом Лиля несколько раз ловила его взгляд на себе, на этот раз он узнал ее, даже улыбнулся и кивнул головой одобрительно: вот как его подопечная изменилась! Светка, до этого раза уже видевшая Лилю, тоже обратила внимание на эти метаморфозы и сказала двоюродной сестре:

– Мадина, ты не боишься, что у тебя такая хорошенькая домработница?

– А чего мне бояться?

– Ну, сын к тебе приехал, например, она младше него, в твои же планы не входит такая невестка?

– Сын уже в гражданском браке, как это модно сейчас у молодежи, пока не надышится на свою ненаглядную.

– А… муж?

– При чем тут муж?

– При том, что он тоже мужчина, и к тому же не старый и интересный.

– Во-первых, они даже не видятся, по-моему, встретились сегодня первый раз за два года, пока она у нас работает. Во-вторых, она очень хорошая работница, абсолютно проверенная, порядочная, не свистулька, не гуляка, одна воспитывает сына. В-третьих, есть две непреложные истины, в которые я верю: есть жизнь и смерть, и Залим никогда меня не предаст.

– Ну-ну, смотри, тебе видней.

В том же году Лиля похоронила отца. Утром он долго не выходил из своей комнаты, и когда кто-то из мальчиков зашел посмотреть, отец давно был мертв. Похороны были не такие безлюдные, как стоило ожидать, многие пришли, говорили на поминках хорошие слова о покойнике. А Лиля думала, что его жизнь закончилась тогда, когда матери не стало, хотя после этого он сумел родить еще двоих детей. Ей стало больно и стыдно оттого, что в последнее время не часто видела отца, не проведывала и даже стеснялась его. Мачеха выглядела гораздо старше своих лет, мальчики казались ее внуками. Теперь, когда у нее свое жилье и стало гораздо легче, нужно почаще приезжать. Пашка освободился, но не смог приехать, он остался работать в колонии.

Максим рос, был умным и разумным для своих лет. Лилю теперь одолевали поклонники, но она не могла ни на кого смотреть, не то потеряла веру в мужчин, не то действительно не те с ней пытались познакомиться. Но на дне ее души была сокровенная тайна: мужчина, которого она полюбит, должен быть таким, как Залим Ахмедович: сильным, надежным, красивым внешне и внутренне.

Она прожила в общежитии уже два года в своей беленькой и чистенькой комнате, где любили бывать ее соседки, и даже надумала еще раз сделать там ремонт и обставить комнату уже своей, а не казенной мебелью, которая, как бы ни была покрашена и натерта до блеска, при ближайшем рассмотрении выдавала свое происхождение. Кроватка Максима, из которой он вырос, была заменена на диванчик, где теперь спал ее почти четырехлетний сын.

Осенью в очередную субботу Лиля пришла, как обычно, к Кауковым и неожиданно увидела хозяина дома, который в саду собирал урожай яблок. Переделав быстро свои дела, она пошла в сад помогать

ему и Мадине, которая тоже рвала яблоки. Женщины обрывали яблоки с нижних веток, Залим, стоя на лестнице, пытался дотянуться до тех, что на верхушке.

Он расспросил Лилю о ее житье-бытье, о сыне, и когда услышал, что Лиля собирается покупать мебель, сказал:

– Вот этого делать нельзя ни в коем случае. У меня есть сведения, что ваш завод переходит в руки одного из местных акул, а он, насколько я его знаю, общежитие держать не станет.

И увидев, как побледнела Лиля, добавил:

– Но есть и хорошая новость. Лиля, в любом случае тебе нужно было уходить оттуда. У тебя растет мальчик, а в этом районе парня правильно вырастить почти невозможно, там, в общежитиях, и наркота, и беспредел, там опасно даже для тебя. Но ваш завод сдает долгострой, дом для работников. Это тщательно скрывается, потому что бесплатное жилье скоро канет в Лету, боюсь, что это один из последних социальных проектов. Ты стоишь в льготной очереди, и твоя очередь продвинулась далеко вперед, потому что работников здорово посокращали.

Слава Люсе, которая чуть ли не в первый день работы заставила меня встать в очередь на жилье, подумала Лиля.

– Короче, готовь документы, будем бороться за однокомнатную квартиру, район тоже неважный, но свое жилье можно продать, обменять, да мало ли что можно с ним сделать.

Лиля не верила, что может стать хозяйкой собственной квартиры, но видно, Бог пожалел ее за все ее страдания, и чудо случилось. Она, настрадавшись когда-то от безденежья, теперь откладывала каждую копеечку, и, поскольку рубль был весьма нестабилен, переводила все в валюту, почти не тратилась на одежду и еду, потому что Мадина отдавала ей свои практически новые вещи и с продуктами помогала, а детские вещи переходили к Максиму от Люсиного пасынка, поэтому накопилась приличная сумма, и на ремонт хватит, и на обстановку.

На какие там рычаги нажал Залим, как он пробил все, Лиля не знала, но Залим Ахмедович теперь был и депутатом, и известным в своей профессии человеком, и однокомнатная квартира была получена. Как благодарить своего благодетеля, Лиля не знала. Она по-прежнему с ним не встречалась, и, купив бутылку дорогого коньяка, пошла к нему на работу. Можно, конечно, и через Мадину поблагодарить, и подарок передать, но ей хотелось лично ему высказать свою благодарность, а может, ей хотелось увидеть его, хотя эту мысль Лиля от себя гнала.

Когда она зашла в отделение милиции, на нее поднял глаза тот же дежурный, которого так тогда перепугал ее обморок. Сегодня перед ним была другая женщина, красивая, хорошо одетая, уверенно с ним разговаривающая. Он пропустил ее к начальнику, который оказался на

месте и был один, что случалось крайне редко. Залим говорил по телефону, когда она вошла, и жестом пригласил присесть. Когда он положил трубку, Лиля сказала:

– Залим Ахмедович, я не найду слов, чтобы поблагодарить вас. Если бы не вы, не ваша семья, вряд ли бы я выжила. Вчера я получила ордер на квартиру и не могла не поделиться с вами своей радостью.

Он с легкой улыбкой смотрел на нее. Сегодня в ней ничего не напоминает ту измученную девочку, которую он увидел четыре года назад. Что может быть лучше, чем спасти человеческую жизнь, в данном случае даже две, если считать ее ребенка. Говорят, мы любим тех, кому сделали добро, и, соответственно, не любим тех, кому сделали зло. У него есть все основания с огромной симпатией относиться к этой молодой женщине, которая так робеет перед ним, что даже не смеет поднять на него глаза. Сколько ей сейчас: двадцать четыре? Двадцать пять? Она ставит ему на стол какой-то пакет. Что это, презент? Залим достает бутылку коньяка и весело смеется:

– Лиля, я смотрю, ты богатая, вон какой дорогой напиток мне купила. А сейчас тебе деньги тратить нельзя. Потому что следующий шаг – обмен твоей квартиры на двухкомнатную в приличном районе. Как? Доплатить. Скоро малый вырастет, и ему нужен будет свой угол. Да и район этот тоже так себе, не многим лучше бывшего. Сейчас не нужно вкладываться в ремонт, насколько я знаю, там ремонт уже есть, жить можно. Ты, наконец, можешь взять свою долю из отцовского дома, у мачехи сейчас дела идут неплохо, во всяком случае налоги платит исправно, я узнавал. Плюс то, что ты накопила, остальное можно взять в долг и выплатить со временем. Ищи, девочка, варианты, если заселишься в свою однушку, не выберешься. Документы можно оформить попозже, я помогу. А сейчас этот коньяк я поставлю в сейф, и мы его выпьем на твоем новоселье, идет?

Лиля онемела. Она не знает, плакать или смеяться. Чем она все это заслужила? За что этот человек так поддерживает ее по жизни? Ему ведь ничего от нее не нужно. Она это точно знает. Назавтра, в выходной, она едет к мачехе и после некоторого колебания озвучивает свое предложение: она отказывается от принадлежащей ей доли наследства от родителей за умеренную компенсацию. Очевидно, Раиса ожидала что-нибудь в этом роде, она молча идет в комнату и выносит конверт с деньгами. Видно, что пошивочные дела у нее идут лучше, потому что и в доме появилась кой-какая новая мебель, у мальчиков Лиля замечает хорошие костюмчики, да и мачеха сегодня почти не ноет. Эту сумму Лиля тоже переводит в дензнаки американского производства. Теперь можно начать поиски квартиры, но на доплату ее денег маловато, разве что где-нибудь купить «убитую» хрущевку с микроскопической при-

хожей, смежными комнатами и шестиметровой кухней на дальней окраине города.

А тут, совершенно неожиданно, прекрасный вариант обмена возникает в том же подъезде, в котором жила Люся со своим мужем и его сыном. Прямо под ними разводилась бездетная пара, причем жене были нужны деньги, поскольку она уезжала к родителям в один из городов центральной России, а мужу – однокомнатная квартира, так как он оставался. Лиля посмотрела их квартиру, которая ей очень понравилась. Во-первых, дом находится в зеленом, благоустроенном районе недалеко от центра, во-вторых, он почти новый, значит, хорошо работают все коммуникации.

Третий этаж – тоже плюс, да и соседство с Люсей стоит того, чтобы даже переплатить. Сама квартира чистая и благоустроенная, вся импортная сантехника установлена хозяевами, которые также выложили кафелем хорошего качества санузлы, кухню. Кстати, новенькую встроенную кухню супруги оставляют бесплатно. На полу – дубовый паркет, есть просторная лоджия, сами комнаты раздельные, и их метраж вполне приличный. Единственное, что бы сделала Лиля, она бы переклеила обои в маленькой комнате, которая показалась ей темноватой. Еще раньше, бывая у Люси, Лиля мечтала иметь такую квартиру хотя бы через много лет. Но эта гораздо более чистая, благоустроенная, красивая.

Единственная загвоздка состоит в том, что доплата, которая разумна за такую квартиру, вдвое превышает сумму, которой Лиля располагает, и просить в долг ей не у кого. Тем не менее, Лиля договаривается с продавцами, что в течение недели занесет деньги. Что же делать, где их взять? У Кауковых она ни за что в долг не попросит, лучше совсем без жилья остаться, а то получается, что вороне глаза сделали, а она еще и брови просит. Завтра истекает срок, когда нужно окончательно договориться. Люся тоже переживает, но помочь не может ничем. До утра Лиля крутится, как будто ей посыпали простыню крупной солью.

Утром она просыпается и сразу собирается предупредить квартировладельцев, что сделка не состоится: они ведь ждут ее, сидя на чемоданах. И вдруг по радио слышит новость: дефолт, рубль упал, а курс доллара, наоборот, многократно подскочил. Это невозможно, определенно, кто-то помогает ей свыше. Лиля верит в закон компенсации. Значит, ей воздается за что-то? Или, наоборот, что-то дается, чтобы отобрать в будущем то, без чего жизнь окажется пресной и скучной? Пока не подтянулись цены, поэтому через несколько дней Лиля становится полноценной хозяйкой квартиры, о которой год назад не смела мечтать.

Оставшихся денег вполне хватает на обстановку, ведь ремонт не нужен. Благодаря различным кооперативам можно купить кое-что из мебели, и для Лили наступают счастливые дни: они с Люсей обходят

все магазины города, тщательно выбирают мебель, текстиль, посуду. Наконец, квартира обставлена. И опять Лиля проявляет такие чудеса изобретательности, что за небольшие деньги квартира выглядит не только уютно и красиво, но и респектабельно.

Любовь

Первый месяц в своей квартире Лиля находилась в состоянии полной эйфории. Каждый день, открывая своим ключом дверь собственной квартиры, где все ей безумно нравилось, хотелось ущипнуть себя – не сон ли это? Неужели эта красивая спальня с такими же шторами, как у Мадины, этот большой цветной телевизор в гостиной, этот пушистый ковер на полу принадлежат ей? Неужели она может пойти в свою собственную ванную и находиться там столько, сколько захочет? Часто Лиля садилась и долго рассматривала какой-нибудь уголок своего гнездышка, испытывая невыразимое чувство счастья. Может быть, это только ей так все нравится? После небогатого детства в скромном домике, общежитского уныния, которое не скрыть никакими ухищрениями, убогих и нищих съемных квартир ее жилье казалось чем-то из разряда фантастики.

Первое роскошное жилье она увидела у Кауковых, и только потом, побывав в Москве у действительно богатых людей, поездив по миру и увидев дорогие отели, Лиля поняла, что дом Мадины и ее мужа вовсе не предел совершенства, хотя вкуса Мадине было не занимать. Например, она не выносила излюбленный кавказский стиль «дорохо-бохато», в доме практически не было позолоты, искусственных цветов, на которые в девяностые пошла какая-то сумасшедшая мода, помпезных кресел и диванов, итальянской полированной мебели, куда можно было смотреться, как в зеркало.

Мадина не допустила бы в своем интерьере профанации, когда стекло имитирует, хоть и искусно, хрусталь, а крашеная пластмасса выдается за бронзу. Никаких фейковых вещей она не признает, хотя в городе массово носили кооперативные «лабутены» и грошовые сумки «Гермес-Биркин». В ее доме дорогая, добротная, качественная мебель, которая в то же время удобна и функциональна, стены окрашены в серые, светло-бежевые тона, и в текстиле она предпочитает те же цвета. Но, чтобы не было скуки и уныния, все это разбавлялось яркими и красивыми деталями: ковер на полу, дорогая и необычная ваза, картина на стене, скульптурное изображение хорошего качества, роскошная люстра.

Неосознанно Лиля обставила свою квартиру в таком же стиле, хотя мебель у нее попроще, правда, на стенах у нее светлые обои, а кухня

гораздо веселее за счет посуды и подносов «хохлома», подаренных на новоселье Люсей и ею же расставленной и развешенной на стене прямо над кухонным столом. Кстати, Люся без ума от Лилиной квартиры, и когда Максим оставался с ней, уже не водила его к себе, а сама спускалась к ним и, поставив что-нибудь вкусное для себя на журнальный столик, устраивалась на мягком диване, обложившись подушками, в зале перед телевизором. К сожалению, она сильно поправилась, и теперь смотрелась гораздо старше подруги.

Сын тоже сначала был счастлив, попав в свое настоящее жилье. Но дети быстро ко всему привыкают. Он сразу подружился с мальчиками во дворе, особенно с одним из них, Сережей, который жил на Люсиной площадке вместе с родителями в трехкомнатной квартире. Люся и рассказала Лиле, что мама мальчика сильно болеет, по полгода лежит в больницах, но отец, преподаватель университета, человек во всех отношениях достойный, хорошо следит за ребенком, сам водит и забирает сына из детского сада, сам готовит еду и ведет домашнее хозяйство так, что незаметно отсутствие женской руки.

Лиля не стала переводить Максима в ближайший детский сад из-за какого-то месяца, осенью ему нужно в школу, которую видно из окон их квартиры, он уже записан в первый класс, где будет учиться и Сережа. Пока мальчики все свободное время проводили во дворе, играли в вечные мальчишечьи игры: двор закрытый, автомобилей еще нет в таком количестве, как это будет совсем скоро, а Люся, которая временно не работает, сидит с книжкой тут же, на лавочке и периодически поглядывает на мальчиков, среди которых и ее пасынок. Пять лет она пыталась стать матерью, обследовалась, принимала гормоны, от которых ее разнесло, и, кажется, потеряла всякую надежду. Зато у нее есть ребенок, хоть не родной, многочисленные племянники и племянницы, у нее есть Максим, к которому другие дети не без основания ее ревнуют.

Мальчик растет, и чем дальше, тем больше походит на своего отца: тот же взгляд с прищуром и немножко с иронией, та же кудрявая лобастая голова, так же чуть-чуть выпячена нижняя губа. Не говоря уже о глазах, которые как будто пересадили с отцовского лица. Он очень артистичен, как и Костик, и на садовских утренниках ему поручают самые сложные роли, с которыми Максим прекрасно справляется.

Лиля по-прежнему работала на заводе, где уже руководила своим участком, она пока маленький, но уже руководитель, через год будет дипломированным специалистом, и учиться ей было не так трудно, как думалось вначале. На время сессии она отвозила сына к Раисе, забирая его на выходные, мачеха сама предложила, и Лиля была ей за это благодарна: как ни крути, это единственная родня, есть, правда, дядина семья в Москве, с которой они созваниваются по праздникам. После смерти

отца они сблизились с мачехой, и Раиса с сыновьями иногда приезжала к ней. Когда гости первый раз попали в новую квартиру, не могли сдержать возгласов восхищения, у них-то все гораздо проще, а Раиса сразу как-то зауважала падчерицу, которая раньше казалась ей неудачницей. Такое роскошное, по ее меркам, жилье, работа с неплохой зарплатой, высшее образование, ухоженный образ – все это даром не дается.

Завод еле выживал, хотя вроде и выпускал нужный ширпотреб типа дешевой посуды, предметов быта и разной хозяйственной утвари, поэтому все боялись, что вот-вот его закроют. С работой в городе по-прежнему очень плохо, предприятия закрываются одно за другим, но ситуация с зарплатой стала получше. По субботам по-прежнему Лиля работает у Кауковых, и по-прежнему встречается только с Мадиной, Залим Ахмедович, как всегда, работает и в субботу, а в остальные дни допоздна. Можно было давно отказаться от второй непрестижной работы, но как Лиля оставит семью, которая столько сделала для нее, и, потом, если все же она останется без работы, нужно как-то существовать, с таким образованием ее нигде не ждут.

Но где-то в глубине души Лиля знала: она ходит из-за него. Он – ее первая и настоящая любовь, она любит его так, как может полюбить животное того, кто спас от верной смерти, из-за него она отказывает своим поклонникам, с ним никого нельзя поставить рядом. Дело не в простой благодарности и желании хоть чем-то ответить. Лиля знает хорошо, что он любит свою жену, и она эту любовь заслуживает в полной мере. За почти шесть лет работы Лиля ни разу не видела, чтобы Мадина неважно выглядела, или была не в духе, или вела себя с ней высокомерно и покровительственно. Она – настоящая женщина с большой буквы, и красота ее не только не вянет, но становится все изысканней и тоньше. А как Мадина может шутить: и мягко, и интеллигентно, между тем, попадая в самое яблочко!

Таким не изменяют, но Лиле и не нужен адюльтер. Ей достаточно просто видеть его изредка, слышать его голос, дышать с ним одним воздухом.

«Мне было довольно видеть тебя,

Встречать улыбку твою…»

Залим – тот редкий случай, который заставляет верить: есть еще настоящие мужчины, сильные, сосредоточенные, умеющие держать слово, готовые плевать на госпожу удачу и сами решающие свои проблемы, способные постоять за себя и выглядящие достойно в костюмах, в которых нет пошлых элементов типа золотых цепей и прочей ерунды. Он умеет соединять в себе и представления своего народа о мужской чести, и современные суждения о том, что правильно, что достойно. Он не будет изменять жене не из-за страха быть уличенным, а потому, что

вступил в брак, горячо любя и искренне желая создать крепкую семью, рисковать ежедневно развивающимися отношениями с самой достойной женщиной в своей жизни, с которой встретиться – это уже большое счастье, ради сомнительной интрижки с доступной искательницей приключений, пусть даже и влюбленной в него, не станет.

В середине девяностых вместе с «красными пиджаками» стало популярным мужскими компаниями посещать разного рода сауны и бассейны, куда почти всегда приглашались девочки. Причем последние не чувствовали себя париями общества, совсем наоборот: так называемые путаны нисколько не стесняются своего рода занятий, который их хорошо кормит, а одеты они вообще лучше всех, им не надо ломаться у станка и в трудах зарабатывать хлеб насущный, и то, за что платят другие, им еще приносит неплохую прибыль.

Попал как-то и Залим на такую мужскую тусовку, сплошь состоящую из милицейского начальства города и даже республики: один из коллег отмечал день рождения и было неловко отказываться. Мужчины пару раз попарились в сауне и поныряли в немаленький бассейн, выпили хорошо, когда появились жрицы любви в крохотных купальниках. Среди них были и блондинки, и брюнетки, и пухленькие, и худенькие, но все молодые и сильно накрашенные, по одной на брата. Все оживились еще больше, зазвучала громче музыка, старший за столом произнес тост за прекрасных дам, превративших скучную мужскую пьянку в изысканный вечер.

На колени к Залиму бесцеремонно уселась одна из девиц, видно, была уже предварительная договоренность о дамах и кавалерах, ее подружки тоже не бездействовали, и некоторые парочки уже направились на второй этаж, как говорили в старину, в нумера. Девушка близко придвинула свое лицо к нему, и Залим увидел тонкий рот, неумело расширенный ядовитого цвета помадой, которая размазалась и собралась в уголках губ, расширенные зрачки, нездоровую кожу, густо замазанную белилами.

Его затошнило так, что он побоялся за себя, и, наскоро извинившись, что его развезло в парилке, ретировался. На второй день приятель его приколол: что, мол, кишка тонка? На что Залим ответил, что, очевидно, пересидел в парной. Заплохело вдруг. Больше он старался в такие ситуации не попадать, потом его перестали и звать. При этом многие из мужчин думали: если бы у него была такая жена, как Мадина, он, наверное, тоже бы бежал домой после работы.

Дело не только в его брезгливости. Даже если бы он встретился с красивой и не столь доступной женщиной, ему вполне хватает той энергии любви, которую ему дает жена, ему дороги теплота и стабильность домашних отношений, приключения на пару месяцев для Залима

характеризуют мужчину как неполноценного партнера. Лиля все это прекрасно понимает, как и то, что женатый мужчина всегда изменяет на физическом уровне, а ей нужна его душа. Он даже не смотрит на нее заинтересованно в их редкие встречи, и, чтобы не оказаться в итоге разрушенной и опустошенной, Лиля должна выкинуть его из головы. Но сердце ее не слушается, потому что здесь история не о том, что кто-то кому-то нравится. Они познакомились в момент ее высочайшего эмоционального напряжения, и он явился ее защитником, ее спасителем, не будучи заинтересован в ней никоим образом.

Ей никогда бы не видеть без него своего жилья, при этом Залим даже не хочет говорить об этом и мягко вышучивает ее слова благодарности. Для него все, что он сделал для нее – не подвиг, не героизм, а нормальный человеческий поступок мужчины, который, по определению, должен защитить слабого и восстановить справедливость, покарать зло и добиться победы добра. Но от этого ей не легче. Единственное ее право – не загружать в стиральную машинку рубашки Залима, а стирать их вручную, предварительно украдкой надышавшись родным запахом. Так проходит еще год, во время которого Лиля мельком видела Залима еще несколько раз.

За это время Максим окончил первый класс, и учительница, симпатичная молодая женщина, не устает его нахваливать. По совету Залима Лиля записала сына в спортивную школу, которая расположена совсем недалеко, в секцию борьбы: во-первых, парень должен быть занят, во-вторых, нельзя, чтобы мальчишка болтался во дворе к своему трудному возрасту, который не за горами, в-третьих, плох тот мужик, который не может себя защитить. С ним захотели в секцию и два его друга, Сережа и Люсин сын, хотя он старше на год. Поэтому мальчики вместе и в школе, правда, в разных классах, Максим и Сережка в первом, их старший друг во втором, и три раза в неделю мальчики вместе занимаются спортом.

Сережа часто бывал у них, матери совсем плохо, даже, очевидно, дело к финишу, считает Люся, поэтому он бежит от запаха лекарств, от тяжелого воздуха предчувствия беды, от печали, и Лиля вспоминает, как так же ее брат норовил ускользнуть в те страшные дни, когда уходила мать. Она видела Сережину маму как-то во дворе, по лицу не скажешь, что так тяжело больна, симпатичная женщина, смотрит бодро. Та сама заговорила с Лилей и поблагодарила за доброе отношение к ее сыну. Отца тоже видела несколько раз, весьма привлекательный мужчина с умным, грустным взглядом. Он приходил забирать сына, когда тот, по его мнению, засиживался у друга.

Осенью, по традиции, яблоки в саду рвали все вместе, и, зная, что Залим ее сегодня увидит, Лиля надела спортивный костюм, который ей

очень шел, модные кроссовки, немного подкрасилась, волосы завязала в высокий хвост на макушке.

Мадина, если и обратила на это внимание, нисколько себя не выдала. Залим, как всегда, был приветлив, расспрашивал о сыне, о работе, остроумно подшучивал над женщинами. День был жаркий, и Лиля сняла верх от костюма, оставшись в обтягивающей красной футболке. Работа уже подходила к концу, урожай был почти убран, когда Мадина вернулась в дом. Впервые Лиля оказалась с ним наедине в его доме, хотя их хорошо видно из окна кухни, где Мадина готовит ужин. Какое-то чувство ожидания вдруг зашевелилось в Лиле, что-то должно произойти, но Залим по-прежнему говорил о пустяках. Перед самым уходом Лиля почувствовала его долгий взгляд, и Залим сказал:

– Лиля, ты стала просто красавицей. Наверное, поклонники в очередь стоят?

И Лиля, неожиданно для себя, сказала фразу, чья дерзость удивила ее саму:

– Боюсь, у них нет ни единого шанса. Мое сердце занято.

Ничего вроде не сказано криминального, но какие-то искры почувствовали оба. По пути домой Лиля размышляла, что же теперь будет. Вдруг он понял ее превратно, вдруг прочитал в ее словах вульгарное предложение. Надо с Люсей поделиться срочно. Но дома Люся сказала, что больше нет Сережиной мамы. Конечно, обе помогали на похоронах, как могли, несколько ночей мальчик ночевал у друга. Лиля перешла в гостиную на диван, уступив детям свою кровать. Теперь Сережа проводил у них весь день, свободный от школы и тренировок, пока за ним не приходил отец и настойчиво звал его домой. Лиля помнила свое детство, очень жалела мальчика, пыталась поддержать его, вкусно покормить, и Сережа все больше и больше привязывался и к ней, и к ее сыну.

Новый год встречали вместе три семьи – Лиля с Максимом, Люся с семьей и Сережа с отцом. Стол накрыли у Лили, но соседи тоже принесли готовые блюда, выпивку, фрукты. Дети поели и пошли играть к Сереже, взрослые сидели, ведя неспешные разговоры, и так получилось, что за столом невольно собрались две пары. Сережин отец, Алексей, рассказывал интересные истории, он много знал и много путешествовал, как геофизик принимал участие во многих интересных экспедициях, кроме того, был завзятым альпинистом, часто бывал в горах.

Люсин муж тоже старался, хотя его биография, как и он сам, была гораздо скучнее, но всем было уютно и хорошо вместе. Потом Алексей принес гитару и стал петь бардовские песни. Голос у него приятный, хоть и несильный, впервые после смерти жены он улыбается, шутит, даже весело смеется. После встречи Нового года они разошлись, хотя всем хотелось подольше посидеть. На второй день Люся сказала:

– Лилька, какой интересный мужчина наш сосед! Я и раньше это знала и видела, но вчера он прямо раскрылся весь. А ведь он в тебя влюблен, и все, что делал, было для тебя.

– Люсь, что ты! Со смерти его жены прошло только четыре месяца! Тебе все кажется.

– Люлек, когда я ошибалась? У меня глаз – алмаз, даже мой зашоренный заметил, странно, что ты отрицаешь очевидное. Короче, лучшего кандидата на руку, пока только на руку, а там и на сердце, дай Бог, ты не найдешь. Образованный, симпатичный, надежный, ненамного тебя старше, что тебе еще нужно? К тому же, ваши мальчишки уже братья. Он с тебя пылинки будет сдувать! Думаю, любая молоденькая его студенточка будет рада, если он обратит на нее свое внимание.

Лиля вспомнила, как когда-то девочки из ее комнаты в общежитии так же расхваливали Аслана, и Люся старалась больше всех.

– Забудь ты этого своего милиционера. У тебя ни единого шанса, Лилька. Так и будешь до шестидесяти таскаться к ним, чтобы раз в полгода его увидеть? Пойми, ты не молодеешь, не успеешь глазом моргнуть, как тебе будет сороковник, сын будет где-то там, а ты будешь чахнуть на одиноком одре.

– Люсик, пока мне никто предложения не делал. Ты говоришь так, будто я ему отказываю не пойми в чем.

– Лиля, тебе под тридцать, у тебя сын-второклассник, а ты провела с мужчиной только одну ночь, о которой ни фига не помнишь. Кто поверит? Не кажется ли тебе, что твой случай уникальный? Я бы даже не стала торопиться замуж за Алексея, вдруг он жмот или извращенец? Надо просто пожить вместе, присмотреться.

– Ой, не могу, ты что несешь, Люся!

Однако в следующий раз, когда Алексей пришел за сыном, засмущалась:

– Что-то ребята заигрались, сейчас Сережа придет.

– А можно я его у вас подожду?

– Конечно, пожалуйста. Хотите чаю?

– С удовольствием!

У ребят были зимние каникулы, они теперь разлучались только тогда, когда спали. Алексей пил чай с пирогом, и Лиля с жалостью подумала, что они с сыном, наверное, сидят на фастфуде, Люся говорила, что он умеет все делать, но разве мужчина приготовит, например, борщ, который так любит Сережа.

– Лиля, сказал Алексей, – давайте, пока у ребят не закончились каникулы, повезем их куда-нибудь, например, в горы, хотя бы в эту субботу.

– В субботу не могу, у меня подработка.

– Хорошо, в воскресенье.

В его голосе прозвучала такая просьба, что Лиля не смогла отказать:

– Ладно.

Алексей просиял, а дети завизжали от восторга. Поездка получилась замечательная. Алексей сидел за рулем и по пути рассказал много интересного о местах, которые хорошо знала Лиля, но, как оказалось, не так уж и хорошо, потому что тут были какие-то подземные воды, там – изломы, влияющие напрямую на здоровье тех, кто жил наверху, на земле, в этой местности произошла решающая битва местных с крымчаками в восемнадцатом веке. При этом его рассказы не звучали, как просветительские лекции, а рассказывал он так просто и легко, что и дети с удовольствием слушали, задавали вопросы. Максим и Сережа сидели сзади, а Лиля рядом с Алексеем.

Приехали на поляну, где взяли напрокат санки, лыжи, ботинки. Дети стали барахтаться в снегу, кататься на саночках, играть в снежки, Алексей хорошо стоял на лыжах, в отличие от Лили, которая присоединилась к детям. Потом был вкуснейший обед, или таким он показался от обилия чистого воздуха, от той хорошей усталости, которая бывает от зимних развлечений. Алексей предложил остаться в отеле на ночь, пусть дети еще погуляют, но, несмотря на просьбы Алексея и детей, Лиля твердо отказала: завтра на работу.

Домой вернулись поздно, счастливые ребята еще долго не могли угомониться, а Лиля думала: Алексей явно оказывает ей знаки внимания, за день он несколько раз касался ее, когда у нее замерзли руки, снял с нее варежку и дул ей на пальцы, в кафе смотрел только на нее, даже сын для него сегодня не существовал. Разве хорошо это для человека, который совсем недавно потерял жену? Люся говорит, что он, на самом деле, с женой мучился много лет, по факту он давно ее потерял, но это ничего не решает.

С момента сбора яблок Лиля не видела Залима, а ведь она явно дала ему понять о своих чувствах, и если бы он захотел, он бы ее нашел, тем более, сейчас у нее есть телефон, чей номер записан в телефонную книгу Кауковых, она сама его туда вписала. Люся права, у нее нет ни единого шанса. Между тем Алексей часто приглашал ее с сыном то в парк, то в кафе, то просто на прогулку, и в доме многие их считали парой. Восьмого марта он пригласил ее, уже одну, в ресторан, и Лиля пошла. Для себя она решила, что не надо больше ходить к Мадине с Залимом. Если даже у нее не станет работы, Алексей не даст им с Максимом пропасть.

Опять был прекрасный вечер, после которого Алексей в такси прижал ее к себе и нежно поцеловал. Лиля не сопротивлялась, но поняла: никакой химии у нее нет.

Неужели Залим настолько завладел всем ее существом, что она на всю жизнь останется холодной и равнодушной ко всем мужчинам мира? Люся говорила, что принцип «стерпится-слюбится», при всей баналь-

ности, очень хорошо работает, и что она вышла сама замуж, не будучи ни влюбленной, ни очарованной. Зато у нее есть семья, ребенок, есть человек, который заботится о ней. Любовь – штука проходящая, безумно влюбленные, прожив год-два вместе, на дух друг друга не переносят. В семье самое главное – это взаимосотрудничество и взаимоуважение, остальное прилагается само собой.

В апреле Алексей официально сделал Лиле предложение. Ответ уже был заготовлен: Лиля поблагодарила его и предложила временно приостановить отношения, дождаться годовщины со дня смерти Сережиной мамы, если его чувства действительно искренние, время покажет. А ей тоже нужно проверить себя, подумать. Конечно, дети как общались, так и будут дружить, и она очень рада по-прежнему видеть Сережу. Тогда же Лиля сказала Мадине, чтобы искали замену, потому что ей уже трудно совмещать две работы, а подросший Максим тоже требует особой заботы.

Мадина слушала ее молча, ни один мускул, как говорится, не дрогнул на ее лице:

– Лиля, я тебя услышала и поняла. Что же, решаешь ты, хотя за семь лет мы к тебе привыкли и даже полюбили, ты почти стала членом нашей семьи. Ты – молодая женщина с высшим образованием, основной работой, тебе нужно делать карьеру, растить сына. Но у меня просьба: сейчас моя мама сильно болеет, приходится много времени посвящать ей, я не хотела бы в дом пускать непроверенного человека, пока ей не станет лучше. Поработай до конца июня, если сможешь.

И Лиля не смогла ей отказать. Обычно в начале июля супруги уезжали к морю на месяц, поставив дом на сигнализацию, и тогда она действительно попрощается с людьми, которые приняли такое участие в ее жизни. Даже если бы не ее любовь к Залиму, все равно нельзя всю жизнь быть в домработницах.

Когда до конца июня оставалось несколько дней, Мадининой маме, Куле, резко стало хуже, между тем путевки и билеты были оплачены. Залим понимал, что жена не может с ним ехать, она не может бросить мать в таком состоянии. А вот что ему делать, жена ведь тоже нуждается в его поддержке. Но Мадина настояла: Залим должен ехать хотя бы на две недели, если маме станет хуже, она позвонит. Год для Залима был очень трудный, он все больше чувствовал свое сердце, которое пока не болит, но вечером порой так стучит, что он его слышит, и усталость такая, что часто муж приходит с работы просто без сил. Мадина знала, как Залим любит море, как море благотворно влияет на его здоровье.

В последний день работы Лиля решила сделать генеральную уборку в доме, и до вечера чистила, мыла, прибиралась: пусть Мадина напоследок останется довольна ею. В последнюю очередь Лиля добралась

до спальни и увидела на стуле одно из красивейших платьев Мадины. Ей очень захотелось его примерить, если фасон ей подходит, можно заказать точно такое же. Мадина была у матери, Залим в это время с работы не приходит, если даже он приедет раньше, она обязательно услышит лязг гаражных ворот и звук автомобиля.

Залим в этот день ушел в отпуск, и друзья накрыли ему стол, поэтому, немного выпив, не стал садиться за руль, его довез приятель. К дому он подошел бесшумно и увидел свет в спальне. Он знал, что Мадина сейчас у матери, но решил, что она еще не ушла, или уже вернулась, и тихо вошел в спальню. Спиной к нему у зеркала, в платье жены, стояла Лиля. Платье на ней сидело идеально, светлые волосы ниже плеч подчеркивали темную ткань с металлическим блеском, тонкая талия затянута широким поясом. Тут Лиля заметила его в зеркале и ойкнула:

– Извините, пожалуйста, хотела посмотреть, пойдет ли мне такой фасон.

Схватила свою одежду и попыталась проскользнуть мимо него, но Залим стоял в дверях и не шевелился. Вдруг он поднял руки и положил ей на плечи:

– А если не пущу тебя?

Сердце у Лили остановилось, потом забилось где-то в горле. Колени у нее подломились, и Залиму пришлось ее подхватить. Теперь она в его объятиях и почти теряет сознание. Но не таков Залим, чтобы нести ее на супружеское ложе. Он крепко держит женщину, не давая ей упасть, потом шепчет ей:

– Поедешь со мной в Сочи?

Она не может говорить, она только кивает.

– Я уезжаю завтра, – говорит Залим.

– Ты прилетишь через день. Билет тебе привезут, а в аэропорту я тебя встречу.

И Лиля, наконец, приходит в себя и еле понимает, что ей говорит тот, ради которого пойдет на Голгофу, опустится на дно океана, полетит на Марс и Венеру, лишь бы он был рядом…

Море

Лиля впервые летела в самолете, но не испытывала ни страха, ни тревоги. Совсем недавно она считала, что ну не должно многотонное железо держаться в воздухе, и никакие законы аэродинамики ей не указ. Да, есть топливо, поддерживающее скорость полета, есть технологические параметры летательного аппарата, да мало ли что есть. Все это она изучала сначала в школе, потом в вузе.

А сейчас, сидя у иллюминатора, она лишь хотела поскорее увидеть его. Ей многое предстоит сделать впервые: лететь, как птица, встретиться

с морем, проснуться с любимым человеком вместе в одной комнате. А вдруг он не встретит ее? Она ведь даже не знает, что потом делать, куда идти, как даже суметь вернуться назад. Нет, Залим не такой, он со смертного одра сделает все, что полагается делать мужчине. Потом, когда она поделилась своими переживаниями, он ей расскажет в один из вечеров, что умирающий от ран черкес в свою последнюю минуту приподнимал голову, приветствуя гостя, навестившего его. А ему както не пришлось проявлять силу духа и тела до такой степени. Но Лиля знала, верила – он, как его предки, сделает то же самое.

В аэропорту Лиля сразу увидела Залима, стоявшего среди встречающих, без цветов, как ей показалось, и без особых эмоций на лице, во всяком случае, увидев ее, он лишь поднял руку в коротком приветствии. Да, он такой, он не любит публичную демонстрацию чувств. Даже в такси, загрузив багаж и усадив ее, сел рядом с водителем. Что это: многолетняя привычка или желание не мешать ей прийти в себя, ведь начинается новый этап их отношений, поэтому торопиться нельзя нигде и ни с чем.

И в комнату он не вошел с ней: донес вещи и сказал, чтобы она располагалась, а он будет ждать внизу у рецепшена, после завтрака – сразу на пляж, пока солнце не стало печь. Лиля мельком осмотрела номер – светло, просторно, добротная мебель. Две минуты на душ, пять – чтобы натянуть купальник и сарафан, на ноги – легкие шлепанцы, взмах расческой и чуточку бесцветной помады на губы – и она уже в лифте. Два дюжих иностранца, которые уже были в лифте, мазнули взглядом по женщине, и, хотя английский у нее был совсем никакой, Лиля сумела понять несколько слов, которыми они обменялись: рашен уимен… бьютефул. Спасибо вам, милые, родные, сейчас ей, как никогда, нужна достойная самооценка.

Залим, сидя в кресле, читал газету. Как будто супружеская пара, которая отдыхает вместе каждый год, мелькнуло у Лили в голове. Поздний завтрак – простой и вкусный, но Лиле в рот ничего не лезет, она силой заставила себя проглотить чашку кофе и съесть несколько ложек каши. Дальше – пляж, до которого идти три минутки, он небольшой, здесь чужих не бывает. А вот оно – море… Что ты мне принесешь, море, радость или печаль, надежду или разочарование?

Лиля идет к воде особенной пружинистой походкой, в своем черном слитном купальнике она похожа на античную богиню с безупречными линиями тела, между лопатками она чувствует взгляд Залима, который прожигает ее, и, остановившись у самой кромки этой великолепной синей глади, невыразимо грациозным движением поднимает руки и собирает волосы в пучок. И морская вода расступается, принимает ее в свои объятья, обволакивает всю с ног до головы, смывая все ее страхи,

переживания последних лет и последних дней, растворяет в секунды ее комплексы и зажимы.

Не хочется выходить, но для первого раза достаточно. Потом Лиля увидит и Средиземное море, и Адриатическое, и Красное, и Персидский залив и даже побывает на океаническом берегу, где белый песок, лазурная вода и пышная зеленая растительность, густо украшенная экзотическими цветами всех цветов радуги, могут свести с ума кого угодно. Но ее первой любовью останется Черное море, которое многие считают самым некурортным, самым загрязненным, холодным и некрасивым, и даже Турция, имеющая обширную черноморскую береговую линию, совсем в эту зону не вкладывается, зная, что иностранного туриста сюда не заманишь.

И еще один дебют: Лиля первый раз выходит из моря, которое сегодня спокойно, как никогда. Ее белоснежная кожа, оттеняемая облипшей тканью черного купальника с глубокими вырезами по бокам, похожа на алебастр, капли морской воды сверкают на солнце, и опять, движимая необъяснимой природной грацией, сделав шаг из моря, Лиля срывает резинку с волос и водопад ее светлых кудрей струится по шее, по плечам. Залим потом скажет ей, что в этот миг у него пульс был, как у Армстронга на луне. Она видит, что он, опершись о локоть, пристально смотрит на нее, и только ему сейчас предназначены ее улыбка, ее поза, ее походка, хотя на пляже многие, кто-то откровенно, а кто-то незаметно, ее разглядывают.

Как только Лиля опускается на свой шезлонг, Залим вполголоса говорит:

– Лю-Ли, кажется, я переоценил свою выдержку. Если я не обниму тебя через пять минут, мое сердце разорвется точно и наш отдых закончится, не начавшись.

Мгновенно, молча, она накидывает сарафан на мокрый купальник, и, побросав в сумку полотенце и обувь, они босиком возвращаются в номер. И не успеет закрыться за ними дверь, как он одним рывком привлечет ее к себе так, что сумка в руках Лили отлетает в дальний угол. Время остановилось: не имеют значения ни секунды, ни минуты, ни часы. Не имеют значения ни прошлое, ни будущее. Есть только сейчас, только они.

Ночью Лиля боится заснуть – вдруг она проснется, а его рядом нет. Вдруг случится морской потоп, вулкан, землетрясение, вдруг небо упадет на землю. Пусть. Но он должен в этот момент быть рядом и держать ее за руку, и тогда ей ничего не страшно, ни за что не стыдно, тогда она безгрешна и бесплотна.

С королем не бывает адюльтера, а он – король из ее снов, он – повелитель ее жизни. Она должна дать ему такое счастье, чтобы он

никогда, вы слышите, никогда не пожалел о том, что произошло между ними. Впервые в жизни она знает, что такое полное и подлинное счастье. Оказывается, это бывает, и еще как! Долго она лежала, слушая его дыхание, а потом усталость все же взяла свое, поэтому проснулась поздно – господи, какой стыд, Залима нет, на часах одиннадцатый час, на тумбочке в стеклянной вазе – огромный букет вишневых роз и записка: «Жду на пляже». Просыпаться вместе и есть, наверное, вершина интима. Смотреть заспанными глазами, показать растрепанную прическу, сильно открыть кран в ванной, чтобы не было слышно звука спускаемой воды в туалете… Пока ему это не нужно.

Завтрак съедает так, будто неделю голодала, хотя накануне ужин заказали в номер. Она идет на пляж, и прохожие зажмуриваются от ослепительного света, который излучают ее глаза, глаза счастливой женщины, ее походка вдруг приобрела мягкую грацию пантеры, волосы шевелит легкий морской бриз. Ее ноги не ступают по земле, а парят в воздухе, на губах – улыбка Джоконды, легкий естественный румянец говорит о полнокровии и витальной энергии. Именно такой будет видеть теперь ее Залим каждое утро.

Каждое утро она находит у себя на тумбочке какой-нибудь сюрприз – то лукошко сладкой клубники, то цветы, то какие-то чудные пирожные. Залим успел встать рано, пробежаться по берегу моря, позавтракать, купить ей подарок и суметь бесшумно оставить его в номере. В обед он спит час-полтора, и Лиля не устает любоваться разворотом сильных плеч, безмятежно-детским выражением лица, сильными пальцами рук, густыми черными волосами, по которым уже щедро прошлась седина. Потом опять пляж на несколько часов, вечером, переодевшись, идут ужинать в приглянувшийся нешумный ресторан.

Там под тихую музыку Залим рассказывает ей истории своего детства. Когда-то он любил мальчиком женщину с такими же волосами, как у нее, это была его учительница и его первая сильная любовь. Лиля узнает многое о его деде, односельчанах, друзьях. Иногда это смешные истории, иногда не очень. Из рассказов Залима Лиля создает новый образ народа, рядом с которым она выросла, это совсем не похоже на то, что она раньше знала, думала, представляла. Потому что, хотя он никогда не хвастался и говорил о себе с легкой иронией, в Залиме сохранились лучшие качества черкесов: честь, достоинство, благородство. Умри, но исполни свой долг. Будь верен слову и обещанию, не вынимай нож из ножен без крайней нужды, но вынул – сохрани собственную честь и восстанови справедливость. Залим никогда ничего не говорил о своей семье, Лиля была ему благодарна за это, и не говорил никогда о своей работе в милиции. Правда, один раз обронил, что наступают другие времена и он серьезно думает об отставке, потому что не хочет торговать совестью.

Как-то на пятый день, по пути в ресторан, Залим завел ее в ювелирный магазин и попросил помочь выбрать подарок. Мадине? Дочери? А, может, внучке, у которой вот-вот день рождения? Но вряд ли в таком случае мужчина стал бы прибегать к помощи такого рода. Хотя, они, мужчины, бывают часто наивными, как дети. На всякий случай Лиля указывает на пару сережек с маленькими бриллиантиками – ведь у моря все в разы дороже, можно представить себе, сколько это стоит.

– Отличный выбор, – говорит Залим, и, обращаясь к продавщице, просит: – Пожалуйста, такой же дизайн, но камни получше.

Да, это солидный покупатель, и продавцы стараются вовсю. Наконец, нужная пара серег найдена и Залим просит Лилю примерить их. У Лили никогда не было даже скромной золотой цепочки, то, что происходит, для нее – настоящее чудо.

– Срежьте, пожалуйста, ярлычок, не снимая серьги, – просит Залим, и до Лили доходит, что подарок – для нее, ужасается количеству блеснувших нулей на ценнике, которые она заметила краешком глаза, но знает: эти серьги она не снимет даже в свой смертный час.

В этот вечер он особенно нежен с ней, и даже делает то, что не любит – танцует с ней медленный танец в ресторане. Обычно они заказывали легкий ужин, бутылку хорошего вина и разговаривали, потому что Залим не любит, когда мужички и тетеньки, приняв на грудь, в танец вкладывают нечто, что делает его вульгарным даже без непристойных движений. Иногда и Лилю приглашал какой-нибудь подвыпивший кавалер, но она ни за что не смогла бы с чужим мужчиной оказаться на столь близком расстоянии, ощутить его руки на своем теле, поддаться единому ритму танца.

Как-то Залим задержался, чтобы расплатиться, а она ждала его на ступеньках, когда неудачливый танцор, который недавно получил отказ, подошел к ней и стал говорить ей плоские комплименты, а потом, решив, что она одна, цепко ухватил ее за локоть. В этот момент Залим вышел из ресторана и сзади так крепко взял приставалу за плечо, что тот предпочел спешно ретироваться. На второй неделе Лиля стала считать дни до отъезда: осталось шесть дней, пять, четыре, три…

Она загорела красивым золотистым загаром, и когда теперь выходила из моря в своем белом мини-купальнике, мужчины не сводили с нее восхищенных взглядов, а женщины, многие из которых уже в молодости нагуляли жиры, следили с затаенной ревностью и интересом. И Залим все это видел и чувствовал. А что может быть для мужского тщеславия дороже, чем лучшая женщина с ним?

Что будет потом с ними? Она ни за что не сможет оторваться от него, она сумела прирасти к нему костями, душой. Жизнь без него не имеет смысла. Даже Максим отошел на второй план, стыдно сказать,

за все время она лишь дважды звонила Раисе и спрашивала про сына. Там, слава богу, все хорошо, мальчики, при разнице в несколько лет, находят общий язык, целый день играют в свои мальчишечьи игры и успевают смолотить все, что в больших кастрюлях для них готовит мачеха. Залим, очевидно, звонит домой по утрам, когда ее нет рядом.

Лиля подумала впервые: а каково было Раисе с отцом? Она ведь и ее с Максимом поддержала, как смогла, и Пашку не забывает, хотя в последние годы и Лиля собирала посылки для брата, который освободился, женился на вольнопоселенной с ребенком и остался работать в той же колонии, в которой отбывал срок.

Наступил последний вечер, и она попросила Залима провести его в номере. Они сидели на балконе, любуясь заходящим солнцем, вернее, Лиля смотрела на своего мужчину и пыталась запечатлеть в памяти каждую черточку дорогого лица, каждое движение ресниц, каждый вдох и выдох Залима. Она когда-то прочитала хорошую книгу об античной культуре и знала, что слепая, безрассудная любовь вызывает гнев богов и обязательно ведет к гибели возлюбленного, но ничего не могла с собой поделать.

А он не замечал, или не хотел замечать ее немой вопрос: а что дальше? Лиля не испытывала никого чувства вины перед Мадиной, она по-прежнему боготворила эту женщину и не уставала восхищаться ею. Когда-то она, прочитав историю в женском журнале, осудила ту голливудскую диву, которая ответила подруге черной неблагодарностью. Когда у Элизабет в автокатастрофе разбился любимый муж, она бы сошла с ума, если бы не Фишеры, соседи-друзья, каждый вечер навещавшие ее. А потом муж подруги остался у нее… Теперь она сама в такой роли. Сколько добра и внимания к себе она видела от Мадины, как она поддерживала ее в самые трудные минуты жизни, и вот ее ответ.

Утренний спешный отъезд, суета аэропорта, вылет и приземление не в своем городе, поэтому на такси можно ехать вместе. Два часа дороги Лиля ждет, нельзя же вот так, не говоря ни слова, разъехаться. Мы в ответе, наконец, за тех, кого приручили, а ее не просто приручили, ее взяли в пожизненный плен. Залим сидит рядом с ней и держит ее руку в своей. Никаких объятий и поцелуев, никаких слез расставания. Лиля, ваш выход! Сделайте это красиво.

Она вспомнила выражение Мадины: судьба может поставить женщину в любую позицию, но она должна там стоять красиво. Потому что главная задача женщины на земле – украшать ее, струить свет, и только потом она – мать, возлюбленная, жена. Нет, таких женщин не бросают. Но если бы Лиля могла видеть Залима хотя бы раз в месяц один час украдкой, ей больше ничего не нужно. Двадцать девять дней она будет готовиться к этой встрече, мечтать о ней, познавать мир и

себя, быть в лучшей женской форме. Залим, скажи что-нибудь, умоляю, кричит все ее естество. Но он молчит… И только тогда, когда такси останавливается возле ее подъезда, Залим сильнее стискивает ее руку и молча вкладывает в руку лист бумаги.

У себя в квартире Лиля медленно раздевается, тянет время, разбирает вещи, чтобы оттянуть момент с чтением письма. Там – ее приговор. Потом пьет чай, принимает душ. Все, письмо горит в ее руках, ощущение, что оно само по себе воспламенится и испепелит все вокруг.

«Моя Лю-Ли! Я не мастер писать письма, тем более выражения типа „ты лучом солнца осветила мою жизнь“ и прочее. Видишь, я поступаю как трус, ведь ты меня за героя держишь, а мне не хватило духу сказать тебе в лицо то, что нужно. Могу себя оправдать тем, что не хотел портить наши последние дни, но и это не оправдание. Знаю, что ты ждешь от меня непростое решение, знаю, что со мной ты готова отправиться хоть на луну. Но что я могу тебе предложить?

Я никогда не уйду из семьи и не доставлю страдания жене. Она для меня – не просто женщина, не просто жена и даже мать моих детей. Она – женщина моей жизни, и я скорее отрубил бы себе руку, чем видел бы ее страдания. Да, я ей, как принято писать в дешевых мелодрамах, изменил. Но не сказать порой не значит солгать.

Второй вариант – стать старым селадоном, тайно крадущимся раз в неделю к тебе в квартиру и лгущим на каждом шагу тебе, жене, детям, себе, наконец. Я наблюдал много таких историй, и не желаю ни тебе, ни себе подобной участи. В сорок пять ты бы поняла, как плохо, как дурно поступил с тобой этот старик с подагрой, диабетом и гипертонией. Ты не смогла бы прийти в мой дом даже для того, чтобы проводить меня в последний путь. Потом, у тебя растет пацан, который все понимает. Как бы я мог смотреть ему в глаза?

Есть еще одно решение: раз в год найти возможность уезжать вместе. Но, кроме опереточных страстей, это грозит тем, что я не смогу с тобой расстаться, потому что ты навсегда поселилась в моем сердце, и я огромным усилием воли рву все по живому. Если бы я провел с тобой еще один день, еще одну неделю, не знаю, хватило бы сил на расставание. Сейчас, когда я пишу тебе это письмо, ты спишь, и я стараюсь не смотреть на тебя, чтобы не растаять, как воск на солнце.

Лю-Ли! Нам господь подарил редчайший подарок. Люди живут годами и тысячелетиями, не испытав и сотой доли того, что мы пережили за эти две недели. Это был один из самых больших праздников в моей жизни. А праздники не могут длиться долго. Прощай, моя сказка».

С этим надо лечь и переспать. А она ожидала что-нибудь другое? Удивительно, организм включает вдруг защиту, чтобы не сойти с ума. Ничего не случилось, просто погас свет. Везде. Просто все потеряло цвет, аромат, мир в один миг стал пресным, лишенным вкуса и запаха.

«Славлю тебя, безысходная боль.
Умер вчера сероглазый король…»

На второй день умерла тетя Куля. Лиле позвонила Амина, и она поехала сразу в дом Мадининых родителей. Лиля бывала в этом доме, помогала старикам, когда об этом просила Мадина. Сегодня двор полон людей, все как на национальных похоронах: мужчины стайками во дворе, женщины в доме. Чем больше людей, тем похороны считаются почетней, а эту семью хорошо знают, есть много родственников, поэтому народу хватает. Лиля по обычаю повязала голову платком, несмотря на жару, на ногах колготки, платье закрывает колени и обязательно с рукавами.

Не поднимая глаз, входит во двор со случайно встреченными женщинами, которые на подходе начинают громко шмыгать носами – неприлично не показывать горе в той степени, в какой покойная доводится родней или близкой. Где-то там стоит Залим, но Лиля не ищет его взглядом. Спасибо, тетя Куля, что не прервала их морские каникулы, подождала, не испортила отдых, пусть тебе зачтется это там, где ты сейчас. Большая комната набита женщинами, у дальней стенки на стульях – близкие родственницы, к которым все по очереди подходят и выражают соболезнование, обнимая за плечи и произнося приличествующие случаю слова, ставшие давно формой речевого этикета.

Лиля так же подходит к Мадине, так же выражает соболезнование, потом отходит в сторонку, освобождая место следующим. Мадина очень бледна, видно, что она измучена, но даже на похоронах собственной матери выглядит безупречно: платочек никто не обвинит в излишнем кокетстве, но повязан по-своему, дорогое платье не кричит о цене, но прекрасно сидит на фигуре, обувь на устойчивом среднем каблуке изящна и удобна. Как бы ни горевала Мадина, она знает, как себя вести, что отвечать на вопросы, ее родной язык безупречен, как и русский.

Национальные похороны – еще то зрелище. Обычно приходят туда, надев все самое лучшее. Женщины обильно украшены драгоценностями, мужчины в лучших костюмах. Все с интересом осматривают двор, дом, обстановку: чего смог достичь покойный? Что он оставил детям? Поэтому очень важно, сколько этажей в доме, насколько благоустроен двор, какая мебель в комнатах. Сначала все скорбно молчат, потом делятся на группки и начинают негромко переговариваться, делиться новостями, ведь люди не видятся, может быть, месяцами и годами, а на похороны явиться нужно обязательно, поэтому покойник очень здорово содействует коммуникации всей родни.

Через час, проводив покойницу, Лиля подходит к Мадине и спрашивает, не нужна ли ее помощь, ведь предстоит тризна, а потом столы

нужно накрывать и в девять, и в пятьдесят два дня. Мадина сдержанно благодарит ее и отвечает, что Лиле позвонят, когда она понадобится. Но ей никто и никогда из Кауковых больше не позвонит.

Костик

Через две недели после похорон Лиля должна была выйти после отпуска на работу, но случилось то, чего боялись и ждали – завод закрылся, она осталась без работы.

Выплатили небольшое пособие, плюс имелись некоторые накопления, но, пережив безденежье и отчаяние, Лиля сильно испугалась: все накопления, если их не пополнять, имеют привычку очень быстро заканчиваться, а ей предстоит растить ребенка. Более того, ему требуется больше с каждым годом, дорожает одежда, приходится покупать то, что есть у всех в классе: джинсы, кроссовки, гаджеты, различные приставки и прочее.

Даже если экономить на всем, нужно оплачивать квартиру, покупать продукты и лекарства, сдавать деньги на нужды школы, да элементарно – тратиться на средства гигиены и бытовую химию. Как хорошо, что она не влезла в кредитную кабалу и у нее нет долгов. Но новый удар немного отодвинул боль, связанную с Залимом. В первые дни после моря у нее было ощущение, что одновременно отрезали и руки, и ноги. Может быть, она стала развлечением даже не на месяцы, а на дни, и он все знал и планировал заранее?

Но ведь Залим не пытался ухаживать за ней, не старался ей понравиться, не искал с ней встреч, он лишь ответил на ее чувство так, как смог. Он ей не лгал, не предавал ее и ничего не обещал. Однако сердце ныло, все валилось из рук, и Лиля титаническими усилиями сдерживала себя, чтобы не пойти к Залиму на работу, выдумав какой-нибудь повод, повидать его, рассказать ему о своих чувствах и страданиях. Поэтому, если было суждено потерять работу, хорошо, что это произошло сейчас. Алексей тоже не появлялся, но теперь Лиля знала точно: она не будет пользоваться его чувствами, она не готова к новым отношениям, слишком свежа рана, которая еще сильно кровоточит, и Бог знает, когда она зарубцуется.

К тому же у Максима наступил тот возраст, когда он настойчиво стал спрашивать про отца. Это случалось и раньше, когда сын приходил из детского сада и спрашивал, почему у всех есть папы, а у него нет. Но тогда его удовлетворял ответ, что папа уехал очень далеко, у него свой дом, он не может с ними жить, потому что в том городе его работа. Еще тогда Лиля объясняла Максиму, стараясь скрыть напряжение и растерянность, что семьи бывают разные, например, у его сводных

дядей нет отца, потому что он умер и теперь находится на небе. А они вдвоем маленькая, но полноценная семья, они ведь любят друг друга.

Сейчас Максиму было уже восемь лет, он порой удивлял мать своими взрослыми рассуждениями. Как всегда, поделилась с Люсей своими страхами и тревогами.

– Ребенок в его возрасте имеет право знать, кто его отец, – сказала Люся. – Расскажи ему все, что ты знаешь о Костике, имеется в виду все хорошее. Чтобы Максик рос здоровым психически, он должен уважать своего отца.

– А что я про него знаю?

– Например, что он был веселым и компанейским, хорошо пел и играл на гитаре, был хорошим спортсменом. Помнишь, как он победил всех по настольному теннису?

– А если спросит, почему мы не вместе, или где он сейчас?

– Так и скажи, что папа не знает о его рождении, а где он сейчас, ты не имеешь понятия, и это тоже правда. Порой у меня возникает ощущение, что Максима невозможно обмануть, он очень хорошо интуитивно различает правду и ложь.

«Еще бы, – подумала Лиля, – сколько он пережил, еще не родившись, а потом, совсем крошкой, наблюдал ее треволнения, может, потому сейчас так нежен с матерью, так любит разных зверей, что с ним невозможно, как с другими детьми, сходить в зоопарк. Ведь зверей там держат в неволе, для развлечения посетителей, они хотят вернуться в лес, на природу, а не сидеть в этих тесных металлических клетках». Возможно, Лиля сама явилась виновницей такого отношения сына ко всем живым существам, потому что, увидев, как ее трехлетний малыш оторвал жучку лапку, а дети в этом возрасте еще не понимают, что такое боль другого существа, Лиля сказала:

– Сынок, что ты наделал! Ведь у этого жучка, наверное, есть детки, которые ждут его дома. Теперь у него нет лапок, он не сможет попасть домой, и его детки умрут от голода.

Сын задумался, очевидно, перенес ситуацию на себя, а потом громко зарыдал. Пришлось с ним искать якобы норку, где жил жучок, и пообещать, что иногда у некоторых жучков отрастают ножки. Больше Максим не только не обижал животных, но и все время таскал домой то раненых голубей, которых лечили и выпускали, то котят и щенят, которых кормили и тоже выпускали во дворе, потому что в доме держать их не было возможности: животным нужно уделять внимание, кормить правильно и лечить, гулять с ними. А один раз пришел из садика крайне взволнованный и с порога заявил ей:

– А Юлия Трофимовна сказала, что колорадских жуков надо уничтожать!

Пришлось объяснять про вредных и полезных насекомых, чтобы не подрывать авторитет воспитательницы, не понимающей, что уничтожение даже вредных насекомых – это дело все-таки взрослых, а не детей. В следующий раз Максим, опять ссылаясь на авторитет Юлии Трофимовны, заявил, что все плохие люди на том свете будут гореть в аду.

И опять Лиля успокаивала сына, как могла, и мечтала поскорее расстаться с неумной и кровожадной воспитательницей, потому что разговаривать с ней не имело смысла, тем более что она имела различные награды, всевозможные поощрения и считалась одной из лучших работниц в детском саду. С учительницей зато повезло, при относительной молодости та обладает и тактом, и любовью к детям.

Лиля пыталась устроиться на работу, но по специальности сделать это было невозможно, люди гораздо более опытные, чем она, были не востребованы. Оставалось идти продавцом в коммерческий магазин или в челночницы, как многие, но это то, что у нее хуже всего выходит, поскольку всякая торговля совсем не для нее. Можно было опять наняться убираться в домах новых местных, но это только в случае, если совсем нечего станет есть. В этих раздумьях Лиля месила на кухне тесто, теперь она часто что-то пекла: и сытно, и недорого, и времени полно, когда услышала крик Люси, сидящей, по своей привычке, у телевизора:

– Костик! Лиля, скорей, здесь Костик!

Как была по локоть в тесте, так Лиля побежала на крик и увидела Костика, он что-то горячо говорил в известном телевизионном шоу, которое Люся не пропускала. Поправился, немного постарел, но это был, без всякого сомнения, Костик, и это подтвердили появившиеся субтитры.

– Ого, ты только посмотри, депутат, заместитель главы фракции в Государственной Думе, – не то с восхищением, не то с осуждением сказала Люся, – я всегда знала, что он достигнет чего-то там. Ты помнишь, он себя так держал, будто уже преуспел. Но он ведь не москвич?

– Кажется, питерский.

– Вот-вот. Сейчас питерские в фаворе. Лилька, ему надо знать про Максима, тем более, учитывая твое нынешнее положение.

– Как ты это себе представляешь?

– Очень просто: едешь в Москву и предъявляешь ему ребенка. Даже дефективный увидит, что у них одно лицо. Максим – клон своего отца, при том, что дети часто походят на родителей, здесь просто невероятное сходство. Даже если Костик не придет в восторг от неожиданного отцовства, он не откажется вам помогать.

– Нет, Люся, не для меня все это, даже не буду затеваться, справимся как-нибудь сами. Не хочу я у него ничего просить.

Не говоря подруге ни слова, в этот же вечер Люся написала Костику. Ему, известному человеку, писали сотни писем в день, которые, кроме официально-деловых, даже не открывались, тем более, письма из провинции, которые были написаны как бы под копирку и содержали разного рода просьбы. Но у Костика, теперь уже Константина Сергеевича, был новый секретарь, и он еще не научился справляться со своими обязанностями с известной долей цинизма, поэтому пока еще вскрывал письма и хотя бы читал первые строчки. Люсино письмо секретарь передал боссу с комментариями, что это послание из столицы северокавказской республики показалось ему любопытным.

Костику было не так много за тридцать, а его карьера росла, как на дрожжах. Еще до окончания вуза, в самом начале девяностых он, наделенный от природы прагматической сообразительностью и, как говорили приятели, потому что настоящих друзей не было, «чуйкой», никогда его не подводившей, понял одно: страна стремительно меняется, неизбежно расслоение общества на элиту и на быдло, на тех, кто имеет власть и деньги, потому что это близнецы-братья, и тех, кто выживает еле-еле на нищенскую зарплату. Это закон, который демонстрирует вся мировая история: есть всадники, есть пешие, одни рождены повелевать, другие – безропотно подчиняться.

Ему, рожденному в семье нищих ленинградских интеллигентов, повезло родиться в нужное время в нужном месте – старая номенклатура рухнула со своими связями, сейчас образовалась ниша для социальных лифтов ускоренного типа. Вон какую карьеру сделал на первом съезде народных депутатов университетский профессор-краснобай, его земляк из Питера. Надо идти в политику, и теперь он сутками вынашивал план восхождения на политический Олимп, чтобы не только решать судьбы страны, что само собой здорово, но, главным образом, иметь на кожаной двери своего кабинета блестящую металлическую табличку с собственной фамилией, секретаря-референта с самыми длинными ногами, которые только возможно вообразить, персональный автомобиль с правительственными номерами и «с флажком», чей шорох по Кремлевской брусчатке и есть тихий звук власти.

Костик знает, как это сделать: нужно победить на выборах. А для этого нужно определиться, чьи интересы ты будешь защищать: учителей и врачей, одиноких матерей или пенсионеров. Главное, не засветиться с богатенькими, народ этого не любит, вон как пролетел на выборах лекарственный магнат, который в свою предвыборную кампанию вбухал столько денег, что на западе он выиграл бы выборы на раз-два. Но в нашей стране его не спасли самые крутые политтехнологии и самые профессиональные имиджмейкеры. Поэтому биография на Костика хорошо работает, можно ее даже улучшить, рассказав, что в юности

подрабатывал расклейщиком рекламных плакатов, хотя это было только один раз, и то за компанию с приятелями.

Пока не достигнешь официальных вершин, никаких пиджачных пар и дорогой обуви, ходить надо пешком, в крайнем случае, сгодится рассыпающийся «Москвичок», но и телогрейку с ушанкой народ тоже быстро раскусит.

Важно выглядеть молодым, здоровым, подтянутым, а если у тебя живот до колен или обрюзгшее, помятое лицо, хотя бы по нездоровью, твои шансы на власть резко снижаются, потому что у нас голосуют не за программу, а за человека. Образ своего парня, заступника семьи, но, учитывая менталитет города, в котором он проживает, не глупого, образованного, однако не рафинированного интеллигента.

Электорат таких не любит, умные «яйцеголовые» интеллектуалы в России никогда особо не ценились, а сейчас – тем более, поэтому с народом нужно говорить простым, доступным языком, но без грамматических и стилевых ошибок. В речи должны встречаться иногда не крепкие выражения, которые тоже не приветствуются, а усиленные эмоциями фразы на границе дозволенного, потому что народ, как ребенок, не терпит фальши и обожает искренность, поэтому «кострубатая» речь им воспринимается гораздо лучше, чем разглагольствования опытных демагогов.

Короче, надо заниматься политикой, потому что в таком случае политика начинает заниматься тобой. Но кроме желания нужна твоя собственная тема, которую хорошо поддержит избиратель, нужна группа поддержки, нужны хотя бы небольшие финансы, а уж с избирателем Костик всегда договорится, он будет обходить все дворы, все подъезды, все квартиры лично. Его всегда любили пенсионеры, в своем общежитии он пользовался благами вахтерш, костелянш, комендантов и прочей обслуги.

И тема появилась, как по заказу. В Питере новая администрация проводила варварские реконструкции исторических и культурных памятников, например, по ее решению могли ворота начала девятнадцатого века, вместо того чтобы отреставрировать, просто выкинуть на помойку, поставив вместо них кусок железного листа. Когда один из балконов случайно рухнул, новый мэр просто приказал «поотрубать» ценные артефакты русского архитектурного модерна. Знаменитое «круглое» окно при входе в гостиницу на Невском проспекте, которое когда-то вручную выдули мастера-стеклодувы конца девятнадцатого века, из-за непонимания плохо образованной власти было заменено на обычное стекло, потому что всякий нувориш совершенно уверен: новое лучше, чем старое.

Некие арендаторы, расширяя проезд, своей волей убрали дореволюционные кованые ворота. То есть вандализму не было числа,

что объединяло и пенсионеров, и домохозяек, и блокадников, а главным образом, интеллигенцию, в праведном гневе. И Костик возглавил крестовый поход за сохранение города, создав инициативную группу из искренне заинтересованных, любящих свой город петербуржцев. Сначала они разносили самодельные листовки, организовывали акции протеста у мэрии, собирали митинги, где Костик с блеском реализовал все техники, продуманные им до мелочей.

Потом он пробрался на радио, им заинтересовалась пресса, главное, сумел попасть в раскрученную телевизионную программу, которую смотрели почти все, потому что за несколько минут с экрана на телезрителя обрушивалось так много грязи, чернухи, крови «бандитского Петербурга», что, казалось, сам автор и ведущий, подобно Гофману, в ужасе выбегающему поздней ночью из дома под впечатлением того, что только написал, сейчас не выдержит и хлопнется в припадок.

Так Костик стал депутатом городского совета, где так же яростно и продуманно защищал интересы горожан, и, поскольку заседания транслировались по телевидению, в своем городе стал узнаваем и приобрел много нужных связей и знакомств. Молочных рек с кисельными берегами пока не было видно, но Костик знал твердо: все придет в свое время. Конечно, появились и враги, главным образом нанятые новыми владельцами перестроенных в угоду комфорту зданий, журналисты, приписывающие ему разного рода малые и большие грехи, и Костик не на словах узнал все прелести «черного пиара». Все это хорошо описал Марк Твен в рассказе «Как меня выбирали губернатором».

Своим хулителям Костик не отвечал, более того, даже немного как бы жалел нанятых борзописцев, видно, так им приходится плохо, что за тридцать сребреников готовы писать любую гнусность, или отшучивался, что они плохо его знают: он еще срезает ночью кошельки у простодушных граждан и пьет кровь невинных младенцев.

Такая ирония и снисходительность добавляли ему уважения всех слоев населения второй столицы страны. Так или иначе, Костик стал заметной в городе фигурой, и тут появились люди с тихими голосами, серьезными лицами и интеллигентными манерами, которые предложили «некую помощь» взамен на представительство их интересов в Ленсовете. Костик не торопился продаваться, еще неизвестно, как все обернется.

Между тем власть опять поменялась, в стране царила атмосфера всеобщего воодушевления, народ ждал перемен, в первую очередь, наведения порядка, потому что повсюду царили хаос и разруха. В России всегда новая власть изначально наделяется кредитом народного доверия, здесь политические мифы всегда обладали и обладают большим весом. И правда, впервые за много лет люди почувствовали, что с натягом, со скрипом, но государственная машина заработала, благодаря росту цен

на ресурсы немного поднялась национальная валюта, однако расслоение общества продолжалось по-прежнему.

Золотая жила, которая вознесла Костика, тоже потихоньку заканчивалась, с разрушением культурного достояния ситуация более-менее выправилась, и дальше надо было определяться, тем более что депутатский срок заканчивался, а изберут ли его снова, большой вопрос. Именно в это время он познакомился с Жаннетой. Так звали долговязую и депрессивную дочь одного из негласных отцов города, человека хитрого и коварного, но очень, по слухам, богатого и влиятельного, входящего в круг новой элиты не только Питера, а может быть, и страны. Жаннета совсем не была похожа на современных девушек, не одевалась модно и ярко, не пользовалась косметикой, не принимала участия в шумных молодежных тусовках.

Ее главное увлечение – мистика, астрология, звездное небо, гороскопы и прочая муть. Но происходило это не от недостатка образования, а от желания найти высший смысл там, где все находили банальную развлекуху: есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам. После смерти неженатого брата, скончавшегося от передозировки тяжелого наркотика, Жаннета была единственной наследницей отцовской империи, поэтому, несмотря на свой унылый вид, с претендентами на руку и сердце все было в порядке.

Один из них, свой брат-депутат, и познакомил Костика с Жаннетой на приеме в Ленсовете по случаю праздника.

Не отдавая себе отчет, Костик стал флиртовать с девушкой, а уж обаяния ему было не занимать. Обычно сдержанная, Жаннета оживилась, на ее бледных щеках появился румянец. Оказывается, она знала Костика, видела что-то по телевизору, читала что-то в газетах, и дело сохранения шедевров архитектуры для нее много значило даже в его высшем, сакральном смысле. Кончилось тем, что они обменялись телефонами, и когда Костик пригласил Жаннетту на премьеру спектакля, где были заняты многие звезды экрана, она сказала, что придет с удовольствием.

Дальше все было не только в технике соблазнения, которой Костик владел в совершенстве, но, главным образом, в том, что он подходил по всем параметрам в качестве зятя. Большой капитал всегда нуждается в крепком политическом прикрытии, а из Костика можно сделать современного политика без труда, для этого у него есть все: личные качества, биография, амбиции, здравый цинизм и умение очаровывать электорат. К тому же нравится дочери, которая раньше и слышать не хотела о замужестве.

Отец, правда, не обольщался насчет прелестей дочери, но когда Костик станет его зятем, не захочет терять все, к чему так долго шел, уж он постарается, чтобы молодой человек был на коротком поводке: никаких

влюбленностей и крепких связей на стороне, никаких побочных детей, но секретарши-красотки, при известной конспирации, есть у всех, и на это нужно закрывать глаза. Но был еще один, тайный резон – Костик в силу определенных качеств не мог быть самостоятельным игроком, его можно держать в узде, он не сможет переиграть владельца капитала, а желание отжать большое состояние вполне допустимо в контексте нынешней российской этики.

В итоге свадьба состоялась, и претенденты, и так завидовавшие удачливому жениху, с удивлением увидели на пышном и дорогом торжестве, что причесанная и накрашенная невеста не так уж и уродлива, ее даже можно назвать милой и трогательной, когда она смотрит на своего новоявленного супруга смущенно и близоруко. Первый год совместной жизни почти ничем не омрачался: Костик попал в самую настоящую, не выставляемую напоказ, даже скрываемую от постороннего глаза роскошь. В семье тестя, где он жил, давно привыкли хорошо питаться, и даже тогда, когда питерцы атаковали продовольственные магазины в стремлении купить синюю курицу, здесь, в изобилии, два огромных холодильника в своих глубоких, как пещера, недрах хранили черную и красную икру, драгоценные сорта рыбы, парное мясо и фрукты и овощи без нитратов и нитритов. Все это доставлялось личным водителем из неизвестных мест, а многолетняя прислуга готовила по особым рецептам.

Теща, бывшая опереточная дива, носила дома атласные халаты, отороченные страусовыми перьями, при любом удобном случае наивно хлопала густо накрашенными ресницами, и время, свободное от портних и парикмахерш, проводила с телефонной трубкой в руках. Так она прохлопала сына, которого обожала и безмерно баловала, а когда узнала о его пагубном пристрастии, сделала все, чтобы скрыть это от отца. Для Костика было непостижимо, как у такой матери вдруг образовалась такая дочь, по логике, дочь тоже должна была быть в бантиках и оборочках, но так иногда бывает, от обратного. Умная дочь, которой мать дала имя по своему вкусу, с детства терпеть не могла ужимок матери, ее странные наряды, и делала все ровно наоборот, что даже несколько перегнула палку.

Впрочем, мать особо не рвалась ее воспитывать, сначала все ее мысли и силы занимал непутевый сын, потом она оплакивала его несколько лет, а там и дочь выросла, не похожая на мать ни лицом, ни характером. Если кто-то в семье и был необычным человеком, так это был тесть.

«Железный человек без нервов и эмоций» – так говорят о таких. Костик раньше никогда таких людей не встречал.

Только через несколько месяцев после свадьбы он узнал, что тесть сидел по экономической статье, это помешало ему сделать политическую

карьеру. Это человек-кремень, он видел и прошел многое, и ничто не сломило его. С виду не богатырь, худощавый, выше среднего роста, но когда его посадили в камеру с тремя уголовниками, не только сумел выжить, но и добился их уважения.

Великолепно разбирается в людях, они для него открытая книга, не верит посулам и обещаниям, мужчина для него не тот, кто умеет говорить, а тот, кто умеет делать.

Воплощение девиза пенитенциарной системы: не верь, не бойся, не проси. Конечно, он и Костика насквозь видел, но видно, тот его во многом устраивал. Пока он сидел, его жену-красотку окучивали многие, но та верно ждала мужа, несмотря на опереточные представления, воспитывала детей, как могла его поддерживала. А верность – лучшее качество женщины, тем более, когда у нее полно претендентов на эту самую неверность. Это легко, наверное, для той, которой никто не интересуется. Но именно такие всячески осуждают «вертихвосток», поскольку им вертеть нечем, вот откуда растут ноги у ханжества.

Поэтому тесть ценил свою жену, был ей благодарен и никогда бы ее не оставил, и если у него и было что-то на стороне, никто и никогда об этом не узнал.

Иногда люди думают, что богатство падает на человека откуда-то сверху. Особенно преуспел в таком понимании русский фольклор, чьи любимые герои сами ничего не делают, за них то Василиса работает, то щука исполняет желания, то еще кто-нибудь. На самом деле богатые люди весьма умны и трудолюбивы, иначе они потеряют все в первом поколении. Для тестя приобретение капитала давно превратилось во что-то наподобие спорта, он рискует, делает ставки на людей и обстоятельства, просчитывает несколько сложных комбинаций вперед, и он не болен деньгами. Поэтому незаметно для себя стал обладать немалым состоянием, которое поместил не просто в банки на проценты, но в действующие предприятия, выгодные акции, офшоры, немалые деньги лежат в надежных банках за границей.

Единственную дочь тесть по-своему любил и не дал бы никому ее обидеть, но понимал: как только его не станет, Костик по-другому будет вести себя с ней. Поэтому надо дождаться внуков, правильно их воспитать, дать хорошее образование и научить правильно распоряжаться тем, чему он посвятил свою жизнь. Когда дочь забеременела, с нетерпением ждал внука. Жаннету поместили в хорошую клинику в столице, куда к этому времени перебралась вся семья: у тестя того требовали интересы бизнеса, Костик к тому времени при помощи тестя стал одним из самых молодых членов Госдумы, женщинам было жаль покидать насиженное место, но новый дом на Рублевом шоссе был еще более комфортным и удобным.

Сначала в семье хотели, чтобы роды прошли в хорошей европейской клинике, но врачи заверили: все протекает нормально, здесь справятся не хуже, Жаннета тоже не захотела уезжать далеко. Однако все прошло далеко не гладко: опытный гинеколог, которая должна была принимать роды, накануне сильно простудилась и заболела, остальные, зная, что пациентка особая, не хотели брать ответственность на себя, поэтому сначала роженицу мучили сутки, ожидая, что она сама родит, а когда все-таки решили оперировать, время было упущено, у семи нянек дитя без глазу.

Родилась девочка, которую реанимировали, но врачебный приговор прозвучал как выстрел в сердце: детский церебральный паралич. Но это было не все. Второй приговор стал еще одним страшным ударом: вряд ли Жаннетта сможет в будущем стать матерью. Есть закон компенсации, согласно которому успешные люди платят свою цену за власть, за богатство, за везение и удачу.

С момента выписки из роддома Жаннета впала в какой-то транс, и теперь искала в астрале причину своего материнского горя. Девочке между тем исполнилось пять лет, и хотя за ней был самый тщательный уход, семейный бизнес, который сам уже существовал по своим законам и увеличивался с каждым годом, она не смогла бы возглавить в лучшем случае.

Тесть прекрасно понимал, что как только он закроет глаза, Костик станет жертвой какой-нибудь околомодельной, полностью переделанной косметическими операциями особы, чьим генетически обделенным детям и достанется все. Он думал все больше, все больше мрачнел и не знал выхода из ситуации.

В такой момент и получил Костик письмо от Люси. Взяв в руки конверт, он в первую очередь посмотрел на обратный адрес. Этот город он хорошо знал, проходил там преддипломную практику. Из письма выпали три фотографии, на первой – он у костра с девушкой, которую звали не то Лена, не то Лиля, с ней он познакомился и провел последнюю ночь перед отъездом, на второй – его собственная детская фотография, которую он прежде не видел, на третьей – опять он маленький с той же Леной или Лилей.

Что за черт? Читая письмо, Костик все больше и больше не знал, радоваться, огорчаться, верить или не верить. Так это его сын, которому уже восемь лет? Может быть, это фотошоп, розыгрыш, провокация?

Кто-то из его политических противников вполне мог бы организовать нечто подобное. А вдруг это правда? Костик вспомнил Люсю, девушку, которой он нравился, Лилю, которая нравилась ему и чьей доверчивостью он тогда воспользовался, даже посчитал по календарю, когда родился Максим – через семь месяцев после его отъезда. Вряд ли

Лиля была уже два месяца беременна, поскольку, к большому удивлению, в ту ночь она оказалась невинной. Если бы эта деталь тогда была бы ему известна, все могло сложиться по-другому.

Так или иначе, если эту историю раскопают вездесущие журналисты и она попадет в газеты или на телевидение, это может доставить и ему, и его семье массу проблем.

А если узнает тесть, последствия непредсказуемы, а он узнает обязательно. И тогда Костик принял единственно правильное решение: он решил посоветоваться с тестем. В конце концов, тесть понимает, что до женитьбы на его дочери Костик не был девственником.

В тот же вечер, постучавшись, Костик зашел в кабинет тестя и молча положил перед ним письмо, написанное достаточно толково. Тот так же молча взял его и стал читать.

Дошел до конца и перечитал еще раз, потом внимательно рассмотрел все фотографии:

– Да, это твой сын. Здесь никакая экспертиза не нужна, и фотографии, насколько я вижу, не подделанные, я в этом немного разбираюсь. Что ты намерен делать?

Глаза тестя, как рентген, просвечивали Костика насквозь. Он пожал плечами. Тесть так же невозмутимо смотрел на него:

– Значит, как семя разбрасывать где попало, ты знаешь. А как поступить сейчас, должен тебе подсказать я. – И, не глядя на Костика, добавил: – Пусть приезжают, на месте разберемся. В любом случае, раз его мать не работает, ребенку нужно помочь. Если он твой сын, конечно…

Тахир ТОЛГУРОВ

ЗАПИСКИ МЕЛОМ

Посик

Посик – популярнейшая личность конца 70-х – первой половины 80-х. Естественно, в определённых кругах, конкретно – у студентов КБГУ. Служил, или работал, – не знаю, как там считается – на кафедре военной подготовки университета. Рост его, за счёт удивительной геометрии ног, стремился к нижнему пределу допустимого в рядах СА, несмотря на то, что всё прочее было весьма габаритно. Габаритно и эпично – вхождение в помещения осуществлялось поэтапно: живот, нос, лежащий на носу козырёк фуражки, затем остальное. Речь майора была феноменальна – присвистывал, пришепётывал, картавил, шепелявил, гнусавил и заикался. Говорил с сильнейшим этническим акцентом, но с каким – непонятно. Он – из кабардинцев балкарского происхождения, произношение же ни к одному из народов республики отношения не имело. Больше всего спичи офицера походили на выступление артиста разговорного жанра, пародирующего общесреднего кавказца. Анекдотов про него ходило – Чапай плакал навзрыд. С той разницей, что Василий Иванович вряд ли испытал всё, что о нём рассказывали, а истории Посика были взяты из жизни.

Главный подвиг, принёсший ему тотальную известность, был прост: объясняя студентам мощь, красоту и возможности БТР-60 – в исполнении майора «БеТееЛьсистисят», – он пояснил, что машина делает всё, даже плавает. Аудитория выдала единственное, оказавшееся, как показало ближайшее время, провокацией: «А летать?». Посик, снисходительно поулыбавшись, ответил, что именно это действие броневик производить не может. И здесь нарисовался Амур Багиев, самый крутой хохмач вуза, автор вышеозначенного вопроса и – в будущем – романа «Легионы идут за Дунай» – история данного произведения достойна особого разговора, но это в другой раз. Он скромно отметил, что, по словам полковника Ахметова, БТР-60 левитирует без видимых затруднений. Поясняю: полковник Ахметов был Иваном Грозным военной кафедры. Бояр при ней не имелось, опричниной был он сам. Следующая социальная ступень, на которой расположились все сотрудники, была представлена исключительно сволочью в исконном значении этого слова. И офицеров кафедры регулярно уволакивали на сволочной двор по разным статьям.

Поэтому ссылка на начальника весьма и весьма… обязывала. Преподаватель оказался в затруднительном положении, по его разумению, было

абсолютно неважно, лжёт студент или говорит правду. Существенной являлась апелляция к имени полковника. Растерянность его продолжалась, впрочем, недолго, и именно тогда родилась фраза «БеТееЛь летает, только совсем низко». Замечу, что сентенция майора облетела весь Союз, и сегодня часто приводится в качестве фольклорной.

Однако это, вне всякого сомнения, правдивое изложение событий, имевших место быть в кабинете техники военной кафедры Кабардино-Балкарского госуниверситета. Заявляю это вполне ответственно, так как сам, лично, был свидетелем удивительных этико-семантических антраша за авторством Посика. Подтверждаю, что низколетящий БТР – его стиль.

Моё очное знакомство с ним состоялось на втором-третьем кафедральном занятии. Первым предложением майора было «Пливестите жульнал», вторым – логичное «Смельх пелькатить», далее шло загадочное «Ви здесь, я смотлю, себе думаете!».

В наступившей тишине – а взгляд преподавателя, невзирая на ноги, нос и фуру, не был преисполнен юмора, – Посик, крадучись, продвигался к нам с Азаматом, который продолжал курлыкать, пытаясь задавить необоримые приступы смеха. Майор медленно приближался, слегка сутулясь и мягко перекатываясь на тороидальных нижних конечностях. В какой-то момент мне стало страшно: стоявший в соседнем ряду Ахмед улыбнулся и – клянусь! – не отрывая пристального зрачка от жертвы, офицер левым глазом хищно покосился вбок.

Азамат тем временем не унимался. Обычная неконтролируемая истерика, но Посику было фиолетово.

– Я вас, вас говолю, товалищ студент!

После неизбежного радостного взвизга обречённого майор молниеносно подался вперёд и упёрся носом в подбородок обидчику:

– Вам касается! – как выяснилось, именно в этот момент отношения между студентом и преподавателем испортились настолько, что ближайшим призывом Азамат отправился отдавать долг родине.

Со мной Посик придерживался выжидательной стратагемы. Будучи студентом-заочником, майор имел кучу задолженностей у отца вашего покорного слуги. Он рассчитывал выгодно променять филологическую ограниченность на техническую тупость и ощущал отношение Кангаура-младшего к «БеТееЛу» результатом циничного анализа взаимных потребностей. Ошибка. Просто мои познания любых автомобилей ограничивались уверенным различением руля и колеса. Не более. Подозрительным для Посика было то, что в остальных военных дисциплинах я на фоне товарищей не выделялся и что-то кумекал.

Плана экзаменационно-зачётного бартера он придерживался, решительно отметая все мои попытки торпедировать его. Помню, закрывал пропуски. В классе стоял спаренный движок транспортёра, а

вдоль стен – его составляющие. Нерадивых было четверо. Двух моих однокашников майор, обнаружив недостачу в конспектах, отсёк, но они остались в кабинете. Как пояснил Вася Шульженко, «песец отработкам, хоть поржём – тебе-то он поставит. Поддержи каеф, ничего не отвечай!». Третьего из нас – Алима Кульбаева – многие преподаватели-мужчины попросту побаивались, и ему было разрешено прояснить работу системы цилиндров с неполными лекционными записями. С меня потребовалось описание сцепления. Льготное – без конспектов и даже без оправданий их отсутствия, «как самому умному и способному студенту».

Найти эту штуку в двигателе было вне моих сил, я двинулся к стене. Посик тут же, причитая, что ему необходимо срочно позвонить, выскочил из аудитории.

– Ну что, будешь отвечать?

Я неуверенно пожал плечами. Однокурсники начали объяснять устройство и принципы функционирования сцепления. Майор, чётко различаемый сквозь узорчатое стекло входной двери, мирно дожидался конца лекции. Консультанты сели на свои места, Посик, выдержав сценическую паузу, подошёл ко мне.

– Ну-у, что тут, как тут?

– Вот этот агрегат…

– Аглегат, аглегат. Можно так назвать.

– Это механизм.

– И это плавильно! Какой ты гламотный!

– Он и является сцеплением.

– Да, да, молодец, это сцепление!

– Вот оно такое, – тыча в диск, я глубокомысленно похмыкал: – Хм, хм, круглое!

– Ты смотли, – восхитился преподаватель. – Оказывается, ты всё знаешь. Какой молодец!

Мои братья по отработкам не могли сдержать смеха, Васька вообще залез под парту и в приступах хохота бил её снизу хребтом. Парта гулко бу́хала и мешала диалогу. Офицер многозначительно воззрился на нарушителей возникающего дружелюбия и порядка. Дело пахло повторением истории с Азаматом, я поспешно бросил в бой последнюю имевшуюся у меня информацию по вопросу:

– Они… Эти, круглые… Трутся! И цепляются, – и прилежно уставился на Посика. Выражаемое мной подобострастие привело майора в благодушное настроение, он довольно потёр руки.

– Вот почему ты лекции плопускаешь. – Посик повернулся к не столь успешным студентам и назидательно поднял палец. – Всё знает. Ему можно на занятия вообще не ходить!

Опуская указующий перст, он до крови ударился о какую-то деталь и, айкнув, прикусил ранку.

– Ай! Эть! Твою мать! Вот видишь, это меня бог наказал, за то, что я тебе не слазу поставил, сплашивать начал, как лазгильдяя!

После этого было много смешных и не очень историй – Посик, в течение получаса ходит за товарищем полковником по плацу, держа на почтительно вытянутых руках плащ командира. Посик, старательно, но безуспешно отбивается от маленькой, носатой, кривоногой университетской собачонки, названной в его честь. Она благополучно вцепляется в его икру и, ожесточённо рыча, треплет её с мощностью в пятьдесят шавкосил, а майор предано пожирает глазами стоящее перед ним начальство. Посик, опоздал на построение и пробирается в офицерский строй – пригнувшись и короткими перебежками, дабы не быть замеченным Ахметовым. Посик… Да, ладно, много всего, вызывавшего смех, вплоть до обнаружения несчастного майора мстительно спускающим колёса у кафедральной «Волги».

Но для меня ироико-смеховая часть биографии Посика закончилась на сборах под Прохладным. Тогда каждой полусотне студентов были приданы командиры из офицеров местной кадрированной дивизии, и мы ужаснулись. Стало понятным, что университетские служаки – соль, элита и утончённый нобилитет советской армии. Стало понятным, что наши – образцово стеснительны, благородны и интеллектуальны.

Эти же… Дивизионные тащили из студенческой столовой всё. Только наблюдение данного процесса убеждало в том, что в их рационе присутствуют какие-то продукты, помимо алкоголя. Надираться в дым и воровать было главными талантами этих защитников социалистической Родины. Кроме этого, они умели стучать друг на друга, лизать зад комбрига, бесцельно лазить под юбки и кофточки связисток, цитировать устав и неожиданно впадать в острые приступы белой горячки.

Замполит сборов – некто Ергужов. Сверх обычных армейских способностей обладал гусиной шеей с гуляющим по всей её длине кадыком и навыком усматривать происки идеологических врагов в коровьих лепёшках на территории лагеря. Подслушивание ночных разговоров у палаток курсантов божьим даром не являлось – благоприобретённое хобби. Как-то очередным утром он провёл каждодневную политинформационную пятиминутку: «Мы должны быть бдительны, и изо дня в день всё бдительней и бдительней. ЦРУ и ФРГ не дремлют!». Аббревиатуры произносились «цру» и «фэрэгэ»; думаю, не надо разъяснять, что подполковник путал федеральное бюро расследований США и западную Германию.

Провёл – ну и слава тебе, ЦК КПСС! Однако на обычный вопрос о претензиях и жалобах Ергужов вдруг услышал неожиданное «Да, есть!». С инсинуацией выступил Валера Дыжеков. Услышав, что компот в столовой полностью лишён признаков сладости, замполит разгневался. Ему ли этого не знать! Ничего страшного в том, что полтора месяца в году эти сынки побудут без глюкозы, нет. А вот попытка студента навязать

семейному бюджету советского офицера закупки сахара – в период консервирования и самогоноварения! – удар по боеготовности этого офицера. Следовательно – по боеготовности Вооруженных сил СССР. То есть – шпионская акция ЦРУ и ФРГ. Шайтан его знает, какими прихотливыми путями пробирается мысль подобных людей, может, зигзагами короеда. Результаты их мозговых усилий бывают непредсказуемыми.

И совсем не смешными. Особенно для Валеры. Ергужов отправил его на гауптвахту и вызвал следователя особого отдела. Дело принимало скверный оборот – Дыжеков загорал на губе Прохладного, а здесь конструировалось дознание об идеологическом разложении, сознательном саботаже и подрывной деятельности. Парень мог вылететь из университета и даже получить реальный срок. Посадили же Дацу на восемь лет за то, что он залил огнетушителем портреты Ленина и Маркса.

Появление особиста на сборах было максимально помпезным. Аккуратный лейтенант, лет двадцати пяти, сразу занял палатку дивизионных, послал одного из майоров в посёлок за пивом, Ергужову поручил варку кофе и начал допрос свидетелей. Не тех, что присутствовали в момент кощунственного посягательства на доппаёк, а людей, знавших Дыжекова в период его тайной приверженности империализму. Стало ясно, что гадёныш хочет выслужиться, а самым лёгким путём видит отправку кого-нибудь куда-нибудь. Главное – надолго.

Я как раз был дневальным. Где-то через час после начала своих кропотливых изысканий, летёха послал меня за майором Посиевым. Зайдя в палатку наших кафедральных, я обнаружил его лежащим в расстёгнутом кителе, без ремня, без фуры. Ноги были закинуты на спинку кровати, сапоги мирно пованивали у ложа. На мои шаги Посик приоткрыл один глаз.

– А-а, Кангаулов! Как дела, как служба?

– Вас лейтенант к себе вызывает, – этот человек в данный момент был гарантом будущего Валеры, и, на мой взгляд, его гарантии смердели хуже, чем обувка. Видать, уже околели и разлагались.

– Какой ещё такой лейтенант? Ты, Кангаулов, к майолу плишёл или к кузькиной мателе?

– Лейтенант из особого отдела, – сообщение имело эффект размашистой, от души, пощёчины.

Посик подскочил, неведомым мне способом попал обеими ногами в сапоги, успев при этом застегнуться и затянуть ремень. Ровно через секунду он уже сутулился перед небольшим зеркальцем, приставляя сложенные пальцы к козырьку фуражки, дабы обеспечить ровную посадку головного убора.

– Что же ты мне слазу не сказал! – майор озабочено вырвал невидимый волос, росший на огромном носу, и ещё раз обозрел свой лик. – Смотли на этого замполита, всё-таки вызвал!

Последние слова прозвучали уже из-за брезентовых стен. Выйдя за Посиком, я ещё раз подивился его уникальной походке – если свежий бублик разрезать в одном месте, её можно сымитировать, вращая обрезанные концы друг вокруг друга. Офицер браво промаршировал к соседней палатке, шаркнул ногами перед входом, вдвинул выступающие части тела за полог. Нырнул вглубь и исчез.

Зной давил. Единственное пятнышко тени давал штаб сборов. Поначалу мне не было дела до происходящего внутри, было ясно, что Посиев с потрохами сдаст бедного Валеру, и тому надо срочно искать прикрытие в виде влиятельного родственника. Но, присев на корточки у полотнища, я услышал совершенно неожиданный для меня диалог:

– …Плосто ляпнул. Ну, дулачок, что теперь делать? Что вы, товалищ лейтенант, лишнее тут плиписываете?

– Ты, майор, думай, что говоришь. Особый отдел что-то приписывает? – в наступившей короткой паузе я явственно слышал, как озабоченно сопит монументальный нос нашего преподавателя.

– Ну, товалищ лейтенант…

Однако особист, срываясь на фальцет, перебил Посика:

– Тебе, майор, самое время о себе подумать! Чёрт знает, чем вы там у себя в университете занимаетесь, половина студентов у вас разложенцы! Вот тебе бумага, майор, чтоб через пять минут вся натура этого Дыжекова передо мной лежала, вся его гниль! Что сказал, кому сказал, что сделал. Ясно?!

«Да. Капец Валере приходит», – подумал я, но в это мгновение раздался голос майора. Посик говорил негромко, но очень чётко, кажется, даже без обычных своих дефектов:

– Ты, сучёнок, понос ты дизентерийный, на кого тявкаешь? Встать, когда разговариваешь со старшим по званию!

– Что-о-о?

– Ах ты, тварь! – послышались звуки, ошибиться в которых было трудно. Кто-то кого-то бил по ряхе. Я сорвался с места и забежал в палатку. Посиев, держа левой рукой лейтенантика за горло, правой с видимым удовольствием отпускал тяжеленные оплеухи. Голова особиста моталась из стороны в сторону, ноги, казалось, не доставали до земли.

Внезапно отпущенный, он упал и попытался встать, но дальше произошло ещё более крамольное. Майор рванул из кобуры пистолет и уткнул дуло в распухший нос лейтенанта.

– Ублюдок. Мать твоя б…дь! Отец твой п…ор! Три минуты я тебе даю, чтоб ты убрался! Замочу, говно ты такое! Дальше будешь парня тягать… Не дай бог, сядет он. Я тебя где угодно достану, яйца тебе отстрелю! Не промахнусь. Промахнусь я, Кангауров, с такого расстояния? – внезапно обратился он ко мне.

– Никак нет, товарищ майор!

– Молодец, курсант. А теперь выйди, отойди от штаба.

Я исполнил приказание. Менее чем через минуту из палатки выскочил стрёпанный особист, окинул меня безумным взглядом и, прижав к груди портфельчик, ринулся к служебному «УАЗику». Ещё через двадцать секунд ко мне подошёл майор Посиев и с интересом посмотрел на клубы пыли, оседавшие на горячую землю лагеря.

– Вот сволочь, а? – обычным непонятным своим говорком произнёс он. – Дыжеков дулак просто. Не суй нос, куда не надо, целей будет, – офицер бережно погладил свой румпель. – Вот гауптвахта и гауптвахта. Это плавильно! А сажать за что? Да же, Кангаулов?

– Так точно, товарищ майор! – улыбка растягивала мои губы, ничего не мог с этим поделать.

Посик подозрительно оглядел меня.

– Всё вам хиханьки да хаханьки! – он махнул рукой и двинул было к палатке, но приостановился. – Ты это… Ты, Кангаулов, палень умный, сам знаешь, что ничего не видел?

– Знаю, товарищ майор!

– Вот-вот. Это холошо. А то иногда бывает… Товалищу близкому ласскажешь что-то, а потом – лаз! Майола Посиева лазжаловали и посадили! Пока я живой – никому.

– Так точно. Клянусь!.. Да, – спохватился я, – товарищ майор, а что же так родителей его?

Посик вновь остановился. Его мясистая физиономия озабоченно сморщилась, он с сомнением поморгал глазами.

– Думаешь, не надо было? Думаешь, холошие люди? – он залез рукой под фуру и поскрёб в затылке. Потом облегчённо усмехнулся. – Да не-ет! Такой мелзавец у нолмальных не лодился бы!

Майор Посиев поправил фуражку, одёрнул китель и, на прощанье кивнув мне, закатился на своих кривульках в кафедральную палатку. Спать.

Данная мной клятва свято соблюдалась, Валера Дыжеков даже не знает, кто прикрыл его в опасный момент. И совсем недавно я услышал, что наш бывший преподаватель ушёл за перевал. Он избежал обычной судьбы уволенных вчистую офицеров и не спился. Апоплексия.

Рекордный выстрел

Моё детство было не столько босоногим, сколько сиротским. Родители строили свои научные карьеры, в какой-то момент они практически одновременно вышли на защиты кандидатских. В детском саду сверстники дразнили меня безотцовщиной, и поэтому пришлось очень рано выучить слово «автореферат». С его помощью я пресекал любые

нападки, говоря, что отец у меня есть, но занят написанием вот этого самого. В особо тяжёлых случаях бил насмешников жестяным грузовиком по голове. Помогало лучше, чем автореферат, однако раздражало воспитателей.

Лето проводил в Яникóе. Бабушку не слушался, дядька – Мажи́д – считал, что ограничивать меня в чём-либо нельзя, для самых крайних случаев существовала конура Волчка. Сын волка и кавказской овчарки легко отличал гостевые посещения его жилища от вынужденных побегов. В тех ситуациях, когда грозила опасность, он вообще не подпускал ко мне никого, включая родителей. То есть – жилось хорошо. И даже выгодно.

Яникой недалеко от Нальчика, меня часто навещали, каждый раз привозя разнообразную компенсационную мзду за пребывание в селе. Более того – я мог заказывать конкретные игрушки. Приехавшая в очередные выходные мама привезла ожидаемую масштабную модель «Москвича». Машинка полностью отвечала моим требованиям: имела резиновые колёса с чётко различаемым рисунком протектора, открывающиеся двери, крутящийся руль, никелированные бампера.

Она идеально подходила для игры в шоферов, каковая и была начата сразу же по получении автомобиля. Куча песка с извилистыми шоссе, блестящий новый экипаж у меня и округлый камень у Алима. Миниатюрное авто на фоне булыжника выглядело замечательно, однако его великолепие омрачалось одним существенным обстоятельством. Эти три брата, жившие по соседству – Алик, Алим и Руслан – при случае легко тибрили понравившиеся им предметы. Соображения этического порядка ими игнорировались, стоило объекту попасть в пределы их двора – он пропадал, как в чёрной дыре. Поимка с поличным означала безропотное возвращение позаимствованного. В то же время, первый шаг, нет, полшага в свою калитку, превращал каждое материальное тело в «моё, моё! Неделю назад тётка на базаре купила!».

Поэтому я был бдителен. «Москвич», к видимому сожалению Алима, ни на мгновение не уходил из моих рук. Впрочем, тупо схватить игрушку и убежать у меня на глазах воришка не посмел бы. Опыт свидетельствовал – камни, брошенные мной, всегда попадают в голову. Количество шрамов на бритых черепах моих товарищей учёту не подлежало. Некоторые родители, узнав, что приехал отпрыск Абида́т, забирали детей с улицы или прогоняли их в соседние кварталы. Дело, кстати, было даже не в травмах – в безнаказанности городского засранца, на защиту которого грудью вставал Мажи́д, а в отсутствие оного – стокилограммовая псина с жёлтыми бешеными глазами и клыками длиною в пять сантиметров.

Алиму нужна была временная фора, гандикап, который позволил бы добраться… ну, хоть до ворот. Уровень допустимого риска определялся мерой соблазна. В данном случае этот показатель был экстремально высок. И тут, совершенно некстати, высох и начал осыпаться спиральный

проезд на песчаную вершину. Я сделал четыре шага к бочке с водой, стоявшей у стены летней кухни. Уже дойдя до неё, вспомнил, что моделька осталась тет-а-тет с совершенно ненадёжным типом. Резко обернувшись, увидел, как в калитке прощально мелькнули пятки похитителя.

Точнее, это он надеялся, что данный стоп-кадр будет последним фрагментом истории с игрушкой. Чтобы понять произошедшее далее, необходимо знать географию места событий. Подворья Мажита и Хайбулла́ха – отца Алима – разделял переулок, уходивший вглубь квартала. В пятнадцати-двадцати метрах от его начала находился вход в их коровник. Когда я, подхватив подходящий голыш, выскочил на улицу, жулик уже заворачивал в проулок – знал, что до главных ворот ему не добежать.

В свою очередь, моё положение также было ужасно – фатальное опоздание казалось очевидным. Кинулся обратно во двор. Он обнесён стандартным для балкарских сёл забором – каменным, высотой около двух метров. Или чуть ниже, но всё равно надёжно прикрывавшим улепётывающего ворюгу. Этот бежал, бодро шлёпая босыми ногами по вечной слякоти тенистого переулка и, практически, уже являлся обладателем «Москвича». Шаромыга допустил лишь одну ошибку – держался своей стороны. Что давало мне шанс. Очень чётко помню, как я взял поправку на его скорость, вычислил приблизительную траекторию движения, координаты головы и метнул камень через ограду по накатистой дуге. Торопливое «чап-чап-чап» было прервано звонким щелчком камня о кость, раздался оглушительный рёв.

Выбежав в переулок, обнаружил лежащего ничком и плачущего Алима. Из неприятной раны на затылке текла кровь, но машинка была цела. Я не стал заморачиваться на детали и сантименты, взял игрушку и зарысил во двор к дядьке, а затем, немного поразмыслив, двинул в конуру к Волчку.

Прошло полвека. За это время, невзирая на соблазны и фамильную любовь Кангауров к диванам, я кое-что сделал. Защитил кандидатскую и докторскую, написал пару-тройку книг, сочинил дюжину стишков и рассказиков, наточил несколько ножей так, что ими можно остругивать человеческие волосы, от меня родились дети, любил нескольких женщин. Но сейчас, оглядываясь назад, могу точно сказать – всё, дарованное мне Всевышним, комплексно и концентрированно проявилось только один раз, в тот памятный день. Какое количество информации систематизировано и обработано, какие филигранные сокращения мышечных волокон инициированы и проконтролированы мозгом! За один хлопок сердца. Я сижу с умным видом за письменным столом и задаюсь страшным вопросом – неужели именно тогда был достигнут мой максимум и ничего более трудного мне уже не совершить?

Волчок

В щенячьем, то есть дошкольном возрасте я был тихим, послушным и тщедушным ребёнком. У таких чад обычно нет проблем со взрослыми, хотя они часто бывают биты сверстниками. Однако несколько, по всей видимости, врождённых способностей и наклонностей сильно осложняли мою жизнь. Я любил бродить и иногда в своих вояжах добирался до мест, действительно противопоказанных для пятилетних детей. У меня отсутствовал страх перед высотой и темнотой. Глаза и руки были вполне обычными, но вкупе они образовывали метательный механизм, не знавший промаха – кидая камень в человека, я всегда попадал в голову. Я не знал границ допустимого, и как-то раз мы, с моим двоюродным – Сергеем Малкондуевым, – повесили Кампучия.

В игре «казаки-разбойники» он был пойман, подвергнут допросу с пристрастием и, как шпион, отказавшийся – не выдал пароль – от сотрудничества, приговорён к смертной казни через повешенье. Если бы не своевременное появление нашего дядьки Мади́на, решение военно-полевого суда, несомненно, было бы исполнено. Лишь благодаря случайному спасению парень дорос до центнера с лишним, научился крутить сальто и вполне заслуженно получил прозвище балкарского Саммо Хунга.

В целом, я часто нуждался в надёжном убежище и надёжной защите. Небо оказалось милостиво – они у меня были. Невероятный по размерам пёс по кличке Волчок со своей конурой. Его мать – Гырна́у – кавказская овчарка нашего родственника Колле́та, браконьера и убийцы медведей. Отец – неизвестный волк огромного роста и мощи. В последнем можно не сомневаться, ибо сука Колле́та славилась тем, что одним щелчком челюстей перекусывала позвоночники пристававших к ней кобелей.

Волчок тоже не остался обделённым природой. Мы с Серёгой иногда катались на нём, осёдлывая гиганта со стула или с крыльца. Ограды дворов – а они достаточно высоки в балкарских сёлах, выше среднего мужского роста – препятствием для него не служили, поэтому в радиусе ста-ста пятидесяти метров от усадьбы бабушки я мог сколь угодно вольно разговаривать с любыми мальчиками, даже со старшеклассниками. Волчок не сидел на цепи и, унаследовав тончайший слух диких предков, без труда различал нотки агрессии в голосе человека, общавшегося со мной. Звать его в критические моменты не приходилось. Пёс сам перепрыгивал забор и подбегал неторопливой пружинистой трусцой. Он предпочитал молчать, но, встав рядом, каждый раз очень внимательно осматривал моих собеседников.

Голос подавал только в тех случаях, когда маленького вредителя, спрятавшегося в его жилище, обнаруживали жаждущие личного контакта. Волчок выбирался из конуры и делал несколько шагов к посягнувшему.

Хвост вытягивался горизонтальной струной, голова и глаза опускались к земле. Если этого оказывалось недостаточно, он начинал рычать. Где-то в глубине груди на низких басах рокотали большие барабаны, к ним подключались всё новые и новые. Если оппонент не ретировался – отец и дядья иногда упорствовали в своих педагогических порывах – глухой нутряной рык взрывался оглушительным рёвом, и пёс резко кидался на потенциального обидчика. Вернее, он обозначал этот рывок и делал паузу, позволявшую возобладать разумному подходу к ситуации.

До конца реализованную атаку я наблюдал только один раз, и результат её был плачевен. Это был чужой человек, старьёвщик, разъезжавший по селу в поисках утиля. Его запряжённую осликом повозку сопровождал здоровенный барбос. Мужику хватило совести обмануть меня, отдав за большой оцинкованный таз и старый медный кувшин всего один воздушный шарик. А потом, после того как я бросил в него камнем – с обычным своим результатом, – ему хватило ума погнаться за мной. Сам он отделался растерзанной в хлам рукой, а вот его бедный охранник отправился прямиком в собачий рай.

Волчок сопровождал меня во всех походах, и несколько раз его присутствие спасло от крупных неприятностей со стаями одичавших собак, обитавших на свалках в пойме Шалушки. Он участвовал во всех моих предприятиях и даже помогал воровать: свинцовую чушку у соседа Исмаила, кролика у Мусы, куст красного крыжовника у Лейли-знахарки. Запряжённый в сани, Волчок тягал их часами, и на любой скорости чётко рассчитывал вхождение в поворот, исключая опрокидывание ведомого экипажа. Зимними днями на улице я доводил свои пальцы до полного онемения, звал пса и отогревал кисти в его пасти. Волчок давился и кашлял, но смирно стоял передо мной, исполняя неизвестный долг и погружая свидетелей в ужас. Прохожие не верили, что страшное создание, обладающее совершенно дикими жёлтыми глазами и оскалом большой белой акулы, не хочет отхватить мои руки по самые локти.

Я долго находился в неведении по поводу причин такого отношения Волчка к моей особе. Совершенно недавно, где-то за год до смерти отца, мы разговорились о собаках, когда-либо встреченных нами. Он тоже любил их. В его казахстанском сиротстве остался большой белый алабай, спасший ему жизнь, пожертвовав собственной. Кангауров-старший о преданности полуволка сказал, что иначе быть не могло. Оказывается, мы познакомились, когда мне ещё не стукнул год, и я только-только начал ползать по полу. А тогда, в феврале 1965 пришёл страшный балдражю́з. Балдражю́з – конец февраля-первая половина марта. В горах говорят: «Будь в любом месте, ходи, где хочешь, но в балдражюз сиди дома!». Пожалев ещё слепого кутёнка, привезённого из Нижнего Чегема, бабушка – какой бы яростной мусульманкой она ни являлась – занесла его в дом.

Волчок до самого лета прожил со мной. Я был первым живым существом, которое он увидел, открыв глаза, был первым, кто укусил его, первым, кого укусил он. Мы ползали по тёплому полу бабушкиного дома, и я стал вожаком, потому что был больше и сильнее. Мы ползали по тёплому полу, и щенок быстро догнал и перегнал меня. И стал защитником, потому что был умнее и добрее. Пёс явно помнил забытое мной – наше младенчество.

Когда пришло время школы, я целый год не приезжал в Яникой. Судя по рассказам старших, характер Волчка испортился. В нём брала верх папашина кровь. Передушил всех крупных кобелей в округе, в него несколько раз стреляли. Потом подкинули во двор отраву. Инстинкты спасли полукровку – он не тронул ядовитое мясо. Но приманку проглотил Джек – спаниель дяди Мажита. Попытки отпоить собачонку айраном не удались.

И Волчка, от греха подальше, отправили на Белую Речку – старший брат моей матери, Мида, работал там лесничим. Пса посадили на цепь, и он очень быстро озверел. Уже через пару месяцев его кормили, шваброй подвигая чугунок с варевом к оскаленной морде. Мида жаловался, что толку от зверя никакого – волк не отпугивал людей гавканьем, а ложился в засаду с намереньем порвать насмерть неосторожно приблизившуюся добычу.

Последний раз видел его, когда учился в третьем классе. Мы с бабушкой приехали на кордон, и, зайдя во двор, я первым делом направился к большой конуре, стоявшей под навесом на дальнем конце длинного повода из толстой катанки. Мида не обманывал – в какой-то момент из-за кустарника, росшего у стены, молча выскочила серая стремительная тень и кинулась ко мне. Бабушка остановилась, схватившись за сердце, дядька метнулся в дом за ружьём. Когда он появился на пороге, Волчок стоял передо мной, я обнимал его за шею, а пёс, скуля и повизгивая, облизывал моё лицо…

На следующий день Волчок ушёл в лес. Порвал ошейник и ушёл. После того как я узнал, кем приходился ему, мне всё время кажется, что он мог сделать это и раньше. В любое время. Но хотел попрощаться и поэтому ждал нашей встречи. Надеюсь – я не появился слишком поздно, и Волчок ещё успел пожить для себя. Хоть пару лет.

IQ

Во времена Андропова, зимой – точнее не помню – мы с Юрой Свешниковым шли в университет. Навстречу бежал пёс. Монументальный спокойный метис с выраженными кровями дога. А моего спутника несколько раз бил током выключенный телевизор. И однажды его сильно

прищемила дверью старший методист Ольга Ильинична Колумбет – чемпионка СССР 1926 года по академической гребле.

Итак, Юра уставился на собаку. Честно говоря, никто спокойно не выдерживал взгляда этих прозрачно-болотных, навыкате, глаз. Али Зарамýкович вообще заявил, что если «тот студент» не будет к нему ходить, то получит зачёт автоматом, Клим – вёл у нас физкультуру – познакомившись с ним, во сне увидел себя жрецом древней Спарты, зачем-то берущим на руки новорожденного Свешникова, и так далее.

Собака поравнялась с нами, объёмный полушубок Юры из искусственного меха – помните, все носили их в начале 80-х, – на секунду скрыл от меня переднюю часть этого тузика-переростка. Потом псина протрусила дальше, никак не изменив ни флегматичной манеры передвижения, ни скорости. Зато мой спутник остановился и удивлённо сообщил, что «она» его укусила. В ощущениях от барбоса не было и намёка на опасность. Сомневаясь, я даже посмотрел на пожилую женщину, только что прошедшую мимо. О животном не думалось.

Но под задранной штаниной чётко отпечатались следы собачьих зубов. Начинаясь сзади, с икроножной мышцы, они охватывали всю окружность голени и заканчивались спереди ямками от клыков, не доходившими друг до друга парой сантиметров.

Полудог, между тем, остановился чуть поодаль и с нескрываемым интересом наблюдал за нами. Я разозлился. Цапнул и цапнул, с кем не бывает! Но вот так, мимоходом и пренебрежительно, да ещё и совершенно не страшась наказания... Это возмущало.

Юра наклонился к куче строительного мусора, чтобы хоть как-то уравнять мои шансы в будущей схватке. Пёс оказался пацифистом и, не торопясь, отступил за новенькую «Ладу», стоявшую на въезде в чей-то двор. Иронично выставив из-за багажника половину морды, он напоминал страны Варшавского договора – был подчёркнуто спокоен и готов к любой агрессии.

Наступление человека, вооружённого обломком рейки, собаку не смутило. Она квалифицированно передвигалась так, что нас постоянно разделяла машина. Серая спина и задница с хвостом лишь на короткие мгновения оказывались в поле моего зрения. Стало очевидным, что догнать обидчика не получится. В бессильной злобе решив метнуть во врага своё оружие, перехватил деревяшку за тонкий конец. Тут же поменялась и тактика этой гигантской шавки. Теперь мерзкий пёс исчез совсем.

Побегав вокруг «Жигулей» минут пять и убедившись в никчёмности Юры в качестве корректировщика, я остановился и задумался. Зверюга дружелюбно постукивала хвостом о кузов машины на той её стороне, не обращая внимания на истошные крики Свешникова: «Вот она, здесь! С этого бока!». Точная локализация противника казалась неразрешимой

проблемой. Наконец, форсированный мозговой штурм дал результат. Меня осенило.

Довольный собственной сообразительностью, заглянул под «Ладу». И тут же наткнулся на не менее довольную морду, взиравшую на меня из-под другого борта легковушки. Затем последовало прямое оскорбление и поношение рода человеческого в моём лице. Негодная моська, увидев, что и противник, наконец, измыслил способ пеленгации, разочарованно тявкнула, взвыла и мгновенно разорвала дистанцию – ни о каком возмездии не могло быть и речи. В тот час унижения я просто с досадой выкинул бесполезную рейку, и мы с Юрой продолжили свой путь, так и не оценив произошедшего. Вру – когда укушенный спросил, следует ли теперь делать сорок уколов, я его успокоил, констатировав явную разумность ускользнувшего врага.

Но лишь по прошествии времени осозналось всё, гавкнутое этим гибридом дога и крокодила. Во время конфликта он был невозмутим, издевательски безмятежен, сенситивен, опережал меня в мышлении, а увидев, что соперник тоже не лишён какого-никакого интеллекта, тут же ретировался. Одно меня мучает более остального – взвыв напоследок, собака выразила разочарование потерей тактического преимущества? Или окончанием весёлой игры с безобидным, туповатым антропоидом?

О плоской земле

Я познакомился с Олежкой в больнице, в глазном отделении. Он попал в «республиканскую» из Прохладного. Не помню, зачем сам там лежал, а у него – полный набор патологий: косоглазие, офтальмоплегия и нистагм. Первое знают все, второе – запаздывание одного глаза при движении другого, при третьем зрачки постоянно дёргаются, и чёрт его знает, как эти люди вообще видят.

Читать парень, естественно, не мог, да и не проявлял таких желаний. После шести классов Олег бросил школу и работал скотником на ферме. Естественно, в смысле эрудиции был клоном Балаганова, с той разницей, что в его представлениях единственными городами планеты были не Москва, Киев, Мелитополь и Жмеринка, а Москва, Нальчик и Прохладный. Из развлечений предпочитал курение анаши, поедание кашки из оной и питьё молока, вскипячённого с нею же. Считал ли он землю плоской – я не выяснял.

Зато видел, как ему делали операцию. Резекция глазных мышц. За несколько дней до этого один студент затащил нас с Карацуковым в ординаторскую и в течение получаса выжигал нам радужку каким-то агрегатом. Мой товарищ оказался нетерпеливым пациентом и, как кандидат в мастера спорта по тяжёлой атлетике в весовой категории свыше

девяноста килограммов, поинтересовался причинами такого внимания к нашим персонам. Как выяснилось, будущего эскулапа звали Малхаз Лихвелидзе, родился и вырос он в Поти, и, заканчивая последнюю практику от КБГУ, желал хотя бы посмотреть, что это такое – сетчатка.

За столь неудачный выбор подопытных макак кахетинец задолжал нам с Карацуковым коньяк с хорошей закуской. В тот момент, когда вокруг дремлющего в анестезии Олега собрались врачи, бутылка как раз вскрывалась в процедурной, располагавшейся в смежной комнате.

Не скажу, чтобы я сильно интересовался подвигом людей в белых халатах, но несколько фраз запали мне в душу:

– Что там по второму глазу?.. Оксана, хватит задницу греть! Посмотри документы!

– Нет их здесь!

– Как нет… вашу мать! Что делать будем?

– Да что ты орёшь, как беременный п…ст! Сколько на этом глазу?

– Пять.

– Ну, и на этом пять режь!..

Через пару дней Олежка появился в палате, к концу недели ему сняли повязки, зрачки как бегали, так и продолжали бегать. Незатейливые истории жизни и болезни парня заставили меня задуматься, но после операции рядом с ним поселились его мать и сестра. Они были высокие, сильные, сероглазые и золотоволосые, а, главное, при взгляде на Олега обе хотели плакать и смеяться одновременно. И я понял – вот вернётся он домой, будет каждый день выходить из дома в плоскую прохладненскую степь, будет пасти коров на плоской земле, разглядывать облака, плавающие меж хрустальными небесными сферами. Он женится, его дети вырастут с нормальным зрением и получат хорошее образование. А врачи, которые пытались искалечить ему жизнь, когда-нибудь пойдут-пойдут-пойдут и сдуру свалятся с краю прямо под ноги слонам. И те яростно растопчут в пыль их иссохшие кости, и звёздный ветер сметёт её в полную безвестность с гладкого черепашьего панциря.

Гений

Я приехал к дядьке – Исмаилу Малкондуеву – в середине лета, в самую страду. В Ламгуте начиналось холощение ягнят совхоза имени Али Байсултанова, то есть – Яникоя. Три бригады согнали отары в конец урочища к загонам для сортировки животных. Собрался целый парад, человек восемь чабанов, пара ветеринаров и я.

Если по-хорошему, холощение – настоящая операция, производиться она должна в индивидуальном порядке, с особым подходом к каждому баранчику. Раньше, в эпоху частнособственнического хозяйства, так и

было. С приходом Советской власти восторжествовал коллективизм, маленьким самцам просто отстригали края мошонок и выдёргивали их несчастные орешки.

Экзекуция предназначена для сохранения рабочих качеств. Приём – в цивилизованных формах – с успехом практикуется во всём мире, защищает поголовье от близкородственных скрещиваний и от вырождения. Но в данном случае речь идёт об овцах карачаевской породы. Они закупаются регулярно, любовь производителей и маток протекает под жесточайшим контролем зоотехников, однако уже во втором поколении «карачаевцы» начинают меняться.

Там, у себя на родине – в какой-то сотне километров к западу – это маленькие чёрные полукурдючники с небесными очами. В первом же приплоде, полученном в балкарских ущельях, присутствуют особи с белыми отметинами, синеглазость становится редкостью. Внуки приезжих – обычные белые овцы, с мясом, конечно, лучшим, чем всё остальное на этой планете, но далёким от оригинального. Описать ощущения от шашлыка из настоящего карачаевского барашка невозможно. Легче посочувствовать тем, кто его не пробовал – они всю жизнь жевали мокрый картон, гретый на шампурах.

Тогда я впервые принимал участие в массовом оскоплении. Мимолётность процесса сглаживала впечатления от него. Короткое «бе-е!», и он уже валух. Раны присыпались каким-то жёлтым порошком, потом бедняг поили раствором медного купороса. Далее выступала самая низкоквалифицированная пастушья сила, то есть я. В зоне моей ответственности лежала последняя профилактическая процедура – не дать им лежать на земле во избежание сепсиса. В реальности мои обязанности вылились в суетливые и бесполезные перебежки внутри загородки.

Среди чабанов присутствовал глубокий старик по имени Комай. Я немного знал его по Яникою, но понятия не имел, что он может быть занят столь хлопотливым делом здесь, на высоте двух с половиной километров. Дедушка с картинной внешностью – светлые глаза, белая бородка, розовая лысина, просвечивающая сквозь редкие серебряные волосы и суковатая дубина в крупных мосластых руках. Слегка прихрамывая, Комай подошёл к загону и некоторое время, саркастически улыбаясь, наблюдал за моими эволюциями.

– Да, если голова не работает, приходится бегать, – наконец, соизволил заговорить этот Мафусаил. – Не видишь, что ветра нет?

Я вопросительно посмотрел на него. Какова связь между моей беспомощностью и перемещениями атмосферы? Старик указал дрыном на центр загородки:

– А ну, стань там.

После выполнения его команды образовалось пятно свободного пространства и широкое кольцо из ягнят. Комай с интересом смотрел на

меня, но я всё-таки сообразил и погнал животных вдоль стены. Стоять в середине и слегка ускорять отстающих намного легче, чем участвовать в броуновском движении баранов наравне с ними.

Через полтора часа я разрешил мучившую меня проблему ветра, спросив о нём у деда. Он ехидно сощурился, прошёлся насчёт городских и пояснил, что при заметном напоре, бьющем в морды, животные останавливаются и, прижимаясь друг к другу, прячут головы вниз.

– Побежишь по кругу – хоть в одном месте, подует и в твою физиономию, ты понимаешь?

Я понимал, о чём и сообщил старикану. Тот поздравил с проявлениями интеллекта и поинтересовался, не знаком ли мне писатель Кангауров. Узнав, что прихожусь ему сыном, Комай кивнул головой:

– Так и подумал, что Исмаил тебе по матери приходится. Зейтун поживей был. Даже чересчур! Но за ухо вы одинаково хватаетесь.

Выяснилось, что старец помнил отца ребёнком, с казахстанской Назаровки, и заподозрил родство по единственному жесту – в затруднительных случаях я теребил мочку уха. Кроме этого, Комай удивил критикой проводимых ежегодных кастраций. Оказывается, он был поборником естественной селекции с возможным инбридингом, в коей и видел шанс сохранять качества карачаевской овцы.

В целом его подход к тайне её вырождения стал для меня откровением. Как считал Комай, Аллах запечатлел в крови каждого существа письмена – особые в каждом конкретном случае. Неиспорченная разумом живность интуитивно знает наилучшие сочетания Божьего слова и, при свободе выбора, разыщет оптимального партнёра для продолжения рода. Ограничения портят породу.

Равным образом все едящие, пьющие, дышащие тела имеют склонность к поглощению определённых трав, вод, газов и минералов. Видовое постоянство, по Комаю Махиеву, поддерживается набором поступающих в организм веществ, гармонирующих с индивидуальными письменами Всевышнего. И в Балкарии они не совпадают с имеющимися в Карачае. Так что все мучения ягнят, все эти издевательства над ними абсолютно напрасны. В наказание за них обездоленные здесь, но выросшие за небесным перевалом в мощных красавцев кочхары [1] будут скидывать виновников с моста Сыйрат прямо в адский огонь.

Я стоял. Прослушал его полноценную лекцию по современной генетике и химии биоценозов, открыв рот и в полной прострации. Между тем от соседнего загона крикнули, чтобы Комай посмотрел – всё ли закончено? Тот глянул на волнующееся море кучерявых спин и ответил, что четверых не хватает. Пока их искали в двух других оградах, мне вдруг стало понятно, что визуальных методов столь оперативно-

[1] *Кочхар* – баран-производитель.

го подсчёта сотен животных без погрешностей не существует. Но не прошло и четверти часа, как недостача обнаружилась на площадке третьей бригады.

Надоедать старшему, демонстрируя собственную тупость, – верх невоспитанности, и всё же я не сдержался. Махиев кратко объяснил свой способ. Из того, что смогли усвоить мои мозги, получалось, что его схема базировалась на скользящих триангуляционных построениях, фрактальной геометрии и традиционном счёте, называемом у нас осетинским, а в Осетии – балкарским.

В свою очередь, и Комай задал мне вопрос. Его интересовала работа орбитальных космических станций в автоматическом режиме. Направляющие реплики старика походили на касания скальпеля академика Амосова. За двадцать минут были пройдены азы компьютерной техники, понятие алгоритма, физическая природа машинных команд и двоичная система исчисления. Потом нас позвали к столу, дед снисходительно потрепал меня по плечу, и мы пошли отмечать кастрацию.

Ещё один примечательный момент. Когда я бегал туда-сюда в должности шапы – ухаживающего за столом – сын Исмаила Иса в шутку поставил мне подножку. Брат, не закончивший ветеринарный, даже потягался со мной, но затем, вспомнив, в каком качестве находится на коше, активно открестился от продолжения силовых упражнений. В ответ на мои несолидные предложения побороться, молодой специалист порекомендовал обратиться к патриарху, уверяя, что старец никогда в жизни от схваток не отказывался. Замечание о возрасте предложенного оппонента вызвало на лице собеседника загадочную ухмылку. Затем стол, столь тягучий для непьющих – Комая и меня – стал заканчиваться. Пастухи, без какого-либо видимого эффекта поглотившие по бутылке водки на душу, двинулись с отарами на свои коши.

На следующее утро проснулся поздно. Прислушался. Овец не было. Следовательно, и чабанов тоже. Но кто-то ходил вокруг хибары. Затем этот кто-то начал рубить дрова. Жилище соседней бригады располагалось в двух сотнях метров, поленница считалась общей. Я приподнялся на нарах и посмотрел в отверстие над низкой, не доходившей до верха стен, дверью. Какой-то незнакомый лысый мужик, стоя непомерно широкой спиной ко мне, размахивал топором.

Недовольно почесав бока – придётся вставать и здороваться – пошёл отдавать долг вежливости, недоумевая по поводу вчерашнего отсутствия гостя. Подходя к человеку, кашлянул и остановился, ожидая, пока он обернётся и поздоровается. За короткие мгновения, в которые добивался суковатый пенёк, я невольно подумал, что, вот, ходишь, ходишь на всяческие спортивные секции, изнуряешь себя тренировками… А этому мать-природа дала разом. Столько, что в случае надобности он повернётся и придушит тебя, курёнка, одной рукой. Торс лысого поражал

расстояниями и бугрящимися волнами массивных мышц, играющими на солнце.

Он повернулся. В те далёкие времена портреты бодибилдеров и пауэрлифтеров представляли собой шпионские провокации империализма и были крайне редки. Тщедушный и гладенький Арнольд Шварцнегер едва успел отметиться в Нью-Йорке в роли Геркулеса. Алексеев и Жаботинский напоминали поставленные торчмя дирижабли. Так что я впервые в жизни увидел мускульные блоки, более всего похожие на бетонные плиты, разделённые провалами глубиною в вершок. Это был Комай.

– Долго спишь, сын Зейтуна, – пока моя челюсть приходила в обычное положение, он легко поставил на попа огромный чинаровый сутунок, воткнул в него топор и протянул мне руку. – Салам алейкум!

Я, полностью ошарашенный, поздоровался. Мельком подумалось, что ещё вчера кисти его рук не соответствовали общему впечатлению от стар-р-р… От субъекта. Хорошо, что я не поддался на провокацию Исы, в тягалове между цыплёнком и хорьком не может быть ничего примечательного! Но времени на систематизацию впечатлений мне не дали.

– Смотри сюда, – Комай прошёл к скамье у входа в кошару, поднял порванный сапог, валявшийся там же, и, повертев головой, вытащил из кладки гвоздь. – Правильно я делаю?

Он сидел у выложенных неровным овалом камней, заменяющих чабанам совхоза имени Али Байсултанова стены. Под обкусанной непогодой кровлей из толя. Царапая ржавым железом потускневшую резину старого голенища, Комай Махиев продемонстрировал знание четырёх основных действий арифметики в двоичной системе исчисления. Мне, как и большинству моих одноклассников, буквально за несколько месяцев до этого пришлось потратить уйму школьных уроков и усилий, чтобы перевести обычные арабские цифры в нули и единицы. При хороших, при очень хороших преподавателях. Что я мог сказать? Ничего. Я был в упор застрелен, наповал убит собственной бездарностью и ничтожеством моего головного скопления нейронов.

…Сегодня стали модными различные IQ-тесты, разговоры о стимулирующей роли регулярной учёбы и неизбежной деградации интеллекта с возрастом. Всё убедительно. Однако у нас считается, что прожитые годы прибавляют природному уму человека. И вот что я хочу сказать. Старик Махиев получил образование во времена ликбеза, оно заключалось в умении читать, писать, складывать и вычитать в пределах сотни. Умножение и деление освоил сам, по ходу своей нелёгкой жизни. Вряд ли он прочитал хотя бы одну книгу – было не до самосовершенствования. И ещё. Отец вспомнил его и удивился самому факту нашей встречи. Там, в ссылке, дома Комая и воспитавшей Зейтуна Кангаурова тётки находились рядом. Уже тогда этот человек был стар.

Марина МАЗУРЕНКО

С мамой. 1995 г.

ПУТЬ ПО ЛЬДУ

Когда я узнала, что в «Литературной Кабардино-Балкарии» опубликуют подборку маминых стихотворений, я обрадовалась – ведь стихи пишутся, чтобы их кто-то читал. Думаю, маме тоже было бы приятно – её ведь почти не публиковали.

На самом деле, мне сложно перечитывать её стихи – ведь для меня это не просто литература, не образы и ассоциации, а голос той, кого уже нет рядом. Но я всё равно, раз за разом, делаю это. Просто чтобы помнить, что мама была не только самым близким человеком, но и невероятно талантливым поэтом.

Я с самого детства знала, что она пишет – бывали дни, когда она просила вести себя потише, садилась за стол, а я с интересом следила, как на бумаге появляются строчки. У мамы были очень красивые руки – изящные, с тонкими пальцами, а почерк был слегка неровный, но я быстро научилась его разбирать. Иногда она могла сидеть над черновиками до глубокой ночи, вносить правки, подбирать слова, а иногда написать текст одним махом, а потом немного взволнованно прочитать его папе на кухне.

А ещё вместе с ней мы сочиняли самые лучшие в мире сказки – про отважных рыцарей, хитрых колдуний, принцесс, умеющих находить дорогу домой по звёздам. Наверное, поэтому я до сих пор люблю придумывать истории.

Когда взрослые спрашивали, кем работает моя мама, я гордо отвечала – поэтом, и очень сильно обижалась, если кто-то говорил, что это не работа. Потому что в моём понимании занятие, которое тебя так захватывает, которому ты отдаёшь столько времени и сил – самая настоящая работа (кто-то, наверное, скажет, что тут будет уместнее слово «призвание», но мама пафосные выражения никогда не одобряла).

Мне всегда было интересно – что же чувствуешь, когда пишешь? Однажды я спросила об этом у мамы. Она сказала мне, что это похоже на мелодию, которая играет внутри тебя, а ты всё ищешь слова, чтобы хотя бы приблизительно передать смысл – пишешь, вычеркиваешь строчки, ищешь снова.

Она научила меня любить стихи и смотреть шире рамок школьной программы по литературе. Это касалось не только её произведений, но и поэзии множества других авторов, которых она советовала почитать. Когда я сама начала пытаться писать, именно от неё я получила первую

критику – шутливую, но конструктивную. Конечно же, я обиделась, но буквально через пару месяцев поняла, что всё было сказано по существу.

Мама часто читала мне то, что написала. Сначала это казалось слишком сложным, но, когда я стала постарше, каждый катрен обрёл совершенно другое значение. Тогда мне и стало понятно, насколько бывает тяжело просто подобрать слова, и как сильно отличается настоящее стихотворение от простого зарифмованного текста.

В массовом сознании поэт – это такой чудаковатый человек, который вечно ищет вдохновения, томно вздыхает, ярко проявляет эмоции, выдаёт экспромты по любому поводу. Многие почему-то уверены, что это не так уж сложно – писать. Но когда ты видишь поэтическую кухню изнутри, становится понятно, что это как дорога по льду с завязанными глазами – приходится двигаться на ощупь и надеяться, что не упадёшь. Надеяться, что слова, связанные в единое целое, услышит кто-то ещё и поймёт.

Тахир КАНГАУР

МЫ ЗАПЛУТАЛИ В НЕПРОЛАЗНЫХ ДЕБРЯХ…

Конец 80-х – 90-е годы были временем странного оживления литературной жизни республики. Точнее, одной из её составляющих – «неофициального», или (о, ужас) «андеграундного» сообщества русскоязычных прозаиков и поэтов Кабардино-Балкарии. Престижные и труднодоступные издательства опубликовали один за другим романы молодых – тогда ещё молодых! – Амура Бакиева и Константина Елевтерова, в газетах стали регулярно появляться стихи целой плеяды ранее неизвестных имён, в прессе завязалось некое подобие дискуссионного ожесточения; непонятно почему, но явно активизировались творческие объединения, и на вечера, проводимые таковыми, даже приходили почитатели непризнанных вовсе – либо признанных частично и недостаточно – дарований.

Понятно, что по большей части это была не более, чем суета, которой тешили своё самолюбие пара дюжин субъектов, чуть позже успешно или не очень занявшихся бизнесом, бюрократической деятельностью, педагогикой, медициной, бухучётом – всем тем, что в реальности и являлось их талантами. Суета и движение, обусловленные несколько запоздалым осознанием эстетической свободы или хотя бы её иллюзией; суета и движение, вспоенные потоками инаковой литературной мысли, хлынувшими на свято место погибающего соцреализма.

Однако в мобильной и, как сказали бы сегодня, «креативной» среде подвижников высокого слога иногда встречались странные фигуры,

никак не вписывавшиеся в местечковый мэйнстрим местной богемы. Странным было само их появление на периферийных тусовках, необычным выглядело их молчание на фоне бесперебойно стрекочущих коллег по перу – при том, что и самые амбициозные из оных признавали безусловное лидерство этих людей.

Мария Белякова была уникально тихой участницей литературных салонов и, одновременно, уникально харизматичной. Её отчуждённость, одиночество всегда обрамлялись окружением поэтов и пиитов – от Василия Школьного и Георгия Яропольского до откровенных графоманов и бездарных конъюнктурщиков. Каждый из нас великолепно помнил те исключительные случаи, когда она читала свои произведения. Их мощь, ощущаемая в печатной форме самыми толстокожими читателями, в исполнении автора «пробивала» всё и вся, заставляла задыхаться и вслушиваться в перебои пульса.

«Последняя дочь “Серебряного века”», как называл её Василий Школьный, при декламации никогда не повышала голоса, не жестикулировала, она была сдержанна и чеканна, так же, как и её строки, как её образы. И, действительно, ближе всего концептуалистика и мироощущение Беляковой стояли к эпохе невиданного расцвета русской поэзии, а отточенность форм её стиха напрямую восходит к ритмам и рифмам поздних символистов и, естественно, к поэтической технике А. Ахматовой. Духовная же близость нашей землячки и великой представительницы акмеизма настолько очевидна, что являет собой неоспоримый факт и для невооружённого взгляда дилетанта. Если же изъять из строк Марии некоторые хронологические маркеры, то нет никакой гарантии, что лучшие эксперты и знатоки творчества Го́ренко смогут уверенно атрибутировать их.

Сама она прекрасно понимала характер своего дара, своего образного видения, своего миропонимания. Её тяга к строгой, освящённой традицией строфике, быть может, была причиной инстинктивного неприятия постмодернизма во всех его проявлениях, но! «Но», всегда возникающее при разговоре о Марии-Марите Беляковой… Утончённая строгость и эмоциональная ясность, связывающие её с началом прошлого века, не могли удержать мысль поэтессы за пределами современности. Яростные прорывы «сегодня» ощущаются в колористике, в материальной конкретике образа, в безупречном по своей органичности смешении высокого и подчёркнуто грубого. В её миру фиолетовая мгла и узорчатый чугун соседствовали со свалками и пьяными сторожами, жертвенность любви – с площадной вульгарностью, в звон колоколов вплетался лязг наручников…

Нигде и никогда Мария Белякова не испытала чувства покоя. Трагизм и надломленность её художественной рефлексии были естественным продолжением самоощущения поэтессы, постоянного виденья себя

стоящей на уходящих вдаль нормах красоты и этичности и пытающейся шагнуть на хаотичные обломки современного ей мира, ежесекундно пожирающего самого себя. Она ушла из этой жизни, так и не определившись, вернее, не желая выбирать между предпочитаемым эталоном и жестоко любящей реальностью. Жестоко любящей и жестоко любимой. Эта двойственность, быть может, и убила её – совсем молодую женщину. Мария Белякова покинула нас на пике расцвета своего таланта, покинула свою расколотую Вселенную, будучи не в силах предпочесть одну из её половин… «Мы заплутали в непролазных дебрях…»

Мария БЕЛЯКОВА

***

Высокое чёрное солнце –
И улицы, словно в золе,
А вихри свиваются в кольца,
И вот – приковали к земле.

Ни имени мне, ни прощенья –
На многие тысячи лет
Остались одни сновиденья
О доме, которого нет.

Ты любишь меня обречённо,
А я не умею помочь.
И – снег фиолетово-чёрный
Вторгается в белую ночь.

Как будто мы прокляты оба
Ещё до рожденья на свет
И так суждено, чтоб до гроба
Нам лгали посулы примет...

А звон полыхает кандальный
И улицы плачут навзрыд,
И длится мой сон поминальный,
И чёрное солнце горит.

***

Мне снился сон. На чёрное надгробие
Ты молча положил живой цветок.
А я спала, не разделяя скорби
И не кляня неумолимый рок.

А было все. Но было ли? Так странно...
Бог оставлял и заметало след,
И так хотелось называть туманной
Луну, почти сошедшую на нет.

Ты видел все. И руки замерзали.
И шли снега. И мы куда-то шли
(Припоминая призрачность скрижали
И распростёртость в мертвенной пыли).

Мне снился сон. И ночь во искупленье,
Ломая крылья, билась о стекло.
Мне снился сон – почти благословенье:
Бог снизошёл, а время истекло.

ПОСЛАНИЕ

Я пожну свою долю за колосом колос,
Я оставлю на бархате прядку волос,
Чтоб любить и жалеть твой надломленный голос
Никогда ничего не приемля всерьёз.

Безучастные взоры сапфировых сфинксов,
Неуёмные посвисты буйных погонь
И – узоры внезапно отвергнутых смыслов
Суетливо сжирает продрогший огонь.

Было. Что-то похожее на арабески.
Было запросто названо детской игрой.
Были отзвуки, отблески, тусклые фрески,
А ещё – безответный предпраздничный вой,

Золотая кайма ледяного бокала,
Сумасшедшая жилка на левом виске...
Это было, бывало – но этого мало!
Города захоронены в лунном песке,

Полыхает костьми поле сумрачной битвы.
Узнавая едва твой изменчивый слог,
Закрываю глаза, забываю молитвы –
И – срываются кони в последний галоп.

***

Распахнутся в ночи кружева миражей –
Суета безупречно-атласных пажей,
И смешки хрусталей, и безумные траты,
И кресты, и корсеты (держитесь, прелаты!),
Шемизетки, гримаски и нежные краски,
И душистые письма, и тайные ласки...
Кружева миражей – развязная плавность –
Утро – звероподобие. Где богоравность?

***

Любовь была безумна и слепа.
А поводырь прославился коварством.
И увлекла тернистая тропа
К погубленным и разорённым царствам.

А убивали сразу у ворот.
Клубился демон в миртовом дурмане.
И зов коверкал обнажённый рот.
И тело долго падало на камни.

Звенела кровь под медленной луной.
Никто на крик не выглянул из окон.
А стражник, прокажённый и хмельной,
На память взял тяжёлый рыжий локон.

***

Неяркий, но пронзительный закат
Обрушил наземь гроздья винограда.
Упала осень в побеждённый сад –
Натурщицей на шкуру леопарда.

Она почти не верила словам
И умирала кротко и лучисто.
И, эту руку поднося к губам,
Ещё не знал художник, что случится.

Кружили звезды, листья, воронье.
Кружили долго. Солнечно и лунно.
Не надо знать, что больше нет её, –
Она была. Прекрасна и безумна.

***

Я предаю. И предаюсь порокам.
Есть прелесть неизбывная во зле –
И я спешу под небом волооким
На голос, остывающий в золе.
Который год изнемогают ливни
И жёлтый ангел рыщет по садам,
Мурлыкая кощунственные гимны,
Смущая обанкротившихся дам.
И падают растерзанные птицы,
И сердце хитро щурится на крик.
Я оступаюсь, чая оступиться,
И слышу звон заржавленных вериг.

«ЕСТЬ ЗЕРКАЛО, КОТОРОЕ МОЛЧИТ…»

Есть зеркало, которое молчит
И просто не спеша запоминает.
В нем души бьются, рвутся и взлетают,
И редкими цветами расцветают,
И птицами вонзаются в гранит.
Есть зеркало, которое молчит –
Оно горит, пути не освещая.
Посул сусальных кущей отвергая.
Мы тоже бьёмся, рвёмся, расцветая,
И молча разобьёмся о гранит.
Есть зеркало, которое молчит.

***

Голос вёл. Срываясь и взлетая.
Отвергал. Дразнил. И снова звал.
И лилась мелодия простая.
И кружился восхищённый зал.
И никто не знал, откуда звуки,
Из какой холодной глубины.

И никто не знал, что эти руки
Не тоской, а стужей сведены.
И кружила вьюга золотая,
Весело царапая паркет.
И лилась мелодия простая –
Свет звезды, которой больше нет.

ОСЕНЬ

Лепестками летит, лепестками,
Время мимо протянутых рук.
Фиолетовыми мазками
Пишут сумерки новый круг.

Так похоже... так непохоже...
Искры бисера на полу.
Стынет воск, обжигая кожу.
Влага тянется по стеклу.

Может, страшно раскрытой двери...
Может, свечи – почти дотла...
Может, ловят дыханье зверя
Помутневшие зеркала...

Нагадали, что без мучений.
Нагадали – и обошлось.
Только ветер в лицо в смятении
Дымкой, прядью чужих волос...

Без мучений. И это – утро.
Это – ломкий холодный свет.
А сиянья... а перламутра...
То ли не было, то ли нет.

Кто я буду и что мне надо?
Глохнут низкие потолки.
Мир, отравленный жёлтым ядом,
Усмехнулся и сжал клыки.

***

1

На оранжевых катафалках
Нас увозят туда, где дым.
На осенних багряных свалках
Каждый лист – обгорелый мим.

Каждый лист... Это значит – каждый,
Это значит – и я, и ты
Иссушаемы смертной жаждой
Обнажения пустоты.

И – углами колен и бёдер,
Остриями локтей и плеч
Повинуясь слепой природе
Так немыслимо пренебречь...

2

Ты зверь. А логово – потёмки.
И нет предчувствия беды.
Лишь – губы на отбитой кромке
Оставят красные следы.

Совсем чуть-чуть... совсем немного...
Но так, что больше – ни к чему.
Просить? – у женщины ... у Бога...
Просить. И спрятаться в дыму.

Ты зверь. И гладит против шерсти
Святая Дева в клобуке.
И – угадают после смерти
Узор укуса на руке.

***

Не до того, что так поспешно смято.
Не до того, что стянуто узлом.
Темно – и всё. Ни пурпура, ни злата.
Лишь бредит ночь, отравленная сном:

– Не уходи! нельзя, чтоб только осень
Влекла меня к подножью сентября,
Где колоннады меднотелых сосен
Стонали и чадили, не горя...

Играет ветер вымученным словом,
Лохмотья нищих гневно теребя.
И – тяжкий гул под куполом сосновым...
«Не уходи! мне больно без тебя!..»

Разбиты лбы. Надломлены колени.
Костры на площади льют медленный огонь.
А я – сажусь на грязные ступени,
И – милостыня жжёт мою ладонь.

***

Качнулось небо под ногами:
Ты оступился, пилигрим!
И – отраженье в амальгаме
Не признает себя твоим.

Во избежание прелюдий
На тему раннего конца
Таятся призраки и люди.
Лишь ночь не спрятала лица

И улыбается тягуче –
Стреляй же! в зеркало! в упор.
Но... отражения живучи
Назло, к добру или в укор,

Им за чугунною оградой
Сном не забыться всё равно –
Быть может, этого не надо,
А может, просто не дано.

А мне... прощения не будет
За то, что сорван голос твой,
За то, что призраки и люди
Проходят мимо чередой.

«МНЕ ХОТЕЛОСЬ БЫ СТАТЬ ВЕТРОМ...»

И не было ещё Армагеддона.
Был только дом, сгорающий во мгле.
Мы замерли коленопреклонённо –
Единственные люди на земле.

Мы замерли. Мы умерли и сгнили.
И поросли высокою травой.
Довольно сказок и довольно были –
Пусть вспоминает кто-нибудь другой,

Как ливень грыз бесчувственные камни
И с головой захлёстывала ночь,
Когда кровоточащими руками
Друг другу попытались мы помочь.

Так холодна и так неумолима
Была скала, с которой сорвались
Два безнадёжно жалких пилигрима,
Как два фигляра, вышедших на бис.

***

Моя любовь уходит навсегда,
Моя любовь безмолвно умирает –
Как будто в омут падает звезда
И ничего уже не предвещает.
Все кончится – и долгую печаль
Ты назовёшь по имени однажды,
Сдыхая от безумия и жажды,
И яростно оттачивая сталь...
И воспылает мстительный закат
И возмутит безгрешные пределы,
И – звонкие отравленные стрелы –
Шальные птицы в сердце полетят.
И – пламя, оживая невпопад,
Вычерчивая надписи и лица,
Вдруг озарит тебе дорогу в ад
И сатану с моим цветком в петлице.

***

Не говори, что я ушла сама,
Что я любила так, как ходят в гости.
Все дело в том, что долгая зима
Нас быстро учит скупости и злости.

Все сожжено и вымыто дождём.
И никому не вникнуть в суть ошибок.
А ты – меня в толпе задел плечом,
Мир невелик и безнадёжно зыбок.

***

Мне хотелось бы стать ветром
И неистовствовать во мраке.
Мне хотелось бы стать светом
И в зрачках полыхать ярко –
В напряжённых зрачках тигра,
Настигающего жертву, –
Чтобы ужас сковал икры,
Чтоб кошмаров твоих черви
Не давали тебе покоя.
Мне хотелось бы стать стоном,
И бессонницей, и тоскою,
Чтоб заставить тебя помнить:
Мне хотелось бы стать склепом,
Затаившим в себе пламя,
Мне хотелось бы стать ветром,
Грубо вырезанным из камня.

***

Так просто не позвать тебя –
Я никогда не думала, что горе
Бывает только капелькой дождя,
Летящей в растревоженное море.

Так просто отступить и ничего
Не унести с собою, отступая, –
Я никогда не видела того,
Что может видеть нищенка слепая.

Так просто улыбаться и молчать,
Бессрочно ускользая в мир нетленных, –
Я никогда не знала, что печать
Безумия – священнее священных.

***

Не плакал, потому что не любил.
Не думал... Только лужица чернил
Неспешно растекалась по столу.
Ночь кружево вязала на полу
И выбивалась из последних сил.
Кот не мышей, а бабочек ловил,
Потом дремал (а, может быть, и нет).
Неумолимо близился рассвет.
Не просыпаясь, плакало дитя.
Гремел сверчок. И не было дождя.

***

Чудовища рождаются в потёмках
Души, отравленной тяжёлым сном теней.
А до утра так далеко! И громко
Грохочет ливень в мире без огней.
Теряя голос, зрение и разум,
И холодея, и не шевелясь,
Мы словно истлеваем от заразы,
Лишь по привычке сплёвывая грязь.

Мы заплутали в непролазных дебрях,
Тоскуя и впадая в забытьё.
Сурово отпечаталось на веках
Тяжёлое фигурное литьё.

***

Не напишу. А снится без конца
Ночной вокзал и запах мокрых шуб,
Твоё лицо у моего лица...
Я никогда тебе не напишу.

Леонид ФОМИН

Меня зовут Леонид Фомин, родился в городе Нальчике в 1964 году.

Предлагаемая читательскому вниманию проза написана в 1989 году и остаётся в той же редакции, какая была в момент написания.

О себе писать труднее всего, особенно если биография, с одной стороны, насыщена различными событиями, но, с другой стороны, эти события не имеют отношения к творчеству.

В разные периоды писал много стихов и коротких рассказов, публиковался под разными «никнеймами» на разных литературных или окололитературных интернет-порталах.

Хобби – стихотворные переводы на русский язык англоязычной рок-поэзии от пятидесятых годов прошлого века до наших дней.

Фотография, прилагаемая к произведению, наиболее соответствует периоду, когда само это произведение написано.

Работаю оператором газовой котельной (упоминание о профессии считаю важным, потому что среди этих термометров, манометров, насосов и другой аппаратуры лучше всего думается о том, чего бы ты хотел написать ещё).

ЛИЛИИ НА АСФАЛЬТЕ, ИЛИ МЕТАЛЛИЧЕСКАЯ ГОСТИНИЦА В ПЕСОЧНОМ ГОРОДЕ

Рассказ

Попутчиков у Ярослава было двое. Инженер из Нижнего Тагила, мужчина под шестьдесят, всю дорогу так и не снял галстука, оставаясь в белой сорочке с запонками. Он много читал и много курил.

Другой попутчик был одет в джинсы и клетчатую рубашку с коротким рукавом. Ему было немногим за тридцать. Он работал мастером на деревообрабатывающей фабрике в Таганроге, ехал домой после отдыха в санатории «Голубые ели». Обнаружив в Ярославе прилежного слушателя, Юрий рассказывал тому о проведённом отпуске (пиво и шашлыки), о своей работе (умеет ладить с людьми), об армейской службе (был бравым солдатом). Когда разговор зашёл об армии, Ярослав, которому она ещё предстояла, вежливо перебил собеседника и пошёл в тамбур курить.

В Ростове в купе вошёл персонаж с наколками «Вася» и якорем. Значит, его звали Василием, и он когда-то был моряком. Когда-то был

моряком, а сейчас для моряка староват. Он молча вошёл, достал из портфеля бутылку самой дешёвой по ценам лета 1984 года водки, звавшейся в честь тогдашнего руководителя страны «Андроповкой», и, не обмолвившись ни с кем и словом, почти всю её опустошил, закусывая хлебом и салом. После всех этих процедур он забрался на верхнюю полку и заснул.

В окне мелькали терриконы и дома.

Поезд прибыл в Харьков с опозданием. Ярослав достал сигарету и прикурил, выбросив спичку на перрон. Он курил и осматривался, когда её шершавые маленькие ладони закрыли ему глаза. Инна пахла художественной мастерской, где пишут маслом. Она была выкрашена под пепельную блондинку. Через пробор на макушке уже пробивался русый волос. Недокуренная сигарета полетела на перрон. Он поцеловал её в макушку. С каких пор она начала красить губы?

Они прошли по туннелю, ведущему от платформ в здание вокзала. Большое и многолюдное здание вокзала в городе-миллионнике. Тяжелая лепнина на стенах – гербы со звёздами и колосьями, венками в обрамлении грубоватого растительного орнамента, а поднимешь голову – и увидишь купол, расписанный социалистическими пасторалями, над толпой людей с тюками, баулами и дипломатами.

Людей на вокзалах объединяет выражение самоуглублённой озабоченности на лицах. Вверху, на фоне огромных строек, лучатся небывалым трудовым энтузиазмом рабочие, колхозники и военные. Лозунг, затерявшийся среди крашеной лепнины вещает: «Слава советскому народу – строителю коммунизма!»

– Это наш преподаватель по живописи шабашил – реставрировал, – сказала Инна, увидев, что он рассматривает роспись на потолке. – Я тебе о нём говорила, помнишь, его фамилия Шигимага.

– Мне очень нравится такое искусство. Сталинское барокко. Сталинский ампир. Сколько в этом нагромождении лепнины, орнаментов, фресок, стремленья создать шедевр, который переживёт века, веры в светлое завтра. Только статуи вождей в объём не вписываются. Это далёкая от хрущёвского конструктивизма архитектура, не тронутая идеями Корбюзье. Это классический конгломерат романского и готического стиля в советской интерпретации.

– Не болтай, Ярька. Нам надо ехать в город.

– Вознесенский калькировал флорентийские палаццо для стадиона в Кировске. В его стихотворении «Флоренция» есть строчка «Спит баптистерий как развитие моих проектов вытрезвителя…»

– Ты прав, Ярослав, этот вокзал скалькировали. Я согласна, в этом что-то есть, но сейчас нам надо ехать к Гале в общежитие.

– Зачем?

– Поживёшь у них, девочки потеснятся. Я договорилась.

Они вышли на площадь перед вокзалом. Несколько месяцев назад в одном из писем от неё был рисунок с изображением этой площади. Рисунок был сделан из окна общежития железнодорожников, где поначалу жила Инна.

– Ты как узнала, что я приеду?

– Твоя мама телеграмму отбила.

– Значит, сюрприз не удался. Пошли искать гостиницу. У Гали спать не хочу.

Ярослав смотрел переходящую через улицу колонну солдат и от мысли про грядущую сопричастность к людям в одежде цвета хаки захотелось курить. Предпоследняя в пачке сигарета вспыхнула. От предзакатного солнца улицы были оранжево-красными. Иннина фигурка была тоже залита солнцем, и белые нити волос горели в солнце, как неоновые надписи.

– Если ты будешь так много курить, то я тоже буду.

– Ты стала курить?

– Пока нет, но твой пример заразителен.

– Девушкам это не к лицу.

– А ты думаешь, тебе к лицу?

Только что зажженная сигарета полетела на асфальт.

В горсправке им выдали бумажки с адресами гостиниц. Гостиница «Металлист» была вторая, в которую они приехали. Её многоэтажная коробка светилась окнами на фоне только что потемневшего неба. Там для Ярослава нашлась койка в двухместном полулюксе. Инна отказалась подняться с ним в номер, что обмануло эротические его надежды. Перед станцией метро она быстро поцеловала его в губы и побежала к эскалатору. Ярослав, отойдя от станции метро, вытащил последнюю сигарету из пачки, которую на сей раз спокойно докурил до конца. Возле гостиницы женщина в белом переднике торговала клубникой. В магазине невдалеке от гостиницы сигарет «Афамия» не было и он купил пачку «Герцеговина флор».

В номере был большой телевизор «Берёзка». Ярослав сидел и курил перед разноцветным экраном. Заснуть ему удалось под утро. Благо в номер никого не подселили, и почти всю ночь можно было читать «Триумфальную арку» Ремарка.

А утро было таким свежим, что хотелось кофе. Утром приехала Инна. В номере не было посторонних. Постельная сцена всё же была, но мы не будем здесь её описывать. Банальный комсомольско-молодёжный и торопливый адюльтер в гостиничном номере, где могут появиться посторонние люди. А потом они поехали в город. Завтракать в какую-то забегаловку на Сумской. Книжный магазин. Влюбленные и молодые, они бродили по городу до вечера. А когда наступил вечер, поехали в парк смотреть на цветомузыкальный фонтан. От фонтана веяло свежестью.

Повсюду ходили хорошо одетые люди. Мысль о том, что в армию не хочется, но придётся, свербила и глодала Ярослава. Ярослав проводил Инну до общежития на Салтовке и поехал к себе в гостиницу. В номер подселили молодого узбека по имени Фахретдин. Читать Ремарка почти до утра не получилось, как и заснуть. Благо Фахредтин тоже курил и выходить с сигаретой на балкон не было надобности. Инна приснилась ему в путаном полуабстрактном сне, напоминающем первый сон Мальчика Бананана. Из ещё не снятого фильма «Асса».

В художественной школе небольшого городка по имени Прохладный они учились в одной группе. Она была на год младше его. Поначалу он просто ставил свой мольберт рядом с её мольбертом. Прошло лето. Наступила осень. Ярослав всю оставшуюся жизнь будет помнить и дребезжащий «Лиаз» цвета охры, и их первую поездку до её серой крупнопанельной пятиэтажки. Той самой, где всё впервые произошло. Непозволительно давно и так же непозволительно рано. Так давно, что она казалась больше женой, чем подругой. От этого предстоящая разлука казалась почти невыносимой, по крайней мере ему.

Когда Ярослав проснулся, было утро и времени около девяти. Фахредтина в номере уже не было. Он посмотрел с балкона на маленький частный домик внизу. Вышел побродить по городу. Возле гостиницы был большой стадион, который назывался так же, как и гостиница, «Металлист».

Инна приехала около двух. Вошла в пропахший табаком гостиничный номер. Она заново покрасила волосы. Новые кроссовки, джинсы в обтяжку и перламутровые клипсы.

– Ну как не любить тебя, такую красивую и модную.

– Я тебя тоже люблю, Ярик. Ну что, пошли!

– Инна, а давай ты не будешь уезжать отсюда в Москву, а закончишь здесь. Я сегодня всю ночь об этом думал.

– Думал за меня?

– За нас.

– Я думала обо всём раньше. Понимаешь, я здесь только время теряю.

– Нет, не понимаю.

– Ярослав, давай поговорим о чём угодно, только не об этом. Это уже решено.

– А может быть, попробуем поговорить? Это касается нас обоих. Или каждый из нас уже сам по себе?

– Ты не понимаешь, Яр. Тут преподаватели, они только оценки ставят: тут зелёненькое, тут красненькое. А хорошие преподаватели, они из Харькова бегут.

– Ну ты хоть с кем-нибудь советовалась?

– Да, с Инессой Аскольдовной, ну, той преподавательницей, которая из Суриковского. Она не знает, куда ей отсюда. И ещё с подругой

Мариной. Я тебе рассказывала про неё. Она на мотоцикле разбилась. На «Яве». Жива, слава Богу. В больнице сейчас.

– Понятно. Со всеми кроме меня, вот оно как.

– Я догадывалась, каким будет твоё мнение. А мне нужна другая среда и серьёзные музейные коллекции. А здесь ничему не учат. Мы даже не знаем, как краски смешивать. Мне нужно у старых мастеров учиться ремеслу.

– Так можно заучиться и потерять индивидуальность. Для художника главное – это личность. Ван Гог был личностью. И, не учась в художественных заведениях, был великим. И не один Ван Гог.

– Это будет не то. Я не гений. И моё творчество будет слабым и малоубедительным.

– Художник обязан воспринимать себя гением. В противном случае он не должен считать себя художником. Вот я просто человек. Творчество – это не моё. И жить, как Холдэн Колфилд, у ручья, с глухонемой женой, не хочу. Мне нужен дом и в нём ты в качестве жены.

– Кто такой этот Холдэн?

– Это герой Сэлинджера, «Над пропастью во ржи», прочитал недавно. Понравилось. И ещё понравилась книжка Сомерсета Моэма «Луна и грош». Читала?

– Нет.

– Там про Гогена. Хотя героя зовут Стрикленд, это всё равно про Гогена. Он был рантье, ему было под сорок. Он жил в Лондоне. У него была жена и двое детей. Жена крутилась среди художественной богемы Лондона.

– Ярослав, к чему ты клонишь?

– Я клоню, когда тащу тебя в постель. Хотя, на мой взгляд, надо просить об этом открыто. А насчет самодеятельного и профессионального искусства... Гоген есть в Эрмитаже, а аспиранты академии художеств что-то туда не попадают. Гоген уехал сначала в Париж, а потом на Таити, чтобы заниматься живописью. Думаю, он стал большим художником потому, что часто говорил: меня ничье собачье мнение не интересует.

– Ну и что? А меня интересует чужое мнение.

– У Гогена была жена таитянка. Красивая, наверное. И дети. Всю оставшуюся жизнь Гоген рисовал. Посвятил жизнь искусству. А я всегонавсего хочу посвятить свою жизнь тебе.

– Ты знаешь, Яр, посвящай. Я не против. А у нас в училище группа шалтай-болтай. Но Шигимага её всё равно любит. Потому что мы работаем.

– А кто Шигимага по нации?

– Украинец.

– А директор училища?

– Еврей. А почему ты спросил?

– Просто праздное любопытство. Мой любимый график Савва Бродский тоже еврей. Мне очень нравятся его иллюстрации к «Пер Гюнту». Ты читала «Пер Гюнта»?

– Нет ещё.

– Там про Сольвейг, которая ждала Пер Гюнта. Хотя Пер Гюнт вовсе её не просил. Пер Гюнт был распутник. А Сольвейг его ждала. Она ослепла.

– Оттого что ждала?

– Оттого, что смотрела в морские туманы.

– Ты не будешь меня ждать?

– Просто я не буду смотреть в морские туманы.

Первое место, куда они решили отправиться, был зоопарк. Инна вела его к жирафам, но по дороге Ярослав остановился, увидев тапира. На клетке с тапиром была табличка: «Животное злого нрава». Тапирянка была отделена от самца железной перегородкой. Тапир был похож на Тонио Престо из повести Беляева «Человек, потерявший своё лицо». Его нос двигался, как самописец, рисующий кардиограмму.

Ярослав никогда прежде не видел живых жирафов. Они наломали для жирафов веников из листьев. Накормили пряником страуса эму.

Бегемот был чуть меньше, чем его представлял Ярослав. Люди бросали бегемоту конфеты и кусочки печенья. И крокодилу бросали. Крокодил спал.

Бегемот был засыпан кусочками печенья и конфетами. Маленький мальчик с пятнами зелёнки на коленках перелез через невысокий барьер, за которым было животное, сорвал большую сухую соломинку, длинную и жесткую, и принялся осторожно водить ей по носу гиппопотама. «Ты у ноздрю, у ноздрю суй, бачишь, дэ чэрвонэнькэ!» – раздался откуда-то мужской голос. «А вдруг он чихнет», – сказал мальчик пионерского возраста. Вовремя подоспевшая мама прервала ход опасного эксперимента.

После зоопарка они решили перекусить. В кафе были круглые столики, за которыми ели стоя. Вскоре появился дедушка в костюме швейцара, столик, как оказалось, был для него. Швейцар не прогнал их, сказав: «Кушайте, кушайте!» Там же в кафе делали молочный коктейль и разливали по высоким зелёным стаканам. Ярослав смотрел, как она пьёт коктейль через зелёную соломинку, как белая чёлка закрывает глаза, когда она наклоняется, и думал: «Когда же после разлуки я увижу это чудо?» Два предстоящих года разлуки были для него равносильны двум эрам.

В Харькове повсюду продавали черешню. Ярослав купил два кулька – себе и Инне. Они шли по городу и ели ягоды. Друг напротив друга стояли два храма. Ярослав сказал Инне: «Давай зайдём».

– Меня заругают. Женщинам нельзя в джинсах, и платок нужен.

– Ты крещёная?

– Я да.

Перед церковью стояли две «Волги» черного цвета. Из одной из них вышел священник. Старушки целовали ему руку. Когда Ярослав вошёл в церковный двор, там было много просителей милостыни. Ярослав дал монетку старушке, показывающей гноящиеся язвы. Затем купил свечку и поставил её перед иконой Казанской Божьей Матери. Он стоял перед иконой, всматривался в её глаза и, не умея молиться, просил только об одном: сохранить Инну для него. Постоял. Перекрестился и вышел в залитый солнцем церковный двор.

Инна дожидалась, делая какие-то зарисовки в блокнотике.

– Ярослав, у меня дело к сестре. Давай к Гале съездим.

– Не хочу, она меня не любит

– У неё мои учебники, так что поехали.

Галкино общежитие находилось недалеко от харьковского трамвайного депо. Ярослав шел не спеша, как бы оттягивая момент, когда ему придётся разыгрывать любезность перед Иннной старшей сестрой. Галка недолюбливала Ярослава тем сильнее, чем большее место он занимал в жизни её сестры.

И вот комната с железными койками, насквозь пропахшая косметикой.

– Ну, где гуляли? – спросила Галя. – Понравился город, Ярик?

– Красивый местами, – ответил Ярослав. – Инна говорит, что он песочный.

– Песочный!? Почему песочный?

– Мы в зоопарке были. Мне понравился тапир.

– А бегемот?

– И бегемот тоже. Маленький мальчик сорвал соломинку и хотел ему в ноздрю сунуть. Я даже на помощь хотел уже было через барьер перелазить – бегемоты они опасные ведь. Благо мамаша подоспела.

Светскую беседу прервала Инна.

– Сейчас пойдём, Ярослав. Я переодеваться приходила. Все эти шмотки заграничные, что на мне, у Галки хранить приходится, а то соседки по общаге замучают: дай да дай потаскать. А мы с Галюней не для того по вечерам ходим витрины оформлять и детские садики разрисовывать. И ссориться из-за джинсов этих с соседками не хочется. Ты подожди меня на улице, я быстро.

Ожидая Инну, Ярослав рассматривал трамваи, выходившие из депо. Инна вышла из общежития в лёгком клетчатом платье. На лице не было и следа от косметики.

– Ярик, у меня есть книга про супрематистов, ты сможешь перевести её с немецкого?

– Всю?! А я успею?

– Сколько успеешь.

– Только можно начать не сегодня?

– Хорошо, только чтобы Галка про книгу не пронюхала. А то она её сдаст.

– Как сдаст?

– В букинистический магазин. Я покупаю книги, а она сдаёт.

– Если ты меня ещё раз к Гале притащишь, обязательно проболтаюсь. Есть предложение. Пошли купим где-нибудь какую-нибудь бутылку хорошего вина. Например, «Токайского». А потом поедем выпьем у меня в «Металлисте».

– У тебя нет музыки.

– Тогда давай сходим в ресторан.

– А у тебя денег хватит?

– Должно хватить.

– Давай лучше в бар сходим. Меня Галинок с собой по барам таскает, если с женихами туда ходит. Чтобы легче потом было от них отделаться. Только бар надо в центре искать.

По улице шли трамваи. Старый крутолобый трамвай был похож на кита.

– Это наш, – сказала Инна, – давай догоним.

Трамвай со звоном проехал мимо них и обогнал. Они бросились за ним.

Взявшись за руки, бежали быстро, как могли. Платье Инны надувалось. Они догнали трамвай, запрыгнули внутрь. Им предстояло сделать несколько пересадок, чтобы добраться до Сумской. У девушек был сезон моды на пластмассовые клипсы. У Инны были перламутровые клипсы.

В центре города фланировала ватага панков. У панков были бритые виски и хохолки, как у удодов.

Они долго не могли выбрать хороший бар. У одного заведения дверь охранял швейцар. Усатый, седой и неприступный. Он не взял у Ярослава денег за вход, потому что все столики были заняты. В другом сидели кобелеватого вида дяди и шлюховатого вида тёти бальзаковского возраста. В баре было пусто и накурено. Слишком яркий грим. Слишком вульгарный смех. Вместо музыки телевизор с расстроенным кинескопом, пылающий красноватым огнем, как камин. Они взяли по коктейлю. Пока пили, решили искать бар получше.

Другой бар сразу бросился в глаза изысканностью интерьера. Музыка, черешня и клубника в сахарной пудре на маленьких блюдцах. И большое разнообразие напитков и коктейлей. Как во времена Хемингуэя. Как во времена Ремарка. Подошла официантка. Ярослав заказал коньяк и шампанское.

К ним подсел мужик лет сорока, в кожаной куртке. Ярослав с трудом, но уговорил его пересесть от них. Мужик для чего-то тыкал ему в нос кэгэбэшной ксивой. Но после непродолжительных уговоров всё же ушёл.

– Яр, закажи мне коньяк.

– На, допей мой, не хочу больше. И так подшофе.

Ярослав сходил к барной стойке и вернулся с двумя чашечками чёрного кофе и горсткой шоколадных конфет на блюдце.

– Поедемте в номера. И вы подарите мне ночь.

– Спасибо за вечер, Ярослав. Всё было так здорово. Может быть, завтра.

Их было двое на весь бар, танцевавших медленный танец. А время исчезло. Были только отблески цветомузыки на волосах у девушки и долгая печальная мелодия из динамиков.

Кто-то включил резкий свет, ударивший желтизной по глазам. «Бар закрывается!» Заставляющий зажмуриться злой свет. «Бар закрывается, выходите все, закрывается!»

Воздух вечернего города был удивительно свеж по сравнению с прокуренной атмосферой бара. Харьков предстал им во всём своём великолепии, весь залитый светом, с улицами, то сбегающими вниз по холмам, то, наоборот, поднимающимися вверх.

Ярослав почувствовал, что его слегка качает.

– Инна, ты как себя чувствуешь?

– Ничего, но, кажется, коньяк был лишним.

– Поймаем такси?

– Не стоит, метро ещё работает. Не езди со мной на Салтовку. Завтра сдам экзамен по физике и приеду к тебе.

Когда Ярослав ложился спать, он с удовлетворением заметил, что сегодня к нему никого не подселили.

Проснувшись, в полном масштабе ощутил последствия вчерашней выпивки.

День был ясный. Он сел в троллейбус и вышел на остановке «Завод имени Малышева». Купил в универсаме банку растворимого кофе, пачку рафинада и несколько заварных пирожных. Затем зашёл в хозмаг и купил штепсельную вилку, кусок провода и отвёртку. Вернулся в номер и стал мастерить кипятильник из спичек и лезвий для безопасной бритвы. Стакан тонкий – не выдержит. Побродил вокруг гостиницы, купил чашку и стал варить кофе. Инна приехала после пятнадцати часов.

– Ярослав, поехали в художественный салон, я тебе работу своей учительницы по живописи покажу.

Они вышли из гостиницы. В небе не было облаков, оно было залито лазурью, как акварель в технике заливки. Ярослав не выпускал из руки Иннину ладонь почти ни на минуту, наслаждаясь её присутствием, как смакуют хорошие вина. В переходе между станциями была выставка детских рисунков – то, что любил рассматривать Ярослав. Инна терпеливо ходила рядом, ожидая, когда он закончит просмотр.

Выйдя из метро, они зашли в художественный салон-магазин. Ярослав посмотрел на продаваемые картины и пошел смотреть на произведе-

ния народных промыслов. Он хотел приобрести какую-нибудь безделицу на память, вроде дымковской игрушки. На витрине лежали вырезанные из дерева дудочки.

– Инна, я куплю себе такую дудочку, когда буду уезжать. И если мне будет тоскливо без тебя, я буду дуть в неё, и, может быть, тоска пройдёт.

Они зашли в храм вдвоём. Шла служба. Ярослав поставил свечку Господу нашему Иисусу Христу. Инна поставила свою свечку рядом и вышла, потому что была в джинсах и без платка. Ярослав постоял у распятия, заслушавшись певчих.

Пели что-то так созвучное его душе, что Ярослав почти забыл, что его ждут. Потом они долго добирались до Салтовки. В этом микрорайоне на улице Гвардейцев-Широнинцев было общежитие художественного училища, где жила Инна. Над её койкой висели рисунки Ярослава. Инна стала показывать свои работы, в основном написанные маслом.

Главным образом это были натюрморты и пейзажи, но его внимание привлекла только одна картина. На ней были изображены языки пламени, которые превращались в пляшущих обнаженных девушек. Их тела извивались в неистовом танце, длинные волосы, разметавшись, снова превращались в языки пламени.

– Нравится? Девочки из общаги по очереди позировали. Хочу выставить её в салон, её, наверное, купят. Деньги всегда нужны. Хочу купить пособие по пластической анатомии Балмерса.

Ярослав мял сигарету.

«Моя девочка стала совсем взрослой. Инстинкт, который мы прячем за фасадом возвышенности и духовности, проснулся в ней и играет, как играет молодое вино, и не обернётся ли эта скрученная в ней пружина страсти против него», – думалось ему.

– Как называется эта композиция?

– «Танец огня». Тебе нравится?

– Да, особенно девушки. То, чего в армии мне будет не хватать.

– Ярька, в твоём номере сегодня кто-нибудь ночует, кроме тебя?

– Завтра никто не будет ночевать. Давай сегодня посидим в том баре. А ты переночуешь у Гали, девочек предупреди.

Они пошли в тот же бар, в котором были вчера. Выпили изрядно, так что качало обоих. Шли по пустому Харькову в обнимку. Молодая пара на другой стороне опустевшей вечерней улицы пела: «Прощай, любимый город!».

«Уходим завтра в море!» – подхватили они. Маленький харьковский дворик, пропахший цветами, спрятал их объятия и поцелуи. И черное слободжанское небо кружилось над ними, так что звёзды сливались в неоновые окружности.

Лишь в тех местах, где у девочки пойманной птичкой бьётся сердце и подгибаются колени при виде него, лишь там, где он боится сказать

хоть одно фальшивое слово, только там бывает свет любви истинный. Но многим ли удаётся сохранить этот свет в утлых песочных городах?

Следующий день был последним перед отъездом. Ярослав дал старшей администраторше денег и уговорил её не селить никого в номер. Прошелся по магазинам, купил родителям дефицитных продуктов, купил несколько разных бутылок вина и фруктов. Когда Инна приехала, они выпили в номере по стакану сухого грузинского вина и отправились бродить по городу. Сначала в музей. Картины Репина, Серова, Беркоса, Клодта. Мурашко был открытием для него. Его просто поразило большое полотно «Парижанки». Экскурсовод несла какую-то ахинею, противопоставляя реализм идейный и реализм художественный.

Инна сказала, что Репин родился где-то в этих местах. В музее был вариант его картины «Казаки пишут письмо турецкому султану».

Ярослав долго стоял перед «Тихими водами» Нестерова. После музея решили пойти в кино. Шел фильм «Принц и нищий». В вестибюле кинотеатра играл оркестрик. В стенной нише среди комнатных растений стоял бюстик Ленина. Они сели на последнем ряду и целовались почти столько же, сколько смотрели «Принца и нищего».

Когда они выходили, небо было странного зеленоватого света и светилось. Горели первые огни в зданиях. Сновали машины. Кинотеатр был на холме, город было видно внизу, там извивались трамвайные линии, стояли церкви, гроздьями горели огни, двигались люди.

И ехали почти незаметные, слившиеся с городом, джинсовые, молодые и влюбленные он и она, любовь его восемнадцатилетняя.

В номере пили вино и ели фрукты.

Ярослав не стал задёргивать шторы на седьмом этаже, и ночь смотрела на них облаками и звёздами, и самолётами, и спутниками, и инопланетным космическими кораблями, и когда они переставали говорить, слышно было, как капает вода, и далекие приглушенные голоса откуда-то, и все звуки ночи.

– Было утро и воскресенье, ты помнишь, когда был июль и каникулы, и мы поехали на озеро в Прохладном, помнишь, я прыгнул в воду с лодки, и на нас кричал спасатель, подъехавший на моторке, и мы попали в волну и нас качало…

– А я кричала «буря» и смеялась, а вода была зелёной и мутной, а местами синей от неба, и я испугалась, когда ты прыгнул за борт.

– А знаешь, когда я отслужу, мы поедем на остров, который дорисуем на карте, а потом мы поженимся и у нас будут дети…

Утро вкрадывалось медленными лучами первого солнца, нежданное и нежелательное.

Кипятильник бился о стакан, и вода пузырилась. На пакетиках с растворимым кофе было написано «Аэрофлот». Сахар в надорванном

бумажном кулёчке. В номере пахнет кофе. Сигарета третья за утро. Надо заказать такси.

Взгляд падает на частный дворик возле гостиницы. Ярослав бросил туда монетку. Маленькую, двухкопеечную, с которой звонят в таксофоне.

А потом едут в лифте, взявшись за руки. Он отпустил ее руку, лишь когда открывал дверь «Волги».

Машина ехала по пустым улицам. Она положила голову ему на плечо. Такси проехало мимо грузовика с цистерной, поливавшего улицу. Таксист включил дворники, потому что машину окатило водой.

– Яр, мы по этой дороге ездим в лес на этюды.

– А лес здесь красивый?

– Здоровский.

Старого советского стиля аэропорт по архитектуре напоминал какое-то культовое сооружение. Перед вылетом Ярослав взял в буфете черный кофе и шоколадки.

– Помнишь, ты мне подарила шоколадного Чиполлино? Я его сберёг, он стоит у меня на письменном столе.

– Ярик, я там, пока ты спал, положила тебе в сумку кое-что. Ты не смотри, пока в Минводы не прилетишь, ладно.

Уже направляясь к автомобилю, на котором везли к самолёту, он увидел, что её глаза полны слёз. Так и стояли они ещё несколько мгновений, и он смотрел в её большие глаза, полные беззвучного плача. Слёзы не скатывались, не превращались в капельки, они просто скапливались на ресницах. Он бросился назад и притянул к себе её голову сквозь вставшую между ними решётку изгороди аэропорта, поцеловал в глаза и с горечью её слёз на губах бросился догонять остальных пассажиров.

Когда самолёт совершил посадку в аэропорту «Минеральные Воды», и Ярослав, ожидая свой автобус на автовокзале, полез в спортивную сумку за сигаретами, он обнаружил там деревянную дудочку, ту самую, которую собирался, да так и не купил в художественном салоне.

1989

Борис БАЛКАРОВ

Балкаров Борис Борисович, 1950 г.р., профессор РАЕ, член Союза писателей РФ.

С 1975 года начал писать стихи и авторские песни. Им написаны две пьесы («Диалоги с Вийоном» публиковались в альманахе «Эльбрус»), а также научно-фантастический роман «Рабы Нового Вавилона». Последнее время основу его творчества составляет проза.

ЦУГЦВАНГ

Рассказ

Он проснулся часов в пять пополудни. По нынешнему времени года ещё не темнело, но воздух за окном был каким-то сумеречно-серым и сырым даже на вид. Повалявшись еще минут пять, он не ощутил, что внутри него что-то особенно болит. Истина пусть и банальная, но уместная: если вы в вашем возрасте проснулись и у вас ничего не болит, значит вы умерли. Ну что ж, от банальности истины не портятся. А врачи правы, в его возрасте послеполуденный сон – действительно панацея.

Он довольно бодро выскочил из постели, поправил покрывало (полностью во время дневного сна он постель никогда не разбирал), сбегал в ванную, плеснул в лицо холодной водички. Затем сварил себе чашку не очень крепкого кофе и, нацедив в рюмку дешевенького коньяка, вернулся в комнату. Там он зажег настольную лампу над журнальным столиком и обосновался в кресле с кофе и коньяком. Выпив рюмку и закусив маленькой шоколадкой, начал прихлебывать кофе. И обратил свой взгляд на шахматную доску.

Это была очень красивая доска. И сам набор фигур был очень красивый. Дочка привезла всё это в подарок с Крита лет десять тому назад. Шахматная доска была выложена плитками из белого и черного мрамора (считалось – каррарского). Фигуры же изображали богов и героев Эллады, начиная от королей – Зевсов и кончая Минотавриками – пешками. Белые были никелированы (типа – под серебро), черные же имели густой бронзовый цвет. В общем, очень красивые шахматы.

Вот только положение на доске было… Короче, такое положение называлось цугцвангом. При этом у одной из сторон, или у обеих сразу (взаимный цугцванг), нет полезных или нейтральных ходов, и передвижение любой из фигур ведёт к ухудшению оценки собственной позиции (в строгом понимании – к ухудшению результата). А ему уже второй день хотелось всё же найти какое-то приемлемое решение. Но сколько он ни смотрел на доску, этого решения так и не находил.

Зато вдруг появились мысли, которые к шахматам вроде и не относились. Вначале вспомнился ему разговор, который состоялся с дочерью лет этак восемь назад в кафе над озером. Он-то ничтоже сумняшеся полагал, что дочка хочет сообщить ему о своей беременности…

Тогда он подумал, что это известие было бы шикарным. Сейчас хотя бы Наследника или Наследницу по парку возил, на каруселях катал и ублажал мороженым и сахарной ватой. Плавать бы учил, самокат бы купил, возил бы с собой на фестивали, на которые в свое время возил дочку, приучая к прелестям житья в палатке, пусть даже и под дождем (а что, в этом тоже есть своя особенная прелесть), общаться не только с равными себе по возрасту, но и вообще с людьми, как правило, нетривиальными и интересными.

А она сказала всего-навсего, что хочет уехать в Столицу и там попробовать реализоваться.

Некоторое время он ничего ей не отвечал. Хлебнул коньяку из плоской фляжки (в этом кафе спиртное продавали именно так), вдумчиво закусил чебуреком, а потом ответил: «Что ж, у каждого человека в твоем возрасте должна быть своя Столица. Езжай! Но помни, что здесь твой дом, и, если что, он тебя всегда будет ждать».

– Ну а ты-то как? Один со своей больной ногой.

– Не волнуйся. Ты же не на Марс летишь. Будет трудно – свистну.

Вот так и поговорили.

Ну а что бы ему тогда не «встать на хвост» и по-нашему, по-кавказски: из сакли – ни ногой! Что бы было? Талант, похороненный в провинциальном конфетти? А смысл? Сам же этот талант пестовал, и не для того же, чтобы урыть в наших кущерях?

Хотя, хотя… Был и у него момент в жизни, когда та, которую он любил, ушла к другому, и его семья взорвалась не хуже бризантного снаряда. И тогда он решил уехать. Далеко-далеко, аж во Владивосток. Там и место службы его ждало вполне приличное. Но когда он сказал об этом своим родителям, они ответили, что если он это сделает, то живыми их вряд ли уже увидит. И он остался.

И через какое-то время взошел на вершину Олимпа своих устремлений. Нет, он не искал «ни славы и ни короны» и в начальство не рвался, но сыскал уважение тех, кого учил, и тех, кто слушал его песни. И это его вполне устраивало. Посему не жалел никогда о том, что не уехал.

Позвонила дочь. Раньше они перезванивались каждый день и подолгу разговаривали, обсуждая её и его дела и перемывая кости всем своим тамошним и тутошним знакомым.

Нынче же телефонные разговоры стали редкими: три, хорошо, четыре раза в неделю.

– Ну как вы?

– Нормально.

– Как с работой?

– Да ничего, только много.

– А что погода?

– Сыро, холодно. А у вас?

– У нас пока ещё тепло. В летнем хожу. А сам-то как себя чувствуешь?

«Хреново», – очень хотелось ему ответить. И вообще мощно поплакаться в жилетку. Но он каждый раз подавлял в себе это желание. И то: ему если и станет от этого легче, то ненадолго, а ей – лишние головные боли. А на жизнь-то ей с мужем зарабатывать надо. «Здесь вам не тут». Это ему каждый месяц пенсия, пусть не самая густая, но сыплется регулярно. А там денежки выгрызать приходится. Так к чему ей лишние хлопоты? Поэтому и ответ его был стандартным:

– Да все в порядке. Вот сижу, очередную задачу шахматную решаю.

И только когда связь закончилась, он с неудовольствием и разочарованием отметил, что опять не сказал ей самого главного. О том, какие у его дочери красивые глаза.

Как ни странно, он обратил на это внимание только недавно, будучи у неё в гостях в Столице. Как-то, гуляя, они поссорились. Причем поссорились крепко. И в тот момент, когда ему очень уж захотелось хлопнуть дверью и сказать «…вон из Москвы, сюда я больше не ездок!», развернуться и уйти, он заглянул дочери в глаза. И увидел, как зелёный цвет в них темнеет и сменяется цветом глубокого омута, в котором есть всё: и русалки, и водяные. Это было настолько потрясающе, что он даже испугался. Чего? Да той самой глубины, которая может засосать и утопить любого. Но у него хватило ума все-таки «дверью не хлопать» и перевести разговор в более мирное русло. А позже, вернувшись домой, вспоминая её глаза, он понял, что был прав, не став педалировать ситуацию.

Кстати, тот его визит в Столицу был не просто так, а с умыслом. Дело в том, что и дочка, и её муж некоторое время довольно настойчиво предлагали ему переехать к ним. Совсем. Вопрос, конечно, интересный, но он давно уже отучился принимать такие решения с кондачка. Вот и решил приехать «на подольше», например, на месяц, и посмотреть, а как ему там будет. Честно говоря, он уже изначально был настроен на смену постоянного местожительства. Но, увы, поездка опять привела к цугцвангу.

Дело в том, что семья его дочери представляла собой некий монолит, сплавленный не только любовью, но и общностью как профессиональных, так и бытовых интересов. И монолит этот был настолько прочным, что любой, даже близкий им человек всё равно оставался как бы вне…

И получается, что он, этот человек, через некоторое время становился занозой в заднице. Потому как монолиту приходится думать уже не только о себе, но и о нём. И вскоре благолепие уступало место адаптационным стычкам: не туда положил, не то сделал, не то сказал, и вообще у нас тут

жизнь другая и отношения между людьми другие. Вроде всё правильно. Но куда уж ему адаптироваться и все эти нюансы учитывать. В его-то возрасте и с его давно сформировавшимися привычками.

Да и что касается одиночества, то это как посмотреть. Работают дочка с мужем много и подолгу. Столица – щёлкать клювом не приходится. И даже когда на работу не уезжают, с утра как запираются в свои компьютеры, то и об обедах забывают. Поэтому целый день он фактически будет предоставлен сам себе. Дома-то что – вон парк в двух шагах, заставишь себя выйти погулять, хоть кого-то из знакомых встретишь, парой слов перекинешься. А здесь… Живут-то они за городом, в часе езды на электричке. В посёлке днем и души не встретишь, а в Столицу ехать, так и там будешь в одиночестве любоваться «красотами стиля», пока не забредешь в какую-нибудь рюмочную.

Да и с другими удобствами проблемы. Тут у него поликлиника через дорогу – половина врачей знакомые, как-нибудь да доползешь, или до тебя доползут. А там ежели чего покруче прихватит, то пока в их глушь какая-никакая «скорая» доедет – уже и остынешь. Магазин от дома, опять же, в двух шагах, а не по морозу и гололеду за два километра в один конец пилить, ну и прочие мелочи, как говорится, быта.

Почему-то вспомнилась его поездка в Норвегию. Очень ему эта страна понравилась, особенно природа, суровая, своеобычная и в то же время так напоминающая его родные места. И вот начал он себя ловить на том, что время от времени, едут ли они вдоль озер или плывут через фьорды, он нет-нет, да посмотрит налево. А с губ так и хочет сорваться: «Посмотри, маленькая, какая красота». Так нет слева его «маленькой» – не смогла поехать с папой, и водопады становятся не такими звенящими, фьорды не такими загадочными, ущелья не такими глубокими, а лосось в местной забегаловке – простым и обыденным на вкус.

Так что, на первый взгляд, хоть монастырь и родной, да устав в нем другой, а со своим уставом лезть… Так и будет – взаимное непонимание и доставание друг друга. Опять, как ни крути, цугцванг. Он без удовольствия кинул взгляд на шахматную доску. Ситуация на ней не изменилась – фигуры стояли так же, как и раньше. Грозно хмурились короли Зевсы, очаровывали Афродиты и гнусно скалились Минотавры. В целом вывод его был таков: сиди себе спокойно на своей старой заднице и не дёргайся. Ситуацию это, конечно, не изменит, но может оттянуть окончание партии и, главное, сделать её не такой уж дерганой.

А ещё ему в голову пришла мысль о том, что практически всю сознательную жизнь он прожил для кого-то. Да не для кого-то, а конкретно – для семьи и детей. Всё, что он ни делал, делалось для них, будь это научная карьера, писание статей или песен. Он следил за внешностью и старался модно одеваться, памятуя о том, что родным будет неудобно, если глава их семьи представится миру этаким обсоском.

Ну а лучший пример – его звание профессора. Он получил соответствующую корочку, когда ему это уже и на фиг не было нужно. Однако как светились глаза его дочери, когда та представляла его своим друзьям, с большинством из которых он был хорошо знаком и приемлем ими до определенного уровня. Профессор такой-то!

А для себя? Для себя лично, как он шутил, только водку пил да фантастику читал.

Теперь же чаша весов «для себя» явно перевешивала чашу «для других».

Какой кайф, подумал он тогда. Вставай, когда хочешь, можешь не умываться и не причесываться (кто увидит?), ходить в рваных носках и застиранной майке с прожжёнными сигаретными дырками. Питаться купленной впрок нарезанной туалетной бумагой под названием «лапша быстрого приготовления» и валяться у телека, потягивая дешевый алкоголь, тупо воспринимая картинки и голоса. То есть – одичание…

Вот только когда он начинал об этом пути думать, сразу вспоминал старый анекдот.

Утро в кукольном театре. В комнате на полу среди фарфоровых осколков головы Мальвины валяется вырванное с корнем ухо пуделя Артемона, рядом покоится тушка Буратино без ног и рук. На подоконнике сидит Пьеро. Он нервно затягивается сигаретой и говорит: «Да-а, не о таком театре мы с тобой мечтали, Карабасыч!»

Другой же путь требовал выполнения кучи малых бытовых дел. Както: привести себя в порядок, выкинуть дырявые носки и старую майку. Сходить в магазин, да не в самый ближний, а в тот, где могут быть в продаже всякие недорогие вкусности. Купить то, что нужно, приволочь домой, приготовить, а при наличии аппетита и съесть. Ну, чуть-чуть выпить при этом. Да и еще массу дел по дому сделать.

Но, как оказалось, все эти дела-миньоны так выматывают, что вроде и сил-то не особенно потрачено, а чувствовал он себя после всего как выжатый лимон. А посему и в этом случае путь его заканчивался на том же диване.

Естественно, он выбрал второй путь, но оба имели явственный привкус все того же цугцванга.

Он снова взглянул на шахматную доску, но уже с отчетливой неприязнью. А потом просто смахнул все фигурки, всех эти Зевсов, Афродит, Гераклов и Минотавров, короче, всех этих «цугцвангеров», в надлежащую коробочку.

***

Я, осколки былого склеивая,
Все отчетливей понимаю:
Жизнь – оптимистическая трагедия,
Или комедия… не смешная.

2020

Римма ШОГЕНОВА

СВЕТ, ЗАЖЖЕННЫЙ МОЛНИЕЙ

Рассказ

Жизнь моя, я на тебя в обиде.
Почему ты счастья не дала?
Подарила миг любви для вида,
Зря меня надеждой обожгла.

– Я ведь твой отец, почему ты меня сторонишься? Слышишь, Якуб! Родной отец я тебе, а ты проходишь мимо, даже поздороваться не хочешь!.. – Порядком потрепанный жизнью мужчина пытался удержать парня и хватал его за рукав, а тот норовил вырваться и пойти своей дорогой. – Куда торопишься? Не хочешь отца видеть? Мог бы зайти ко мне хоть раз, повидаться.

– У меня нет отца, слышишь! Ты вообще кто такой, я тебя не знаю. Тебя давно нет в нашей жизни, с тех пор, как ты нас бросил с мамой!..

В молодости человек думает, что все дается ему навечно – и красота, и здоровье, и силы. А любовь, кажется, никогда не пройдет, не иссякнет и будет всегда будоражить жилы, как это было в первый же день, когда две судьбы слились и стали единым целым.

Миша и Мида любили друг друга беззаветно. Поженились, и их счастью и согласию завидовали все. У них родился первенец, и начались совсем другие заботы. Миша, привыкший получать все внимание любимой жены целиком, вскоре заскучал, стал искать развлечений на стороне, а потом и вовсе ушел из семьи…

– Я тебя спрашиваю, почему ко мне не приходишь. Лучше с голоду подыхать в городе, чем к родному отцу зайти?

– Я не подыхаю с голоду, – повысил голос Якуб. – Прошло то время, когда я голодал. А сейчас мы с мамой нормально зарабатываем на жизнь. А тебя я знать не знаю, понял?

– Посмотри на него! С маминых слов запел, да? Ты чего отцу перечишь? Да я тебя сейчас своими руками… Погоди у меня, – Миша достал из кармана складной ножик и стал им размахивать, – убью, и все тут!

– Ага, напугал, – с издевкой ухмыльнулся Якуб. – У тебя духу не хватит. Ножик раскрой для начала. Нет, как жену с ребенком бросить – тут ты смелый. А против такого же мужчины силенок маловато?

Миша завелся не на шутку:

– Ты что, щенок, и вправду хочешь, чтобы я нож открыл?! Сволочь!.. Нет, постой. Давай поговорим. В тебе моя кровь, мой норов – вон как на дыбы встал! Ты ведь сын мне… Хватит, сколько мы порознь жили…

– Не сын я тебе, и знать тебя не знаю.

– Не говори так, сынок! Я… это… Да, виноват я перед вами, прости. Прости!

– Настоящий отец своих детей не бросает. Разве ты мужчина?! – Якуб уже не стеснялся в выражениях. – Посмотри, видишь, сколько народу на улице?

– Вижу, и что?

– А то, что ты чужой мне, как все эти незнакомые люди. Я тебя не знаю и знать не хочу. И по какому праву ты на меня наезжаешь, еще пугать вздумал. Ладно, отвяжись, некогда мне.

– Сказал – не груби отцу, не то ударю!

– Попробуй. Сказал же – твоей решимости на то лишь хватает, чтобы жену с младенцем выгнать…

– Не выгонял я ее, сама ушла!

– Прости, она должна была тебя дожидаться, пока ты гарцевал хвост трубой! И не забывай, мы не ушли, нас выгнали из твоего жилья!

– Погоди, сынок, ты молод еще, многого не понимаешь. Потом сам поймешь. Думаешь, если мужчина женился, он должен всю жизнь возле одной женщины прожить, за подол ее держаться? Ну, молод я был, не нагулялся еще. Погоди, ты потом на себе все увидишь. Может, я и ускакал хвост трубой, но я бы перебесился и вернулся. Куда бы я делся, тем более зная, что сын у меня растет! Хотел подзаработать, развеяться, то да сё. А твоя мать меня не дождалась.

– Мать не смей трогать! – возмутился Якуб. – После того, как ты с ней поступил, ты еще осуждать ее пытаешься?!

От гнева слезы были готовы хлынуть из глаз юноши. Он стоял лицом к лицу с отцом, которому не смог бы простить никогда ни слез матери, ни своего одинокого детства.

Когда отец ушел от них, Якуб был совсем маленьким, но в его детской памяти навсегда остался тот день. Громкие разговоры, плач матери, ее мольбы: «Миша, у нас ведь ребенок, не уходи! Ведь это мальчик, плоть твоя и кровь, продолжатель рода. Ты не посмеешь его бросить!». А он в ответ: «Ты меня сыном не пугай. У меня самое малое через год будет такой же, если не лучше!» Мать просила, как могла, даже унижалась: «Хочешь гулять – гуляй, я тебе ни слова не скажу, только из дома не уходи! Не оставляй нас сиротами!..» Если бы Якуб не помнил тот день так явственно, возможно, не стал бы так разговаривать с отцом. Но сейчас он не хотел ни видеть, ни слышать его…

А ведь они были такой завидной парой, и ни сами они, ни другие не могли бы поверить, что подобное счастье может рухнуть в одночасье. Они любили друг друга, не было между ними недомолвок или ссор. А когда родился сын, счастью Миши не было предела – как же, он стал отцом!

Он был хорош собой – душа любой компании, к тому же пел хорошо. Неудивительно, что за ним охотились все девушки и разведенные женщины в селе, и их вовсе не смущало, что он женат. Вскоре выяснилось, что его это тоже не останавливает. Муж стал все чаще задерживаться по вечерам, а порой и вовсе не приходил ночевать. Мида ждала его у окна, не сводя глаз с темной улицы. Когда же он, наконец, возвращался, она радостно бросалась к нему, ожидая ласковых объятий, по которым так скучала. Но он отстранял ее:

– Не сегодня, ладно? Я устал, спать хочу. – И каждый раз повторял: – А почему ты не спишь? У меня много работы, я буду часто задерживаться. А ты отдыхай, не жди меня. И так весь день с ребенком возишься.

– Что ты, душа моя, мне совсем не трудно, – отвечала она, – мне в радость ждать тебя.

Добрые люди донесли Миде, что ее муж связался с одной женщиной легкого нрава. Ей было обидно и горько, верить в такое предательство не хотелось, но сказать Мише она побоялась. Так продолжалось довольно долго. И в один прекрасный вечер он пришел домой не так поздно – и не один, а с женщиной. Отвел жену на кухню и вполголоса сказал:

– Мы устали, спать хотим. Постели нам.

Она сдержалась и ответила:

– Хорошо, у нас две комнаты, ты поспишь в одной, а гостью я уложу с собой. Якуб уже спит, он не помешает.

– Ты ничего не понимаешь или притворяешься?! Разве я спрашиваю, заснул твой сын или нет? Я сказал: постели нам, я буду спать с ней вместе.

Мида оцепенела. Она допускала, что у мужа есть любовница, и терпела, надеясь, что он нагуляется и вернется к ней. Но привести шлюху в дом, где его жена и сын!

– Ну, чего ждешь? Давай, стели нам. Хотя сперва стол накрой. Я сказал ей, что ты моя сестра, так что веди себя, как сестре подобает, нормально принимай гостью. Смотри, чтобы она ничего не заподозрила. Или это трудно для тебя?

– А что может быть труднее этого, как ты думаешь? Ты совсем с ума сошел. Ты что творишь? Никто такого не стерпит.

– Делай, что тебе говорят. Попробуй только слово сказать, я тебе не прощу. Обращайся ко мне как к брату, и перестань хмуриться, не позорь меня перед гостьей! Давай, время идет.

Эта ночь была для нее хуже ада. Сердце в груди пекло и разрывалось от боли и горя. Она хотела бы забыться, заснуть, но те, кто находился в соседней комнате, вовсе не стеснялись, их возня была слышна по всему дому. Если бы дверь была не смежной хотя бы. Почему она это терпит? Своими руками вручила своего мужа уличной девке. Боль рвала ее на

части острыми когтями. Мир перевернулся для нее. Неужели это тот человек, которого она любила? И ведь продолжает любить его, негодяя, который обошелся с ней так, как еще свет не видал.

Мида провела самую ужасную ночь в своей жизни. Ей хотелось умереть, вынуть из себя душу своими руками. Но у нее не было права даже на это – а как же сын, единственный человек, которому она нужна?!

Утром любовники появились из спальни, довольные, пресыщенные ночными играми. На лицах их читалось полное блаженство от проведенной вместе ночи – еще бы, в первый раз в нормальной обстановке, а не по чужим углам. Мида подала завтрак. Поев, парочка засобиралась уходить, а на прощание Миша протянул ей широкий накладной воротник из тонкого кружева:

– Вот, сестра, это подарок от нас за то, что ты так хорошо нас приветила. Носи на память.

Муж и его любовница ушли вместе. Немигающими глазами смотрела Мида на подарок с чужого плеча. Красивый. Такой воротник можно надеть к любому платью, даже старому, и оно снова станет новым и нарядным. И не жаль было той женщине расставаться с такой красивой вещью. А что ей какая-то вещь, она получила больше – чужого мужа и отца. Разорвать бы это кружево на тонкие нити, да боится гнева мужа... Придет домой и спросит, где подарок, а что она ему скажет? Ничего, вот вернется вечером, она ему все выскажет.

Но Миша той ночью опять не ночевал дома. Теперь он совсем сорвался с цепи. Гулял беззастенчиво, притом не с одной, а со всеми, кто попадался на пути, менял женщин без разбора. Жена для него будто не существовала. Очень редко он приходил домой трезвый и не за полночь, и тогда он обращал внимание на Миду, любил ее неистово, словно очнувшись и заглаживая вину. Играл с сыном, словно давно его не видел и страшно соскучился. В такие моменты в ней пробуждалась надежда: может, перебесился, вернулся к ней, и теперь они заживут как прежде? Но это длилось недолго. Назавтра он опять уходил к очередной женщине и чаще всего оставался на ночь. Разгульная жизнь била ключом. Он не скрывал от жены, что спит с другими женщинами, и даже беззастенчиво сообщал ей, у которой из них он собирается провести сегодня ночь. Говорил вроде бы с заботой, чтобы не ждала его и ложилась спать, а на самом деле это звучало как издевка. Услужливые соседки намекали, что в соседнем селе, что на том берегу, у одной из распутниц он живет, как во второй семье. Но она уже не спрашивала ничего, не выпытывала. А что толку спрашивать? Все равно правды не узнаешь, а шума не избежать.

Мида терпела, потому что не хотела оставить своего ребенка без отца. Как-то вечером, когда он собрался уходить, приодевшись и надушившись, будто женщина, она не выдержала:

– Сколько же можно? Когда ты уже нагуляешься и вернешься в семью? Ты хоть помнишь, что у тебя семья, ребенок? Останься с нами!

– Не говори глупостей. У меня встреча, меня женщина ждет, и я не могу ее обмануть.

– Ты что, поклялся утешить всех разведенных и свободных девок? Больше некому, думаешь? Постыдился бы уже, на нас пальцами показывают. Я не могу больше, и терпеть далее не буду, понял?

– Как хочешь, – равнодушно сказал он. – Я просто сказал: запри дверь и ложись спать, меня не жди.

Миша развернулся и вышел. Что ей делать? Бросить все и бежать – но куда? На ее глазах любимый муж погибает, он не ведает что творит, его надо спасать. Но он не слышит ее, не помнит, что у него есть долг перед женой и ребенком, не обращает внимания на увещевания родственников и друзей. Хотя друзей у него и не осталось, одни собутыльники и гулящие женщины. Ладно бы эти женщины были лучше, краше ее. Но ему, кажется, даже неважно, как они выглядят...

Когда Миша растворился в темноте, она закрыла за ним дверь и вернулась к сыну. Накормила, поиграла с ним, чтобы он утомился и не проснулся среди ночи. Уложив малыша, помешкала с минуту, послушала его ровное дыхание, подоткнула одеяло как следует. Потом тепло оделась и вышла во двор. Заперла дверь, взяла в руки крепкую палку, чтобы отбиваться от собак и нащупывать дорогу. А собаки не знают покоя до утра, их лай разносится по селу, многих спустили с цепи на ночь, так что остерегаться надо.

Она шла по пустынной улице, пугаясь звука собственных шагов. Было страшно. И зачем только она вышла в такую темень? Одна на дороге, мало ли кто может встретиться. А вдруг ребенок проснется и станет искать ее? Но она шла и шла, и вот уже добралась до моста через Баксан – единственной переправы для машин и людей. Через этот дощатый мост страшно было ходить даже днем, а тут не видно ни зги, хорошо что палку взяла нащупывать дорогу. Мида знала, что между досками моста большие расщелины, на каждом шагу дыры, не дай бог оступиться, недолго и в потоке очутиться. Река шумела и пугала еще больше, ветер дул по ущелью, задувая под юбку. Как могла она пуститься в путь в такую ночь? Можно подумать, муж впервые не ночует дома. Перетерпела бы и на сей раз. А теперь возвращаться поздно, хоть кричи, хоть плачь – никто не услышит. Вот упадет в реку – и кто ее найдет?..

Дрожа от страха, она все-таки перебралась через мост. Теперь нужно дойти до дома, где ночует сегодня ее муженек. А живет эта потаскуха под самой горой, рядом с лесом. Дорога была вся в размывах и колдобинах, и она все время скользила, спотыкалась и падала, и всякий раз, поднимаясь на ноги, молилась и повторяла вновь и вновь: «И зачем только я пришла сюда?»

Наконец она у цели. В доме горел свет, окна не занавешены, и Мида свободно могла видеть происходящее внутри. Веселая компания пьяных мужчин и женщин пировала за столом, все парочками. Миша пел песню высоким голосом, обнимая одной рукой свою зазнобу.

И что теперь? Ну, пришла, а дальше что? Тут и поговорить не с кем, все пьяные, и все хороши. На что только надеялась... Мида беззвучно заплакала. Бедный, пропащий Миша, знаешь ли ты, какое страдание ты причиняешь своей жене, матери своего ребенка. Какой грех на себя берешь. Как она вернется и оставит его здесь?.. Можно подумать, он по первому зову побежит за ней. Какая же у них несчастная семья. Судьба только поманила их лучиком счастья – и все, лучик тут же погас. Зачем она терпит это? Если не терпеть – ребенок вырастет без отца. Терпеть дальше – уже сил нет, да и смысла тоже. Семьи уже нет... Надо идти домой, вдруг сынок проснулся, он же испугаться может! Как она дойдет до дома?

Безлунная ночь показалась еще темнее после света в окне. Вдали в лесу слышалось завывание волков и шакалов. Последний раз взглянув на веселое лицо мужа, она пошла прочь. Только бы пройти по этим ужасным улицам и перейти через мост, а там уже не страшно. Река, казалось, шумела еще сильнее. Неужели разлилась? Надо быстрее идти, красться потихоньку еще страшнее. Опять попадает в ямки и падает, плакать в голос боится – вдруг звери обнаружат ее и набросятся. Она даже не подозревала, что так боится темноты. Только бы дойти живой до дома, к любимому сыночку. Да пусть хоть никогда не увидит она мужа. И какой из него муж, из того, кто сейчас дерет горло в чужом доме и развлекается со шлюхами? А она все ждет чего-то, глупая. Да в жизни он не станет семьянином. Почему она должна жить с тем, кому не нужны ни жена, ни ребенок?

Она робко ступила на дощатый мост. Ей не показалось, река точно разлилась, видно, в верховьях прошел ливень. Мида не видит ничего под ногами, но чувствует, что вода подступила прямо к доскам моста. Только бы не рухнуть в этот бурлящий поток, не сгинуть бесследно. Сыночек мой, видишь, как твоя мать слоняется одна в ночи, как блаженная, по вине твоего непутевого папаши...

Трясясь от страха, она благополучно прошла по мосту, нащупывая палкой и носком обуви каждый шаг. Только отошла на несколько шагов, как сзади раздался страшный треск. Не видя, она догадалась: рушится мост. Все-таки она не совсем несчастная, успела. Это какая же силища у воды, что она крошит такой большой, накрепко сколоченный мост?! Грохот стоял по всему ущелью, множимый шумом воды. Проснулось село, забрехали собаки, зажглись огни в окнах. Она облегченно вздохнула: теперь люди выйдут на улицу, уже не так страшно. Только бы знакомых не встретить. Как она объяснит, где была в такое время?

В Мише, казалось, уживались два человека. Насколько добр и ласков он бывал в дни прозрения, настолько же груб и непредсказуем был, когда собирался снова оставить семью. Так и жил, то появляясь, то исчезая. Чем дальше, тем дольше случались отлучки блудного мужа. Со временем он вовсе исчез. Напрасно Мида ждала его, стояла у окна с первых сумерек до первых лучей солнца, надеясь, что вот-вот появится из темноты и постучит в дверь муж, которого она продолжала любить, несмотря на все обиды и измены. Кто-то шепнул ей, что ее непутевый Миша живет у очередной любовницы.

Когда они поженились, колхоз выделил Мише квартиру в старом здании правления. Но теперь, когда он уже не жил в селе и в колхозе не работал, начальство потребовало освободить жилье. О том, чтобы помочь одинокой женщине с ребенком, не было и речи. И от людей ждать сочувствия не приходилось. Шла первая послевоенная десятилетка, и каждый выживал как мог. Не в каждом доме наедались досыта, одеты все были одинаково плохо, одежда – заплата на заплате, так что угадать первоначальный вид иной рубахи или платья было трудно.

Мида оказалась в ужасном положении. Мужа, считай, нет, значит, и кормить семью некому. Самой работать – а на кого ребенка бросить? Куда ни глянь – везде безысходность. Из дома ее пока не выселяли, и она сидела тихо, втайне надеясь, что муж вернется и все разрешится само собой. Наступал очередной вечер, и она снова занимала место у окна и ждала. Смотрела на звезды и посылала им свои мольбы. Далекие лучи посылали ее сердцу отсвет надежды. Но сколько же можно ждать и любить того, кто предал? Одна в пустом доме, откуда вот-вот прогонят. Ребенок, которого не во что одеть. Ушла бы прочь отсюда, но куда? Родительский дом брат продал давно, там теперь чужие люди живут. Никто ее не ждет, всюду она лишняя.

Колхозное начальство вскоре потребовало срочно освободить жилье. Делать нечего, она собрала свой бедный скарб и решилась идти в другое село, где жила дальняя родня, и попроситься пожить, пока не найдет другую крышу над головой. Отправилась в путь в студеный зимний день, когда снега навалило по колено. А нужно было перейти холмистый кряж и спуститься вниз, чтобы дойти до того села. Тропу, извилистой змейкой поднимавшуюся по склону, теперь занесло снегом, и ее приходилось прокладывать заново. Уступы были не видны, и в любой момент была опасность сорваться. Поднявшись повыше, она в последний раз оглянулась на село, на дом, в котором была счастлива с Мишей, хоть и недолго. Горечь сжала сердце, но она заставила себя идти дальше.

Маленький Якуб послушно сидел на санках поверх тюка с вещами, перевязанного крест-накрест большим клетчатым платком. Он был за-

кутан с головой в изношенный платок, протянутый подмышками и завязанный узлом на спине. Обуви у малыша не было, и его ножки мать замотала своими платками.

Больше мороза ее пугал темный лес, опоясывающий гору, и голодные хищные звери, обитавшие в нем. Только бы дойти до вершины кряжа, немного осталось, а там село внизу видно станет, уже легче. Только успела подумать – услышала за спиной рычание. Обернулась и едва не вскрикнула от ужаса. Не сводя с нее глаз, к ней приближались два серых волка, огромных и тощих. «Вот она, смерть! – подумала Мида. – Я до сих пор не умерла, чтобы мы с сыночком стали обедом для голодных волков. Мой сыночек! Они загрызут его!»

Мысли ее метались в поисках выхода. Никто не придет на помощь, хоть кричи. Она смотрела то на зверей, то на малыша, а он радостно улыбался ей, своим детским умом не догадываясь о нависшей над ними смертельной опасности.

Чем можно испугать волков? Говорят, они боятся огня, но где она возьмет спички, да и что тут можно поджечь, в снежной пустыне? А до хищников уже полсотни шагов, не больше. А что, если... Она быстро вытянула из тюка клеенку, свернула ее трубкой и наставила на волков наподобие ружья, и при этом крикнула, стараясь подражать звуку выстрела: «Бу! Буу!» Волки остановились, все так же не сводя с нее желтых голодных глаз. А она все целилась из своего «ружья» и кричала: «Бу! Бу!» Якуб удивленно глядел на нее, ее крики казались ему плачем. «Мама, не плачь!» – сказал малыш. «Я не плачу, сынок. Ты не замерз?» Потом опять: «Бу! Бу!» Так продолжалось долгих полчаса, показавшихся целой жизнью. Какая жестокость – пережить измену мужа и уйти куда глаза глядят, чтобы стать пищей для голодных волков.

Потом случилось неожиданное. То ли волки действительно поверили, что в руках у нее ружье, то ли в них проснулась жалость – ведь звери не люди, могут и пожалеть, – но они развернулись и трусцой побежали к лесу.

Этот страшный день на всю жизнь запомнила не только Мида, но и Якуб.

Наконец мать с сыном благополучно спустились с горы и дошли до дома родственников. Приняли их поначалу радушно, но потом, узнав, с чем она пришла, насупились, стали советовать: «Отдай сына отцу. Это же мальчик, носит его фамилию, он вырастет и все равно вернется в свой род». Но Мида и слышать не хотела.

В этой семье был мальчик немного старше Якуба. Они играли вместе, но когда наступало время еды, мать того мальчика потихоньку уводила его, чтобы накормить тайком от незваных гостей. Якуб сразу понял это и стал говорить: «Иди, тебя твоя мама зовет кушать». А кого судить?

В это трудное время никому нет дела до других, самим бы выжить. Кто возьмется кормить чужих людей, да еще с ребенком?

В те годы в колхозах создавали детские сады, чтобы присматривать за малышами, пока их матери трудятся в поле. Миду устроили в бригаду, а Якуб весь день был под присмотром и, пусть и не досыта, но накормлен. Теперь ей было легче, но все же чужой дом – это чужой дом, приходилось жаться в угол, стараясь не быть в тягость хозяевам.

Позже ей выделили клочок земли под застройку. Оно бы хорошо, но как отстроиться слабой женщине без мужа? Делать нечего, пришлось полагаться только на собственные силы. Она ходила в лес и на плечах приносила жерди и колья, всё, что могло пригодиться для сакли и плетня. Мальчика всегда брала с собой – пусть он еще небольшой помощник, зато будет с кем поговорить, да и оставлять малыша с кем-то не хотелось. А он, молодец такой, тоже пытался помочь маме, хоть одну палку да принесет в ручках. Тут каждая хворостина шла в дело. Мать не могла нахвалиться на сыночка: вот какой помощник вырос! Безотцовщина и тяжелая жизнь сделали его взрослым раньше времени. Увидят ли они когда-нибудь хорошие времена…

Лес был не ближним светом, идти приходилось далеко, да еще с дровами, приходилось часто останавливаться, чтобы перевести дух. Правда, времена и нравы были суровые, деловую древесину брать в лесу запрещалось, за это можно было угодить за решетку. Позволяли собирать только хворост на растопку. Но Мида исхитрялась, прятала в вязанке хорошие жерди, потом дома перепрятывала в укромном месте. Когда их набралось достаточно, начала мастерить плетни, сперва с трудом, а потом приноровилась плести не хуже заправских мастеров. В сторонку откладывала крепкие жерди, чтобы перекрыть крышу. Потом сама же прокопала неглубокие рвы под стены, установила готовые плетни, связывая их между собой, соорудила камышовую крышу. Стены снаружи и изнутри обмазала глиной, уложила глинобитный пол. И у них с мальчиком появился наконец-то свой дом с дверью и окнами. Не было, правда, ни кровати, ни матраса, но это не беда. Мида сшила его из лоскутов, набила соломой – и получилась мягкая постель. Днем выносила матрас на солнце, к вечеру взбивала и перетряхивала напитавшуюся теплом солому, ночью мать с сыном спали, как на пуховой перине, укрывшись чудом сохранившимся лоскутным одеялом.

Тем временем Якуб подрос, вот уже и в школу пора идти. Но из-за того, что его не во что было одеть, он пошел учиться на два года позже сверстников. Из одежды на нем были дырявые кирзовые сапоги на несколько размеров больше, поношенные брюки с короткими штанинами и латаная-перелатанная рубаха. С первыми осенними холодами более обеспеченные, сытые и одетые дети говорили ему: «Надень что-нибудь

другое, замерзнешь». А он в ответ: «Мне совсем не холодно». Откуда было знать о его нужде тем, кто рос с отцом и матерью… А Якуб при живом отце был сиротой. Вряд ли Миша задумывался о том, каково приходится брошенной семье. Он жил в свое удовольствие, не пропуская ни одной юбки, и считал, что так будет всегда, и молодость никогда не закончится.

Со временем мать с сыном стали понемногу выкарабкиваться из нищеты. Мида много работала, из скромного заработка удавалось немного отложить, чтобы приодеть Якуба. Мальчик подрос и многое уже стал понимать. Теперь мать рассказывала ему все, что накипело в душе по вине его отца. Пусть знает, кто виновник всех их несчастий. И однажды сын сам заговорил об отце:

– Мама, знаешь, о чем я мечтаю? Увидеть отца старым и слабым, и чтобы пришел ко мне просить помощи!

– И что бы ты сделал? – невольно улыбнулась мать.

– Сказал бы, что не нужен он мне, и заботиться о нем я не собираюсь.

– Неужели смог бы? Отец все же…

– Не более, чем любой прохожий! Он хоть что-нибудь сделал для меня хорошего? Живу всю жизнь, завидуя тем, у кого отец есть. И я должен теперь пожалеть его, выслушивать его жалобы? Ни за что! Я даже рад буду, если увижу его несчастным… А он и будет таким, грех передо мной не даст ему дороги.

– Сынок, он ведь отец все-таки, – как можно мягче возразила Мида.

– Мама, у меня нет отца, давай ты никогда не будешь мне о нем говорить, ладно? Прошло время, когда я нуждался в отце. Вот окончу школу – тогда увидим, кто кого попросит. Думаешь, я смогу когда-нибудь забыть, как ты страдала, сколько слез проливала?..

Во время летних каникул, а потом и каждый день после уроков Якуб работал в строительной бригаде и научился всему, что умели взрослые рабочие. Теперь у него была мечта – построить дом. На свою маленькую зарплату подросток покупал понемногу всё, что потребуется для строительства – кирпичи, песок, доски. А заработок матери экономно тратили на другие нужды, пропитание и одежду. В старших классах Якуб перевелся в вечернюю школу, и теперь он днем работал, а по вечерам учился. Каждый погожий день был дорог для юноши, который горел своей мечтой. Мало-помалу выкопал и сложил фундамент дома, кирпич за кирпичом сложил стены, да так шаг за шагом и построил дом своими руками.

После школы поступил на заочное отделение учиться на строителя и продолжал работать. Упорство позволило парню постепенно встать на ноги и зажить не хуже других, если не лучше. Мать, которая так и не смогла забыть о пережитых страданиях, не могла поверить, что все плохое осталось позади:

– Кто бы мог подумать… Никогда бы не поверила, что мы заживем по-людски.

– Знаешь, мама, я одного не смогу понять никогда: как можно бросить сына, если считаешь себя мужчиной? Если с женой что-то не так, ну, разойдись с ней, но сына не бросай, пусть он знает, что у него есть отец! Не подумай только, что я тебя в чем-то виню. Такой матери нет ни у кого на свете, клянусь! Сколько мужества в тебе, сколько стойкости было! Да вспомни хоть встречу с волками, одного этого достаточно! И как ты не испугалась, мама? Как ловко придумала свернуть эту клеенку и пугать волков, будто стреляешь из ружья.

– Ты это помнишь? – рассмеялась мать. – Ты же совсем маленький был.

– Помню, еще как помню.

– И никогда об этом не рассказывал.

– Не хотелось что-то вспоминать… Никогда не забуду твое лицо в тот день.

Вот так мать с сыном, вместе устоявшие перед всеми невзгодами, садились рядом по вечерам и делились воспоминаниями. Теперь жизнь пошла на лад, и о прошлом можно было вспоминать даже с улыбкой. Но вот… о Мише нельзя было сказать, что у него все хорошо. Одинокий, ни семьи, ни детей. Мида часто думала о нем с жалостью, и ей казалось, что они могли бы теперь снова стать одной семьей. Если бы Якуб согласился… Вряд ли, вон какой горячий и упрямый. Но все же отец он ему. Мог бы и простить, раз она простила. Мать не смела заговорить об этом, но как-то спросила как бы между прочим:

– Ты узнаешь отца, если встретишь?

– Я и не забывал его никогда. Он всегда у меня перед глазами был. Мечтал встретить, чтобы отомстить за все, что он с тобой сделал…

Родители могут простить детям любой проступок. Дети же не прощают родителям ничего. Они будут помнить все обиды, нанесенные когда-то, и даже припомнят, если выпадет случай. Дети жестоки и злопамятны.

Это был уже не тот Миша, красавец и бабник. Он давно уже отгулял свое и раскаялся, и теперь сторожил дороги сына, едва узнавал, что он приехал на сессию. Тот, однако, обходил его стороной. Смотрел на отца издали и видел, что сам он – вылитый отец, ни волоска непохожего нет. Это и радовало его, и злило. Как мог он оторвать от себя ребенка, который так похож на него! Какое каменное сердце надо иметь! Якуб жалел и себя, и мать, и даже непутевого отца, который загубил молодость матери, его детство, да и сам остался ни с чем.

– Бедная моя мама, какую же горькую долю ты приняла! Из-за меня от личной жизни отказалась, все кружила надо мной и прикрывала крыльями, как орлица, согревала на своей груди…

Подошло время очередной сессии, и Якуб приехал в город. И снова отец подстерег сына на дороге. Теперь он не пытался изображать строгость, не грозил ему и был очень жалок:

– Сынок, прости меня. Молодой я был, дурной. Ну, ошибся я. Прости, не оставляй меня.

– Я сколько раз должен повторить, что не знаю тебя? Отстань!

– Не говори так, я твой отец, у нас с тобой одна кровь, – повторял Миша.

– Потому и не могу простить. Была бы у нас разная кровь, был бы неродной, чужой – бы пожалел тебя. А по какому праву ты называешь себя отцом? Напомни хоть что-нибудь хорошее, что ты сделал для меня. Из-за тебя я всю жизнь страдал, а сколько плакал, таясь от матери, укрывшись с головой под одеялом, когда другие мальчики дразнились, указывали пальцами – вот, мол, его отец бросил, – а меня защитить было некому. Или у тебя не было отца? Ты никогда не знал отцовской заботы? Знал! А почему меня этого лишил? А скажи, когда ты пировал, сладко ел и пил, ты хоть раз вспомнил обо мне? Знал ведь, что мы голодаем, и тебе кусок поперек горла не вставал. Какой ты отец после этого… И зачем ты мне теперь? Нет у меня отца, запомни. Взгляни на этих прохожих. Для меня вы все едины – что ты, что те незнакомые старики. Хотя нет, они лучше, потому что ничего плохого мне не сделали. Не хочу тебя больше видеть.

Якуб круто развернулся и пошел прочь. В его сердце боролись два чувства – торжество за исполненную месть и жалость к старому немощному отцу.

Оба чувства жили в нем рядом и все последующие годы, пока он взрослел, становился на ноги, начал хорошо зарабатывать и обеспечивать семью. И все чаще склонялся к мысли, что надо прощать. Кто знает, может, и наступит тот день, когда он переступит через обиду и приведет домой своего отца, которого – он знает – так ждет его мать.

Отец больше не делал попыток сблизиться с сыном. Молодость и все, что с нею было связано, осталась позади, одиночество и наступающая старость согнули его некогда стройный горделивый стан. Одинокие ночи длились бесконечно, а голову, в которой так мало оказалось ума в свое время, раскаяние все чаще клонило к подушке.

Женщины сильнее мужчин, выносливее. Мида жила спокойной, обеспеченной жизнью вместе с сыном, ради которого она терпела и преодолевала все преграды. Но теперь, на склоне лет, она все чаще думала о Мише, о его унылой судьбе. Да и она – разве она не была всегда одинокой без него? Разве не ищет, не зовет его душой до сих пор? Она готова его простить, нет, давно простила, только бы он был рядом. Близкий человек, кажется, нужен только в молодости, но нет, на склоне лет он

еще нужнее. По ночам она беззвучно разговаривала с супругом, и слезы будто попадали прямо на раскаленное сердце, сверкнув молнией и зажигая свет внутри нее. «Да, молодость проходит сама собой, как бы ты ее ни прожил, – говорит она ему. – Но в старости одиночество страшнее. Счастливы те, кто вместе проживают жизнь и старятся вместе… Нам этого не было дано».

Все ничего, если бы он был устроен как-то, согрет, если бы у него семья была, пусть и другая. Тогда бы Мида была спокойнее. А теперь что? И он один, и она. Жили бы сейчас тихо-мирно, муж с женой и сыном. Почему же он был так глуп. Почему так и не повзрослел?! Всякое в жизни случается, но когда-то же человек должен остепениться? Он даже о сыне не подумал, и теперь все трое сироты… «Как же похож на тебя сын, Миша! Одно лицо, одна поступь! И хотела бы забыть тебя, но вот он, твой образ, каждый день передо мной…»

Воспоминания о счастливых моментах жизни вспыхивали в душе светом от молнии, но так же быстро сменялись непроглядным туманом, стоило подумать, что следовало за короткими мигами счастья. Туман заволакивал душу, комнату, весь белый свет…

Елена ПАЧЕВА

Трудовую деятельность начала в 1968 году, работала зав. клубом АТО в Нальчике. С 1974 года – в Госкомитете по телевидению и радиовещанию. Организовала ансамбль песни и танца «Синдей». Безвозмездно передала в Фонд литературных и музыкальных композиций много записей своих песен.

Принимала участие в поездках по зарубежным странам – местам компактного проживания адыгов-махаджиров, – представляя творческую интеллигенцию кабардинского народа, встречаясь с соотечественниками, пропагандируя лучшие образцы песенного и музыкального искусства адыгов.

С 2000 года занимается журналистской и литературной деятельностью, печатается в СМИ КБР.

В 2003 году создала дом-музей Бекмурзы Пачева, указом В. М. Кокова музею присвоен статус государственного.

Выпустила две книги – «Жизнь моя – песнь моя» и «Еще раз о Бекмурзе».

ИНАЛЬ-ЧЕРКЕС

По обочине дороги, ведущей в Триполи, весело напевая «Уэ Къанщауэ, Къанщауэ, уой, уой, уой», шел юноша, который, казалось, был готов обнять весь мир. Да, он был счастлив, так как после долгих мытарств устроился работать на стройке и теперь мог помогать своим родителям, изгнанным с Голанских высот израильтянами. А еще, напевая песню на родном кабардинском языке, он видел перед собой Гауни, своего напарника, родом из Эфиопии, который подпевал ему: «Уэ Къанщауэ, Къанщауэ…» – поднося цементный раствор, чем приводил друга в умиление.

Продолжая путь, он представлял себе своих родителей, глаза которых светились счастьем при получении его первых заработков… Да, он силен, да и внешностью его не обделил Всевышний. Этот широкоплечий сероглазый юноша знал уже, что привлекает с первого взгляда любую красавицу, но к серьезным отношениям он еще не был готов и поэтому подавлял в себе чувства.

Невероятные испытания выпали на долю черкесов, представителей всех народов Кавказа. «О Аллах, за какие прегрешения мой народ остался без родины?» – не переставал вопрошать Иналь-Черкес, но точного ответа так и не находил. Здесь их называли «махаджирами», то есть

переселенцами. Гордый, трудолюбивый народ обживал новые места. Сообща строили жилища, дороги, выращивали сады. Так как с водой в жаркое время бывали перебои, мужчины поселения «Хышния» вырыли небольшой котлован и забетонировали его. Наполняли его, когда воды было в избытке, чтобы потом в засушливое время было чем поливать деревья. Казалось, жизнь наладилась, хотя мысли о родной стороне не покидали черкесов.

Затишье было недолгим. После Шестидневной войны черкесы покидали обжитые места, с надеждой, что будет возможность вернуться. Женщины отрывали доски пола и прятали там свои драгоценные пояса и нагрудники, которые сберегли как память о Кавказе, но вернуться сюда они не смогут еще несколько десятилетий.

Изгнанников временно расселили в школах. Сердобольные арабы помогали им выжить, принося одежду, пищу, постельные принадлежности.

Позже правительство Сирии предоставило им участки под строительство в гористых районах Акрада и Кудсии. Стали появляться домики, как птичьи гнезда: крыши одних семей были дворами других. Жизнь продолжалась.

Инал-Черкес окончил школу. Его, как и многих юношей, манили дальние страны. Хотелось заработать денег, чтобы помочь родителям в постройке дома. Он решил уехать на заработки в Ливию. Мать была против отъезда сына, но поняв, что он непреклонен в своем решении – благословила.

В Триполи было очень сложно получить вид на жительство. Ежедневно обивал Иналь-Черкес пороги миграционной службы, но тщетно. Однажды к нему подошел чиновник из паспортно-визовой службы и предложил помощь… за сто долларов. Иналь-Черкес был несказанно рад и, конечно же, согласился. Вспомнив, что здесь есть еще один черкес, по имени Гасан, с этой же проблемой, он попросил чиновника сделать документ и этому парню. Сказано – сделано. Через день, с документами на руках, ребята пустились на поиски работы в Триполи.

Все складывалось чудесно. Иналь-Черкес устроился на одну из строек. Недорогое жилье нашлось в пригороде, и хоть добираться до работы пешком было трудновато, он был счастлив. Теперь он не сомневался, что поможет родителям завершить постройку дома.

В это утро он встал, как обычно, очень рано. Приняв холодный душ и проглотив на ходу несколько маслин, отправился на работу, весело напевая кабардинские песни. Утренняя прохлада нежно ласкала тело. Впереди – очень тяжелая работа под палящим солнцем Ливии.

Мягко шурша колесами, рядом остановился автомобиль с полицейскими, один из них предложил продолжить путь с ними. Иналь-Черкес поблагодарил и устроился на заднем сидении. Уже подъезжали к Три-

поли, когда к нему обратился с вопросом тот же полицейский, который предложил подвести: «Послушай, парень, не знаком ли ты с молодым человеком из Дамаска по имени Иналь-Черкес?» В голове пронеслось: «Чем это моя скромная персона могла заинтересовать полицейских?». Однако, не чувствуя за собой никаких грехов, он гордо заявил: «Иналь-Черкес перед вами. Я один из Сирии с таким именем. Иналь – мое имя, Черкес – мое происхождение». Полицейский весело перемигнулся с напарником, резко развернулся к нему и, защелкнув на его запястьях наручники, изрек: «Как же долго мы искали тебя, а тут такая удача. На ловца и зверь… как говорится».

В полицейском участке у него затребовали вид на жительство. Начальник, внимательно изучив документ, подтвердил, что он поддельный. «Точно такой же ты достал Гасану, через него мы и вышли на тебя. Сколько долларов вы заплатили этому чиновнику?» Иналь-Черкес только сейчас понял суть произошедшего. Так, в самом начале своей самостоятельной жизни, он оказался в заключении. Это было серьезное испытание на прочность.

Барак, где содержали подследственных, был настоящим «клоповником», а баланду, которую им давали один раз в день, не стали бы есть даже голодные собаки. Иналь-Черкес, поджав колени, сидел в душном бараке, устремив взгляд на луну, а перед его взором проносились лица старейшин их села Хышния, сидящих на гладком бревне, в своих черкесках, при полном параде. Это было их излюбленное место, где они собирались каждый вечер. Какие удивительные истории о Родине, о Кавказе рассказывали они наперебой. Иналь-Черкес пристраивался на краешке бревна и сидел тихо, как мышь, мысленно уносясь на Кавказ и представляя себя героем из рассказов старейшин. Он впитывал в себя все услышанное, и быть может, эти рассказы сыграли в его жизни главную роль. Своим родным кабардинским языком Иналь-Черкес владел в совершенстве, как и арабским. Самое главное, что его никогда не покидала мысль о далекой Родине, утерянной его предками, и он не сомневался в том, что Кавказ примет его в свои теплые объятия.

Вот заговорил Амин Гучапша, самый уважаемый аксакал в Хышнии: «Эх, оказаться бы сейчас на милой Родине. Говорят, что теперь нет уже наших соплеменников, а на наши земли заселяют казаков. Они жили в других климатических условиях, и вполне естественно, что наши сады, вырубленные русскими солдатами, никто уже не восстановит. Интересно, выращивают ли на наших плодородных землях пшеницу, ячмень, просо, кукурузу?..»

Все как-то приуныли и задумались каждый о своем.

«Ладно, не нагоняй тоску, почтенный Амин», – вступил в разговор балагур Тамаша. Теперь он остепенился и стал почтенным муэдзином. Он призывал всех верующих к пятничному намазу в мечети. Как-то,

перепутав дни, он стал призывать к намазу в четверг. Мужчины села, спотыкаясь, помчались к мечети, в ожидании плохих вестей. Тут сам Тамаша, поняв свою промашку, спустился с минарета и обратился к народу: «Слушайте меня, дорогие жители Хышнии. И что это вы все вдруг стали такие дисциплинированные? Я просто подумал, что если я вас призову в четверг, то вы как раз соберетесь к пятничному намазу». Мужчины слегка пожурили Тамашу, но решили, что раз уж собрались, то проведут намаз и в четверг, и в пятницу. Это было мудрое решение.

После намаза Тамаша обратился к Амину: «Почтенный ты наш, да расплодятся пчелы твои, ведь ты их привез с собою с Кавказа. Сегодня ты порадовал всех жителей Хышнии, предоставив каждой семье по соте меда. Да благословит твои дни Всевышний». Все мужчины произнесли: «Аминь». – «На здоровье, я рад доставить вам удовольствие, мои родные. Ведь на тот свет ничего с собой не заберем», – отвечал Амин…

Воспоминания с новой силой нахлынули на Иналь-Черкеса. Он вспомнил рассказ своего отца об Амине Гучапша. Так случилось, что Амин остался дома один. Вся семья разъехалась по делам, а обедать один он не хотел. Шел дождь, но он стоял и выжидал какого-нибудь путника, чтобы разделить с ним трапезу. Наконец, появился человек, весь промокший, видимо, держал путь в соседнее село. «Заходи в мой дом, добрый путник, обсохнешь, пообедаешь со мной», – обратился к нему Амин. Вот такой это был человек…

Да, на чужбине черкесы еще больше сплотились и делали вся для того, чтобы их дети и внуки не забывали языка своего и адыгэ хабзэ.

Под утро в бараке становилось невыносимо душно. Стараясь не задеть спящих, Иналь стал пробираться к единственной решетке в стене напротив. Полная луна, казалось, сочувствуя узникам, на минутку зависла прямо над ней. «Наверное, сейчас мама готовится к утреннему намазу», – подумал он. – Хорошо, что она не знает, где я…» Воспоминания нахлынули на него с новой силой. Вот мальчишки села разместились на крепких ветках инжира-великана и собирают зрелые плоды, попутно утоляя голод. Весь день уйдет на сбор урожая, а вечером ребята разойдутся по домам с полными хурджунами. Остальной урожай останется хозяину сада – доброму Амину.

Нигде Иналь-Черкес не встречал такого роскошного дерева, хотя куда только не забрасывала его судьбинушка.

Но вот и рассвело. Начался будничный день, каких он насчитал уже девяносто. Еще столько же просидит он здесь, пока вина чиновника, торговавшего поддельными документами, будет доказана. Настоящий вид на жительство Иналь-Черкес получит на следующий день после отсидки.

Этот случай станет для него серьезным жизненным уроком. В какую бы страну ни забросила его судьба – он будет неукоснительно соблюдать

ее законы. Да, впереди у Иналь-Черкеса еще много испытаний, но он нигде не уронит чести своей. Его ждут Америка, Иордания, Андорра и милая Родина – Кавказ.

ВСТРЕЧА С ТАГО ПАША

Еще в аэропорту Нью-Йорка меня ожидала радостная весть. Среди встречавших нас была одна очень обаятельная молодая женщина, которая представилась мне Самихой Мамхаг и добавила, что мама ее – урожденная Пачева Таго. Я от счастья не находила себе места. И, начиная с этой минуты, мне уже хотелось как можно скорее увидеть Таго. Но мы имели в распоряжении только пять дней, а расписание было довольно плотное.

И вот, наконец, этот момент настал. Я была безмерно счастлива от предвкушения встречи с живой легендой. Ей в том, 1989 году, исполнилось 113 лет.

Я увидела женщину в ослепительно белом одеянии, она выглядела лет на семьдесят: умные карие глаза, черные брови, матовая кожа. Таго протянула ко мне свои белоснежные руки, и я кинулась к ней в объятья. «С приездом, лучезарная, – обратилась она ко мне, – присаживайся». И тут же добавила: «Месяц назад, когда вы направлялись в Лос-Анджелес, я узнала, что среди приглашенных – известная певица Пачева Лена. Но каково же было мое разочарование, что ты урожденная Ашабокова и являешься не сестрой мне, а снохой». Заметив мое смущение, она смягчилась: «Не расстраивайся, ведь ты подарила роду Пачевых двоих сыновей и дочь. Просто я всю свою сознательную жизнь мечтала вернуться на родину или хотя бы встретить свою кровиночку. Ну, расскажи, как там, на любимой далекой родине живется черкесам?» Беседа завязалась.

Это была вторая женщина из встреченных мною в поездках, которая принципиально не учила другие языки, чтобы сохранить родной в первозданном виде. Она рассказала мне, как они покидали родину.

«Мне тогда было около пяти лет, – вспоминала Таго. – Как сейчас помню речь отца, державшего меня за руку и беспомощно озиравшегося на свой добротный дом, который нам уже было не суждено увидеть никогда. “Ничего не поделаешь, – говорил он, – жизни нам здесь не будет, пока правит в этой стране сатана. Пусть Аллах благословит нашу дорогу. Взрослые выдержат, а вот ты, маленькая, что ждет тебя, родная?” И он поднял меня на руки. Я была одета по-дорожному, на мне, как сейчас помню, были маленькие лайковые сапожки с крепкой подошвой». – Тяжелые воспоминания нахлынули на Таго. Она вздохнула.

Самиха, уже не в первый раз слушая рассказ матери со слезами на глазах, опомнилась и побежала в спальню. Вернулась с сердечными

каплями. «Мамочка, не волнуйся, пожалуйста, успокойся, милая. Аллах видит твои страдания. Вот видишь, теперь ты можешь навестить Пачевых на родине. Лену послал нам Всевышний».

«Таго, дорогая, я спою тебе “Гуащэмахуэ”», – предложила я. Глаза Таго засверкали молодым огоньком. «Я давно ждала этой минуты. Пусть будут благословенны помыслы твои, ноги и деяния. Пусть талант, данный тебе Аллахом, служит веками народу адыгскому», – пожелала она мне.

Песня прозвучала, а она, зачарованная, унесенная песней на далекую родину, сидела задумчиво и неподвижно. Очнувшись, она зааплодировала мне и попросила спеть еще. Я исполнила народную песню «Адиюх», спела песню Индриса Кажарова «Рамазан».

Из последующего разговора я узнала, что семья Таго уходила в Турцию из селения Дугулубгей. Об отце ее, Нахо, я была уже наслышана в Иордании. Это был почтенный человек. Обустроились они в Сирии на Голанских высотах.

На прощание Таго попросила низко поклониться родной земле.

АММАН

Неужели это сон? Нет, это не сон. Тысяча девятьсот восемьдесят седьмой год... С Мухажиром Пшихачевым лечу в Иорданию, в Амман. Нам предстоят интересные встречи и концерты перед соотечественниками.

В душе безмерная благодарность к Гани Нахушу, который отснял на видеопленку наших ведущих певцов, и выбор пал на меня.

И вот небольшой, очень уютный аэропорт в Аммане. Воздух здесь напоен какими-то доселе незнакомыми мне ароматами.

Особый запах арабского кофе разлит по солнечным улицам.

В аэропорту нас встречают члены адыгской хасы Гани Нахуш с супругой Наджуа, тхамада хасы Мансур Кардан, генерал Фуаз Бирмамит, Халиль Собар (ЩэбэрыкIуэ), Хашим Талостан, Шихада Абыда, Гани Дзугана, Надия Хунагу, Башир Абеюко, Нихат Берзедж, генерал Аниуар-паша, Самиха Шафакуж и многие другие.

Весть о том, что мы уже в Аммане, облетела все пригороды столицы. Из Уадисира, Русейфы, Суелаха, Джараша и Зарки потянулись к нам черкесы, чтобы поприветствовать, узнать: как там их сородичам, на далекой родине?

Устроили нас в уютном отеле «Сан-Рок». По выработавшейся уже за многие годы привычке я проснулась в пять часов утра.

В голове пронеслась мысль о том, что надо подоить корову, покормить птицу, но, открыв глаза, увидела уютную спаленку гостиницы. Призыв к намазу, который доносился из мечети, вернул меня к действительности.

Я встала и пошла к окну. Амман просыпался. На улице стал появляться торговый люд.

Напротив отеля строили дом. Он был отстроен только наполовину, а ворота и даже фонари у входа, а также подъезд к дому были уже готовы. Дом воздвигали вручную. Нигде не валялся мусор – все тут же убиралось.

В одиннадцать часов нас принимают в адыгской школе. Я с нетерпением ждала встречи с детьми. К завтраку подъехал Гани Нахуш, Фуаз Бирмамит, Халиль Собар, Хашим Талостан, Шихада Абида, Башир Абеюко, Бехаудин Хабыла и Нихат Берзедж.

Мы стараемся растянуть завтрак. Хочется побольше пообщаться, и время, в общем, позволяет. Разговоры все о родине. В беседу вступает степенный рассудительный красавец-черкес – генерал Фуаз Бирмамит. Он вспомнил, как мальчишкой подслушал рассказ своего отца в кругу друзей: «Неужто родина потеряна для нас навсегда? Помните, как красив был наш Ошхамахо в лучах утреннего солнца? А тучные стада коров, быков, табуны лошадей, отары овец, а леса, в которых мы охотились? Вкус родниковой воды до сих пор у меня на устах. Я видел слезы, – продолжал свой рассказ генерал, – слезы мужчин, сильных и гордых, надломленных, но не сломленных судьбой. И капали их горючие слезы на догорающие угли костра. И казалось мне, что эти слезы – горячее этих углей».

Незаметно прошло за беседой время, и Нихат Берзедж повез нас с Мухажиром в школу. Она стояла на высокой горе. Отсюда весь Амман был – как на ладони. Школа была выстроена на сбережения адыгов. Большие вклады внесли Халиль Собар, Фуаз Бирмамит, братья Аднан, Ибрагим и Бурхан Нагой (Дудуевы). Все помогли, чем могли.

Кстати, заговорила я о строительстве и вспомнила забавный случай. Говорят, в одну из первых делегаций из нашей республики в Иорданию была включена представительница искусства.

Увидев трехэтажный дом, принадлежащий черкесу, проживающему в Аммане, она не сдержалась и воскликнула: «Вот это да, вот это дом! Вот уж хозяин наворовал у государства!» Советский человек иначе мыслить не мог.

В становлении школы активнейшее участие принимали и члены женской хасы Асмат Вароко, Надия Хунагу и другие.

Надия была в составе делегации, побывавшей в Нальчике в 1985 году. Никогда не забуду ее реакцию на песню «Дорога в Стамбул». Как она сопереживала ей! Как будто прошла через все это сама. На глазах ее сверкали бусинки слез.

Итак, мы с Мухажиром в сопровождении Надии и Нихата осмотрели школу. Все вызывало восхищение: светлые уютные классы, прекрасная мебель, предусмотрены даже комнаты с горячей и холод-

ной водой для омовения перед намазом. Во дворе – шесть автобусов. Оказывается, по утрам детей собирают по пригородам и Амману и привозят в школу.

Сердце мое переполняла радость. Как чудесно, что, живя вдали от исконной родины, на чужбине, черкесы смогли создать своим детям такие условия.

Король Хусейн бен-Талал относится к черкесам уважительно, а принцесса Алия – его дочь, держит шефство над адыгской школой. Она посещает все мероприятия, проводимые здесь.

Обязательно присутствует на выпускных вечерах. Кстати, на выпускной вечер юноши и девушки шьют себе адыгские костюмы.

Надия представила Мухажира и меня семиклассникам. Ученики встали и дружно поприветствовали нас по-адыгски. Надия предложила им исполнить для нас песню. Дети встали и запели «Дорогу в Стамбул». Они чувствовали, о чем поют, переживая события далеких лет, переживая ту боль, которую вынесли их предки. Я была поражена...

Внезапно слезы хлынули из моих глаз. Я уже не могла взять себя в руки. С тех пор я эту вещь исполняю иначе. Каждый раз, когда я пою «Дорогу в Стамбул», перед моим взором возникают эти дети. Они – третье или четвертое поколение мухаджиров, а сколько тоски по родине предков увидела я в их глазах! Запомнилось милое личико Берзеджа Чагаду, его глаза, наполненные слезами. Сейчас он – первый друг принца Али, сопровождал его в поездках по КБР, КЧР и Адыгее в 1996 году. Брат его сейчас живет здесь, он футболист, играет в «Спартаке». Его знают многие – это Бейбарс Чагаду.

В тот день противоречивые мысли и чувства переполняли меня: горечь – от того, что мой народ рассеян по всему свету, и гордость – потому что он сумел не только выжить, но и сберег свой язык и культуру.

ЧЕРКЕСЫ В АНАХАЙМЕ

Легкокрылый комфортабельный «Боинг-747» несет нас к нашим соотечественникам, проживающим в США. Путь далекий.

В Нью-Йорке предстоит пересадка на Лос-Анджелес. Нас пятеро: журналист Мухамед Хафицэ с супругой Розой, Чапай Муратов – драматический актер из Адыгеи, Мухамед Макоев и я.

Впервые я летела в таком самолете. В носовой части отсек на десять человек – салон первого класса. Кресла расположены друг от друга на таком расстоянии, что можно свободно выдвинуть нижнюю часть, и получается удобное ложе. Над креслом – мягкие подушки и покрывала. Во время полета демонстрируют видеофильмы, предлагают большой выбор блюд, вообще, обслуживание на самом высоком уровне.

Утром мы будем на месте. Страха от полета не ощущаю никакого. Сплю сладко.

Вот мы и в Нью-Йорке. Здесь нас встречают родные Самира и помогают нам с пересадкой на Лос-Анджелес. Чем ближе к Лос-Анджелесу, тем больше волнение. Что-то нас ждет впереди?

Наши друзья в черкесках, с букетами цветов и с красочными транспарантами, на которых было написано по-кабардински «Добро пожаловать в Калифорнию!», ожидали нас. Здесь же, в аэропорту, устроили адыгэ джэгу. Было много молодежи. Вокруг толпились любопытные: всем хотелось узнать, что за делегацию здесь так пышно встречают. Кортеж машин неторопливо направился к городу Анахайму. Там предстояло нам провести целый месяц среди своих друзей и родственников.

Самым большим сюрпризом оказалась встреча с Аднаном.

Да, тот самый Аднан Хашацук, которого мы как-то принимали в Кабардино-Балкарии. Увидев его, я очень обрадовалась. Так нас стало шестеро гостей. Аднан прилетел из Германии, как шутя говорил он сам, потому что уже не мог без песни «Асланбек» Нихата Османова и Бориса Утижева. И где бы мы ни собирались, я пела для него, а он с удовольствием подпевал и пытался подыграть на маленькой ионике.

Аднан веселый, общительный человек. Будучи пенсионером, он почти все время путешествует – то он в Аммане, то он в Египте, то он в Америке.

Итак, мы ехали в Анахайм. Ночной Лос-Анджелес утопал в зелени и цветах, освещенных ярким неоновым светом реклам. Город сверкал, как яркий изумруд.

Как я потом заметила, в Анахайме дома в основном невысокие, преимущественно деревянные, на случай частых в Калифорнии землетрясений.

Гостеприимный дом Мухамед-Гида был полон гостей. Во дворе толпилась в ожидании молодежь. Сердце мое переполняла радость. Мы уже со своими сородичами! В основном здесь проживают черкесы, согнанные с Голанских высот. Тринадцатичасовой перелет не сказался на нас. До утра неутомимый Макоев играл, а я пела! Пел и Чапай Муратов. А впереди еще целый месяц. Месяц общения с друзьями, родными. Новые знакомства и интересные поездки по США.

МУХАМЕД-ХАН АТАЛИКОВ

Мы готовимся к предстоящему концерту, ежедневно репетируем.

Огромное удовольствие нам с Мухамедом доставляет общение с Иналом Кешоко. Он прекрасный музыкант. Коллекционирует пластинки с записями адыгских песен и знает огромное количество текстов и мелодий.

Повсюду нас сопровождают Инал Наиф, Хамуди Собар, Мухамед Хуаж, Инал Нагуар.

Особое внимание заслуживает Мухамед-Хан Аталиков, один из первых пригласивших нас в гости. Когда-то, совсем молодым, он покинул родину. В Америке он работал танцором в ресторане – исполнял национальные танцы. Посетители осаждали это заведение, чтобы увидеть экзотического танцора. Вскоре он разбогател и выкупил ресторан.

Мухамед-Хан очень много внимания уделял адыгской молодежи. Благодаря его неустанному труду адыги не потеряли свой фольклор. Его преемником сейчас является Инал Нагуар. Он успешно продолжает дело Мухамед-Хана.

Целый вечер мы провели в доме Аталикова. Тихо звучит адыгская музыка. Мы мирно беседуем. Пригласил он и своих друзей.

По просьбе хозяина я пою одну из своих любимых песен – «Рамазан». Теперь на каждом концерте, когда у себя на родине я исполняю эту песню, я и по сей день мысленным взором вижу Мухамед-Хана, его благодарные глаза, переполненные горькими слезами. В них – тоска по отчизне, воспоминания об ужасной трагедии, которая постигла его во время визита в бывший Советский Союз...

В те годы дальше Кисловодска наших соотечественников не пускали. Родственник Мухамед-Хана спешил на долгожданную встречу и пригласил в поездку известного танцора и балетмейстера Хашира Дашуева, но у Хашира должен был состояться концерт, и он пообещал подъехать попозже. Однако не суждено было им больше свидеться. Брат Мухамед-Хана погиб в автомобильной катастрофе по дороге в Кисловодск. А Хашира Хакяшевича судьба сберегла. Он объездил много стран с концертами знаменитой тогда «Нальчанки». В народе Дашуева называли «Князь Серебряный». Я очень любила его и боготворила, ведь он был не только моим наставником, но и близким родственником.

Его мама, урожденная Зулихан Ашабокова, являлась сестрой моего отца. Говорят, что я похожа на нее, чем я очень горжусь.

Рамазан, Рамазан...

Гостеприимный дом Аталикова мы покинули далеко за полночь.

ПЕРЕМИРИЕ

Сегодня у Чапая Муратова день рождения. Мои добрые кунаки накрыли стол в честь этого торжества. Все уселись за стол, а Шариф и Лямис задерживались. Решив, что Лямис надо помочь принести очередное блюдо, я направилась в столовую.

«Папа, просто у них там, в Руссии, так принято»,– услышала я голос Лямис. «Я ничего не имею против, дорогая, но за стол, на котором

будет выпивка, я не сяду. Ты хорошо знаешь, что в нашем доме никогда не пьют. Я глубоко верующий человек. Пожалуйста, поставь любые напитки, какие считаешь нужными, а от моего имени просто извинись: скажи, что я неважно себя чувствую». Я быстро ретировалась в зал, как будто меня и не было возле столовой.

Лямис принесла шампанское, виски, и, слегка смущаясь, сказала, что папа неважно себя чувствует.

Мы поздравили Муратова с днем рождения и разбежались по неотложным делам, ведь на следующий день мы отправлялись на родину. К пяти часам вечера нас ждали в доме Ламган Чагаду. Оттуда мы должны были вернуться на «Адыгэ фIыщIэ хасэ». Соберутся все адыги, которые захотят пожелать нам счастливого пути.

Еще в день нашего приезда я заметила, что произошел какой-то раскол между адыгами, проживающими в городе Нью-Йорк и штате Нью-Джерси. Камнем преткновения стало строительство мечети и «Адыгэ фIыщIэ хасэ». В то время тамадой хасы являлся Губед Моламуса, старший брат Шарифа. Губед и его сподвижники были за строительство мечети и Дома адыгской хасы, своеобразного адыгского культурного центра.

Ламган Чагаду, Яхья Казан и их приверженцы считали, что не стоит выбрасывать столько денег на это дело. «В конце концов, – говорили они, – ведь мы здесь временно и не следует адыгам влазить в кредиты и растрачиваться попусту».

Но, несмотря на раскол, строительство завершилось.

Прощальный ужин начался. Яхья Казан поздравил с днем рождения Чапая Муратова, вручив ему памятный подарок от присутствующих. Все шло замечательно. Было много вопросов о родине. Много пели, танцевали, а я все переживала, что горсточка адыгов, проживающих здесь, раскололась. «Как же примирить их друг с другом? Ведь так не должно продолжаться», – думала я.

Тут мне дали слово и я, неожиданно для себя, вдруг сказала: «Если все, что вы говорили здесь, правда, и вы готовы и впрямь ради своего народа на жертвы и, как вы говорите, любое мое желание готовы выполнить, я призываю вас сейчас же собраться и поехать вместе с нами на хасу. Там сейчас все остальные адыги ждут нас, чтобы пожелать нам счастливого пути».

Все молча устремили свои взгляды на Яхью Казана. Яхья встал и, зардевшись, сказал: «Лина-гуащэ, твое слово для нас закон. Мы за тобой не то что на хасу, в ад пойдем, если понадобится».

Целый кортеж машин направился к хасе. Все адыги высыпали нам навстречу. Почтенный эфенди и Губед Моламуса пригласили нас пройти в здание. Эфенди, дождавшись, когда все успокоятся, сказал: «Ну что же, дорогие гости простят нас. Когда у плешивого упадет головной убор и

обнажится его голова, стесняться уже нечего. Губед и Яхья, – обратился он к главам расколовшихся групп. – Выскажите друг другу свои претензии и больше не будем возвращаться к этому вопросу. Да пребудем мы в мире и дружбе!»

Меня уже не волновало все остальное. Главное, что лед тронулся.

Не знаю, как сложатся отношения между двумя группами адыгов, которые много лет не находили общего языка, но уверена в одном: противостояния между ними уже не будет, «Адыгэ фIыщIэ хасэ» и мечеть станут общим адыгским домом.

И настанут времена, когда проживающие там черкесы будут ездить в свой Общий Дом, чтобы вспомнить, как они по воле судьбы обживали эту землю много лет назад.

Противостояние завершилось. Они пожали друг другу руки.

Я была счастлива. Уже четыре утра. Мухамед Макоев заиграл, и начался джэгу. Долго мы еще пели и танцевали.

Долго еще глаза Мажды Хабжоко, Самихи Мамхаг, Надии Кешоко, Лямис Моламуса, Лидии Курман, Сугад Натхо будут стоять перед моим взором...

ДЖАРАШ

Гани сообщил нам, что завтра Бехаудин Хабыла с супругой сопровождают нас в Джараш. Я была уже немало наслышана об этой местности и поэтому несказанно обрадовалась.

«Как здорово, – подумала я. – Завтра мы соприкоснемся с древнейшей цивилизацией».

Мне вспомнилось, как в один из вечеров нам с Мухажиром Бехаудин и его жена Бадрия устроили пышный прием. Мир и спокойствие царили в их доме.

После ужина, как всегда, нам предложили пройти в другую комнату, где подали фрукты, позже – традиционный кофе.

Начались расспросы о родных. Бехаудин родом из селения Нартан, а я хорошо знакома с его родственниками и могла подробно рассказать о них. Мысленно Бехаудин был уже на родине, я видела, как он долго смотрел вдаль, взор его был неподвижен.

Потом он очнулся, как после желанного сна, и стал благодарить меня. Бехаудин – добрейший человек. Он принимает активное участие во всех мероприятиях, которые проводят адыги в Аммане.

Бадрия, урожденная Дудуева, подробно расспрашивала о своих родных. Связи у них налажены, и она всех их знает и скучает по ним. Ее близким родственником является широко известный в республике Владимир Зарамукович Дудуев. Длительное время он занимал пост

председателя горисполкома г. Нальчика, позже был председателем комитета Гостелерадио.

Бадрия плакала, когда я ей рассказывала о родственниках.

Говорила, что ее заветная мечта – хотя бы разок еще свидеться с родными.

Надо было как-то разрядить обстановку, и я обратилась к Мухажиру с просьбой сыграть. Чтобы не было резкого контраста, я начала с «ИстамбылакIуэ». В зале, кроме членов семьи, присутствовали родственники этой чудесной четы. Под шумные аплодисменты я много пела. Потом Мухажир заиграл соло. Мухажир – виртуоз! Танцевали все. Особенно все оживились, когда вышли танцевать Май и Мухамед – дети Бехаудина и Бадрии.

«Как здорово, – думала я. – Раз дети так танцуют, не затеряются адыги среди арабов. Молодцы черкесы, все лучшее, что есть у этого народа, они впитывают в себя, не забывая своего языка, танцев, традиций». Это был незабываемый вечер!

Так вот, эта чудесная пара сопровождала нас в Джараш.

Мы были уже как родные. Дорога туда оказалась не такой уж утомительной, как описывали ее нам провожающие, а их собралось очень много. Гид, который нас встретил в Джараше, оказался родственником Бадрии. Ахмед, так его звали, повел нас по заветным местам.

Настала пора рассказать то малое, что я знаю о первых шагах черкесов, проживающих в Аммане. Но прежде немного истории.

От древних римлян остались впечатляющие архитектурные сооружения. Поражают своими размерами и красотой дворцы с многочисленными бассейнами. Главную улицу в Джараше обрамляют стройные колонны. В каждой колонне выемка для фонаря. Таким образом, с наступлением темноты эти фонари освещали все вокруг.

Хорошо сохранилась торговая площадь, она вымощена обтесанными мраморными плитами, а вокруг стоят колонны, которые сверху соединены перекладинами.

Со временем римлян вытеснили арабы. Но внезапно на город обрушилось землетрясение. Джараш был погребен. Оставшиеся в живых арабы, глубоко верующие в Аллаха, приняли случившееся как кару божью. «Аллах наказал нас за то, что позарились мы на чужой труд. Потом и кровью рабов было воздвигнуто все то, чем хотели пользоваться мы, – решили они. – Хоть земля и наша, все остальное принадлежало не нам». И ушли арабы с этой земли, дав слово перед богом никогда не возвращаться на эту проклятую Аллахом землю.

Прошли столетия. Черкесы, утомленные столетней беспрерывной войной, покидали Родину. А в Турции обещали им райскую жизнь. По прибытии туда многих ожидало разочарование.

В поисках лучших земель часть черкесов прибыла в Джараш и его окрестности.

Началась новая жизнь. Черкесы строились. Занимались земледелием. В те времена природа была щедрой: полноводная река, обилие леса. Ныне этой реки уже нет (речь идет о старом Аммане). Теперь по ее руслу вымощена улица, которая является торговым центром.

«Суг» – так называют эти места арабы и черкесы. А улица эта называлась Мухаджирин, потому что ее населяли только мухаджиры-переселенцы.

Земли было хоть отбавляй, каждый занимал сотни гектаров, выращивая пшеницу, кукурузу и бахчевые культуры.

Наступала пора подумать черкесам о своем статусе. Ведь рано или поздно о своих правах заявили бы хозяева этих мест, и мудрые старейшины на хасе вынесли решение избрать себе короля. Выбор пал на деда нынешнего короля Хусейна, принца Абдаллаха. В те времена он являлся одним из ученейших мужей.

Поговаривали, что род их ведет свое происхождение от пророка Мухамеда. Проживал он тогда в столице Египта Каире и немало был наслышан о черкесах-мамлюках, которые удерживали здесь власть в течение 135 лет.

Депутацию черкесов он принял с удовольствием. Переговоры состоялись. И черкесы стали готовиться к приему. В то время у них была своя конная армия в три тысячи сабель.

Принц Абдаллах был покорен пышным приемом, который оказали ему черкесы. В его честь организовали скачки, перед ним прошла конная армия. Адыгэ джэгу и пир со множеством адыгских блюд поразили его. Так образовалось Хашимитское Королевство. Как я выше упоминала, корни этого рода уходят в глубь веков. От их фамилии – Ха́шими и произошло название Хашимитское королевство.

Отсюда идет трепетное, особое, отношение королей к черкесам.

Телохранители этих королей до сих пор черкесы, а в Кабинете министров несколько черкесов являются министрами.

Так начинался переломный период в жизни мухаджиров, проживающих в Аммане.

Вернусь к Джарашу. Большая группа адыгов поселилась и здесь. При строительстве жилищ местные жители использовали мраморные плиты и части колонн древнеримской эпохи. Вскоре правительство Иордании обратило внимание на историческую значимость Джараша и объявило эту зону неприкосновенной.

Теперь Джараш стал музеем под открытым небом. Паломники со всего арабского мира едут сюда, чтобы познакомиться с древней цивилизацией.

Так чета Хабыла дала нам возможность соприкоснуться с удивительной историей многих народов, а самое главное – с историей черкесов.

ТЕТРАДЬ УАСФИ-МИРЗЫ

Я готовилась к отъезду, укладывала свои вещи и памятные сувениры в чемоданы. Одна из самых дорогих вещей – Коран.

Естественно, я не читаю по-арабски, но зато отец будет очень рад. Он обучался арабскому в медресе. Сказать, что он глубоко религиозен, я не могу. Но его главными ценностями в жизни были честность и добродетельность. Где бы он ни работал, он был примером ответственного отношения к делу, за которое отвечал.

Помню, как в детстве я стала невольным свидетелем разговора между моими родителями. Видимо, они думали, что я уже сплю, а я перед сном любила помечтать и, как всегда, в мечтах была уже далеко от нашей с сестренкой спаленки, которую отделяла от спальни родителей тонкая перегородка. Мы тогда жили на фанерном заводе в финском домике. «Не умеешь ты жить, Халид, – укоряла его мама. – Посмотри, как живут соседи. Исмел уже выстроил дом в Вольном Ауле, Лялюша построил дом в Нарткале, а ведь весь стройматериал идет с завода. Ты же не принесешь оттуда даже и одного штакетника». – «Знаешь, Жангуаша, – отвечал папа, – таков уж я от рождения. Никогда и спичинки, заработанной не моим трудом, не будет в нашем доме». – «Ну, так и будем коротать свою жизнь в этом финском домике», – вздохнула мама.

Может быть, мое признание покажется банальным. Я своего отца люблю безумно. Я никогда не забуду тех долгих зимних ночей, когда мы, его дети, как маленькие котята, прижавшись к нему, слушали его сказки. Иногда рассвет заставал нас за слушанием сказок, героями которых в своих грезах мы видели себя. Он был человеком большой внутренней культуры, которая дается от рождения.

«Хорошо бы в Москве, на таможне, у меня не отобрали Коран», – подумала я.

Мои размышления прервал телефонный звонок. На другом конце провода послышался незнакомый мужской голос: «Алло, Лина, извини, что до сих пор не оказывал тебе никаких знаков внимания. Я вчера послушал твое пение в спортклубе. То, что я услышал, превзошло мои ожидания. Тебя беспокоит Уасфи Мирза. Если ты не против, я приехал бы к тебе на полчасика». – «Я жду вас внизу, в холле», – ответила я и положила трубку.

Придется разбудить Гани, ведь он предупредил нас ни с кем не встречаться без него. Завтра уже месяц, как он повсюду сопровождает

нас. Я набрала номер телефона Гани. «Ко мне приедет Уасфи Мирза», – сообщила я. «Я подъеду, – ответил он. – Будь с ним осторожна».

«Кто же этот таинственный незнакомец, который изъявил желание видеть меня накануне отъезда? – гадала я. – Может, агент иорданской контрразведки? Надо быть с ним поосторожней. Тем более, Гани тоже обеспокоен».

Переодевшись, я сидела в ожидании звонка. Уасфи Мирза, как и говорил, был ровно через тридцать минут. «Пунктуален этот человек, как немец», – подумала я, спускаясь по лестнице. Навстречу мне поднялся мужчина почтенного возраста. Был он среднего роста, с очень проницательными умными глазами.

Уасфи протянул мне руку. В отличие от европейских правил этикета, где дама первая для приветствия протягивает руку, на Востоке принято наоборот. Дело в том, что если мужчина совершил хадж, то он вообще не должен прикасаться к чужой женщине, так как при этом могут возникнуть вожделенные желания.

Уасфи Мирза пригласил меня присесть и заказал кофе. Завязалась беседа. Я очень осторожно отвечала на его вопросы, памятуя о наставлениях Гани. Когда он спросил меня: «А правда ли, что в России, у «красных», заведено сдавать в эксплуатацию жилища, не готовые к проживанию, а еще, говорят, что там невозможно выбиться на руководящий пост, не имея партбилета?»

Я отвечала, что дома у нас строятся совершенно готовыми к проживанию. Ведь так и было. Это сейчас сдают голые стены, оставляя за хозяевами право штукатурить стены, застилать полы и клеить обои.

На второй вопрос я тоже ответила отрицательно, хотя сама впервые в жизни задумалась над тем, что это действительно так, что в партию не так-то просто попасть, а беспартийному, действительно, продвижение по служебной лестнице ограничено.

Беседа затягивалась, а Гани все не было. Мой проницательный собеседник, видимо, заметил мое напряжение и засобирался.

«Несказанно был рад нашему знакомству, дорогая Лина, – сказал он. – В знак моей признательности я хотел бы преподнести вам книгу. Это записи моего отца, на турецком языке, о переселении черкесов».

Минуту я колебалась, а потом решила, что без разрешения Гани я не могу принять от него подарок. И сказала, что не стоит себя утруждать, что рано утром мы уже вылетаем, и я не хочу доставлять ему лишние хлопоты. Так мы расстались.

Гани подъехал буквально минут через десять после отъезда Уасфи Мирзы. Услышав мой рассказ, он засуетился. «Лина, ты не представляешь себе, какой шанс ты упустила! Ведь за эти записи наши ребята когда-то предлагали ему баснословную сумму, но он им отказал. Пожалуйста, Лина, позвони ему. Еще есть время, – попросил он. – Ведь это подлин-

ная история переселения черкесов в Турцию. Это наша история», – сокрушался Гани.

Спустя час я позвонила Уасфи Мирзе. Телефон не отвечал.

Утром я сделала еще один звонок, но тщетно. Телефон молчал.

Вскоре в гостиницу стали прибывать провожающие, и мне уже было не до Уасфи Мирзы...

Спустя три года, когда я по приглашению женской адыгской хасы вновь прибыла в Амман, первый человек, о котором спросила, был Уасфи Мирза. Мне с прискорбием сообщили, что днем раньше Уасфи Мирзу похоронили. От неожиданности я опешила. «О Аллах, все потеряно, все потеряно», – подумала я про себя.

Говорили, что Уасфи Мирза умер в нищете. Супруга его скончалась еще раньше, а сын развелся с дочерью короля Хусейна, чем привел в негодование всех черкесов.

Побаивались, что король станет хуже относиться к многочисленной адыгской диаспоре, проживающей в Иордании, но этого, к счастью, не случилось.

В своих поездках я заметила, что спокойнее черкесов, живущих в Иордании, нет никого.

От брака сына Уасфи Мирзы и принцессы родился сын. Радует, что растет принц, в жилах которого течет черкесская кровь.

Говорят, король очень любит своего внука.

Уасфи Мирза при жизни занимал министерский пост, был членом Сената. Обладал большим умом. Правда, держался он несколько особняком от своих соплеменников. Я и по сей день сожалею, что не воспользовалась уникальным случаем получить бесценную книгу.

Лилия КИБИШЕВА

О себе

В 1978 году окончила Литературный институт имени А. М. Горького в Москве. Много лет работала корреспондентом газеты «Ленин гъуэгу», затем – «Адыгэ псалъэ».

Выпустила три книги: «Белая гора», «Прости меня», «Над Баксанским ущельем туман».

ПОЛВЕКА ЗАБВЕНИЯ

Рассказ

Никто не знает, сколько лет она пребывала здесь. Каждое утро, с рассветом, встает, надевает старый халатик и бежит к окну, выходящему на дорогу. Но только никто к ней не приходит. И лишь ворона каждый раз, будто кланяясь ей, сидит на ветке.

– Только тебе одной я нужна, остальные где? Я им не нужна?

А когда-то любили.

Вытирая слезы, девушка разговаривала с вороной. По деревьям она определяла время года. Горько плакала, когда снег заметал весь двор. Оставалось каждое утро выглядывать в окно.

С наступлением весны от радости хлопала в ладошки с надеждой, что, наконец, её найдут.

– Кому ты нужна, ненормальная, никого у тебя нет, дурочка! – кричала на неё одна из воспитателей, оттаскивая от окна.

Для чего такое жестокое обращение, и сама не понимала. Обозвав дурочкой, усадила на стул. Сидит девочка, перемешивая остывший суп, и горько плачет.

– Почему не кушаешь, дурочка, и это не нравится?

Девочка взяла тарелку и встала. Все в ожидании, что же она сделает? Может, она хотела вылить суп на другого, но вылила на свои волосы.

– Пошли, пошли, дурочка, давно ты там не сидела, – тащит девочку за шиворот.

– Не надо, я туда больше не хочу, буду слушаться, всё буду есть, – плачет девочка, умоляя отпустить.

– Что случилось? – подходит начальник с двумя сотрудницами.

– Кушать не хочет. Ей всё не нравится, – ругается воспитатель.

– Буду кушать. Всё буду кушать. Пожалуйста, только не отправляйте туда, там холодно, и мыши там, – умоляет девочка.

– Хорошо, хорошо, никто никуда тебя не отправляет, садись кушай, – говорит начальник.

– Всё буду кушать, всё, всё буду. Если даже не нравится, буду кушать, – плачет девочка и ест взахлёб. Такое чувство, что она несколько дней не ела.

После разговора с начальником воспитатель стала к ней чуть ласковее.

Однако дурочкой всё равно обзывала.

Девочка запомнила, в какое время по утрам вывозили мусор. А вот как незаметно подойти к телеге – не понимала. За ними так следили, что муха не пролетит. Однако она умудрилась тайком выйти во двор. Подкралась к телеге и спряталась в мусоре.

Когда старый возчик начал разгружать мусор, услышал стон. Сначала подумал, что девочка мёртвая. А она с трудом открыла глаза и проговорила: «Хочу к маме».

– Ты посмотри, откуда ты взялась! – возчик осторожно поднимает её.

– Пожалуйста, отведи меня домой, – тяжело шепчет девочка.

– Все понятно, девочка моя. Что бы мне ни стоило, отвёл бы, но куда?!

Ответа на этот вопрос у девочки не было.

– У меня же есть айран. Забыл от испуга, – достаёт бутылку. – На, выпей, лучше станет, а то надышалась вонью.

Не успел он поднять голову девочки, как подлетел всадник и ударил его кнутом.

– Почему украл её, нельзя их выводить! – разъяренный всадник хотел его ударить снова, но возчик, схватив за кнут, сбросил его с коня.

– Я ни в чем не виноват. Я что, в мусоре должен копаться?! Это ребёнок, ладно бы взрослый... Что с неё взять? Странно, что жива, такой вони надышалась.

Всадник немного успокоился.

– Ты понимаешь, столько проблем у тебя может быть из-за неё? Это маленькая змея. Говорят, она мать свою убила ножницами!

– Говорить можно много. Если бы всё, что говорили, было правдой, земля перевернулась бы. Не поверю, что она на такое способна.

– Она же не просто так в психушке оказалась.

– Я был на войне, многое повидал и меня ничем не удивить. Знаю, что можно ожидать от врага. Ты, наверное, всему верил и отвечал на телефонные звонки. Как упитанный бык.

– Не воевал, но и без дела не сидел. Дай я отвезу.

– Я привёз и обратно отвезу сам.

Пока мужчины спорили, девочка, собравшись с силами, побежала. Спотыкалась и падая, скрылась за деревьями.

– Куда она могла, откуда у нее силы?

– Вот и попали, – забыв о споре, переживали мужчины.

– Знали бы хоть имя, как теперь искать?!

– Да, найдешь её. Сидит и выжидает.

– Если не найдём, звери её разорвут на куски. И куда идти, она не знает.

– Да ну ее к чёрту, лишь бы нам не попало из-за неё.

– Почему у тебя сердце такое мелкое?

– Ты не понимаешь, что нас ждёт. Я в курсе, поэтому сильно переживаю.

– Бедный ребёночек. Господи, помоги!

– Пропади она пропадом. Давай глубже зайдём в лес.

– Не проклинай. Хватит на её бедную голову, взрослый бы не вынес. Мы тоже виноваты.

Вдруг девочка выходит из-за кустов.

– Ты посмотри, мы тут из-за неё… – хочет ударить девочку один.

– Перестань, парень, радуйся, что нашли. Сама же вернулась, – радуется другой, обнимая девочку.

– Меня медведи бы съели?!

– Да, моя девочка. Ты должна жить. Не переживай. Жизнь не стоит на месте, у тебя всё будет хорошо, – возчик не смог сдержать слезы.

– Правда же? Мама меня найдёт, правда же?

– Правда, правда, девочка, и не сомневайся. Где твоё село?

– Не знаю.

– Имя матери не помнишь?

– Не помню. Я мамой её называла. Я давно здесь нахожусь.

– Задавать ей такие вопросы никто не имеет права, во-вторых, мы задержались, и нас может искать милиция.

– Хорошо, давайте вернёмся. Меня мама найдет, верно, обязательно найдет! Ты же в это веришь? – обнимает старика-возчика и плачет. Потом вытирает слезы и обещает не плакать: – Так же лучше?

– Лучше, лучше, девочка моя. Не плачь никогда. Я бы тебя забрал, но не отдадут мне.

– Нет, не хочу. Я маму буду ждать. Она такая хорошая мама. Мне когда-то показали, что она моя мама, но это была не она. «Это не моя мама», – плакала я, даже руку укусила.

– Не переживай, мама обязательно тебя найдёт. Посмотришь, найдёт!

– Я тоже жду. Всегда жду.

В скором времени возчика уволили.

Так прошло её тяжелое детство, полное унижений и оскорблений. Став девушкой, она редко слышала своё имя. Но и к этому она привыкла.

Амина стала красавицей.

К удивлению, в ней сохранилось чувство собственного достоинства. Может, слово, данное когда-то возчику, помогало ей держать себя в руках. Когда ей хотелось плакать, собиралась с силами и поднимала себе настроение как могла. Оставаясь в здравом рассудке, старалась противостоять всем трудностям. Ни перед чем не отступала. А по ночам старалась вспомнить семью, родителей, но ничего не получалось. Нет, неправда, не могла я убить свою мать ножницами в шею. Неправда, я не жестокая. Но как я сюда попала, кто привёл? Не может вспомнить. И никто не хочет отвечать на её вопросы. Ты не совсем дура, но наполовину дура. Не забывай. Ты можешь кого угодно убить, убила свою мать. Как же это случилось? Так это правда или нет? А если правда? Нет, неправда. Я не могла это сделать. Когда это всё в голове перемешивалось, она не знала, куда деваться, но вела себя тихо, чтобы ей не сделали укол.

Запомнив, в какое время Амина подходит к окну, парень с верхнего этажа всегда ей улыбался. Днём их выводили подышать свежим воздухом. Они не могли подходить друг к другу, но нежно поглядывали друг на друга. Бывало, украдкой могли и поговорить. Этих минут им хватало. Понимая, что встречи редкие, они наслаждались счастьем.

Почему не всем людям знакомы чувство сострадания и доброта?

Однажды ночью мальчишки решили залезть в сад за яблоками.

На лай собаки вышел здоровенный мужик с палкой. Мальчишки полезли обратно через забор. Сторож сильно ударил по голове приотставшего Мусу. Тот упал без сознания. Сторож думал, что убил его. Друзья обо всем рассказали родителям, и его забрали домой. Два-три дня он лежал без сознания. А когда пришел в себя, никого не помнил.

Все мужчины собрались во дворе Мусы судить виновного. Их-то и было немного. Большинство погибло на войне.

Виновный стоит посредине двора, опустив голову.

– К чёрту яблоки. Я же не знал, что все так обернётся, – говорит он.

– И до войны, и после голод никак тебя не коснулся, ты самый зажиточный в селе, так почему такой жадный?

– Я не такой жадный, кое-что и раздаю. На этот раз чёрт меня попутал. Всякое случается. Простите, – говорит мужчина.

– Надо ему самому разбить голову!

– Правильно. Так ему и надо.

– Заключения он не боится, упитан как бык.

– Давайте придумаем наказание вместе.

Многие говорили, что его надо прогнать из села.

В разговор вступил отец Мусы. Все замолчали.

Старший спрашивает:

– Ну что, надо его прогнать?

Все молча поглядывают друг на друга.

– Он сам всех наказывал, как теперь с ним самим быть? – спрашивает старший.

– Изгнать из села, – говорит отец Мусы. – Семью трогать не будем, она ни при чём.

Все посмотрели друг на друга, но никто не осмелился перечить.

– Хорошо, всё верно придумано, – говорит старший, и все соглашаются.

– Пожалуйста, не позорьте меня! Суд пусть выносит мне приговор. Я не думал, что всё так обернется. Простите, – умоляет всех сторож.

– Не переживай, яблокам не дадим испортиться. Загрузим в телегу, посадим тебя, и вперед!

– Очень даже легко отделался. Я бы по-другому с тобой обошёлся.

– Бог вряд ли простит.

Расходятся недовольные люди.

Виновный, поняв, что жить в селе не будет, собрал семью и уехал к родственникам жены.

Всё, что произошло с Мусой, бесследно не прошло. Отец постарел, помрачнел. Память у Мусы временами восстанавливалась, но потом снова его мучили адские боли. В такие минуты он готов был разрушить всё вокруг. Отец не выдержал всего этого и вскоре умер. Старшие сыновья ушли на фронт и сгинули, лишь один вернулся инвалидом. Вся надежда была на Мусу.

Все уговаривали мать отдать сына в психушку. Она, бедная, не соглашалась. Тогда соседи и родственники сами вызвали скорую, и его отвезли принудительно.

Каждый день мать бежала в больницу, тревожась за сына. Иногда её подвозили, а в основном шла пешком с корзиной на плечах.

Мать садилась на скамейку в ожидании, что сын подойдет к окну. Бывало, что сидела до ночи. Иногда он улыбался матери, а иногда весь сонный был. Казалось, что лекарства помогают и память восстанавливается. Он начинал расспрашивать всех, как оказался здесь. Но эти короткие минуты заканчивались воем от боли. Если бы не эти головные боли, память, наверное, восстановилась бы.

В последнее время боли его не мучили, как раньше, и он стал чуть более жизнерадостным. Что бы ни случилось, помнил, в котором часу девушка подходит к окну. Ласково с ней разговаривал.

Сотрудники больницы тоже замечали их отношения. Некоторые думали устроить им встречу, но большинство не поддерживало. Так и молодость их прошла.

Шумно течет река Чегем, выражая свое недовольство. А над берегом, как памятник, стоит хрупкая женщина. Ровно в полдень направится она в сторону леса.

Внимательно наблюдает за людьми. Кто через мост переходит, кто из лесу возвращается. Вспоминает прошлую жизнь и на миг становится счастливой.

Когда отец, а следом три сына возвращались из лесу, мать так же встречала их, радостно приветствуя.

Как жестоко обошлась со мной судьба. Подарила счастье и забрала. Четверо мужчин и доченька, и где теперь они? Никого. Опустел дом.

– Как я за тебя переживаю. Война давно закончилась. А ты… – подошла к ней Люся.

– Сколько бы времени ни прошло, сестричка, ничто не поменялось. И вчера горевала, и сегодня, и дальше так будет. Не переживай, что сойду с ума. Я уже как камень. Живу хорошими воспоминаниями. Надеялась, что всё переменится, так и жизнь прошла. Хорошее в прошлом, осталось плохое. Всё погасло, осталось в темноте, многое и не вижу. Кажется, мои среди тех, кто на мосту, а я их не вижу. Вот до чего довела меня жизнь. Часто думаю, может, недостойна была я счастья? Но понимаю, что так нельзя говорить. Вот есть ты, сестричка, разве это не счастье? Как бы я без тебя, – говорит, обнимая Люсю.

– Амина твоя как сквозь землю провалилась. Исчезла, пропала. Скорее всего, украли, а сам ребенок куда пойдёт?

– Кто украл, Люся? Своих родных прокормить не могут. Эту скамейку муж оставил на память. Скажешь, тоже неправда? Я пока не хочу кушать, садись.

Ануся и Люся садятся.

Неподалеку от них на дереве сидит ворона. Что-то настойчиво пытается им сказать.

– Опять бездельничаешь? А черная и белая окраска, как и в жизни, но не ощущаешь радости и горя. Может, так легче жить?

– Не знаю, Люся. Не думаю, что смогу ответить на этот вопрос. Если б у человека были ответы на все вопросы, было бы прекрасно, – и переключается на разговор с вороной: – Почему не находишь мою Амину? Помнишь, как спасла она тебя от кошки? Вылечила тебя.

Ворона как будто понимает, о чём говорят, и кланяется.

– Почему ты не видела, что случилось с Аминой? Может, тебе смешно, хохотушка, но мы с тобой обе несчастные. А несчастье угнетает…

– Я тоже осталась вдовой. Мы любили друг друга, и я всегда боялась его потерять. Так и случилось, – говорит Люся, вытирая слезы.

Анусе нравился Мажид, но он внимания на неё не обращал. Тайну о своих чувствах она поведала подруге.

– Он просто не знает о твоих чувствах. Встретитесь, признайся, что ни спать, ни есть не можешь, сохнешь по нему.

– Я этого не говорила.

– Я вижу это без слов.

– Нет, стыдно.

– Если голова есть, не будет высмеивать. Кому не нужна любящая жена?

– Кто вообще сказал, что всё, о чём мы мечтаем, сбывается?

Ануся все-таки призналась Мажиду. Он улыбнулся и внимательно рассмотрел девушку. Ну, очень худая. А он первый красавец на селе. Ануся стоит перед ним, опустив голову.

– Мне нравится твоя смелость. Но станешь ли ты хорошей женой?

– Обещаю подарить тебе счастье супружеской жизни, – взглянула она на парня.

И с тех пор жили счастливо. Работали в колхозе, дети подросли и стали настоящими помощниками.

Мальчики собирали в лесу ягоды и продавали на базаре в Баксане. Но этого не хватало. Очень тяжело выживала семья. А во время уборки урожая нельзя было даже зёрнышко присвоить, считай – ты пропал.

По вечерам Мажид и Ануся отдыхали на скамейке и беседовали.

– Не представляю другой жены, ты самая лучшая жена, – нежно обнимал супругу Мажид.

– Я же обещала, помнишь?

– Красавица моя, разве такое забудешь? Ты сдержала своё слово.

Между ними сидела девочка и кормила чуреком ворону. Она смотрела то на маму, то на папу. Они тоже безумно её любили.

– Посмотри, Ануся, кажется, что лес безграничный.

– Очень большой лес и к тому же красивый. Где, интересно, берёт начало река Чегем? Сколько лет она течет!

– Как правильно, Тохтамыщей или Лечинкай? Оба названия подходят. Красивее села не найти. Вот лес, допустим, накормит. А на противоположной стороне гора, очень красивая. Между ними живёт село. Это же хорошо, моя красавица? На старости лет подрастёт наша девочка. Замуж выдавать не хочется. Ты как на это смотришь?

Ануся смеется, утверждая, что рано разговаривать на такие темы. Они и представить не могли, что ничто не сбудется.

Началась война, люди забыли о голоде. В ожидании чего-то страшного все притихли. К утру муж и три сына должны были отправиться на вокзал. Всю ночь семья не спала.

– Хотели старших сыновей женить осенью, – говорит Ануся.

– Даст бог, вернемся живыми, сыграем свадьбы.

Родители, может, и не верили в то, о чем говорят. Но виду не подавали, вселяли друг в друга надежду.

– А у тебя-то возраст не подошёл. Кто решил, что должен ехать на фронт?

– Не знаю. Посмотрели и сказали, что я возраст скрываю. Ничего, куда братья, туда и я.

– Что бы мы ни говорили, беда. Будь проклят трижды, кто это всё затеял. Я буду ждать, и днём и ночью буду ждать. Дом, где нет мужчины, пыльный и холодный.

На рассвете люди собрались на вокзале. От мала до велика суетились. Искали своих родных.

Мажид с сыновьями сидел в одном вагоне.

– Береги дочку, себя береги. Не плачь, – успел сказать жене.

Младший сын, вытирая слезы, прощался с матерью.

– Не плачь, мой мальчик, не плачь. Даст бог, вернётесь.

Но никто не вернулся. Мажид умер в немецком лагере, средний погиб в разведке, младшего оклеветали и сослали в Сибирь, там и умер. Такие известия получила Ануся.

Однажды к дому Ануси подъехал «Уазик», и партийный секретарь Назир с двумя мужчинами заходит во двор. Женщина сидела за фасолью и еле встала.

– Какая слабая стала. Может, в больницу отправить, подлечиться? – говорит Назир, обнимая Анусю.

– Старость и горе ничего хорошего не приносят. Люся, у нас гости, принеси стулья. В доме душно, я лучше чувствую себя во дворе, на свежем воздухе.

Люся выносит стулья и здоровается с гостями.

– Назир, мальчик мой, вы всегда были вместе. Что случилось в тот день? Ты спасал её от змеи, не дал утонуть. Я прошу тебя, не прекращай поиски. Ищи. Хочешь, встану на колени…

Назир успокаивает женщину, обещает искать.

– Я верю, моя девочка жива. Сердце матери всё чувствует.

– Мы будем стараться, ищем и будем искать. И найдём обязательно.

– Правда, вы продолжите поиски? – вытирает слёзы мать.

– Обязательно будем искать. Кто знает, вдруг обнаружим какой-то след.

– Расскажи еще раз, как она пропала.

– В тот день я возвращался из леса. Машина сломалась. Из другой вышла Амина. Я не придал этому особого значения. Но когда машина тронулась, я спросил Амину, что за мужчина был. Она ответила, что он страшный. На следующий день Амина пропала. Я тоже верю, что она жива. Обязательно найдём.

– Как хорошо, что ты, хоть и коммунист, веришь в бога.

– Я хочу быть достойным сыном своих родителей.

– Правильно, сынок. Слава богу, вернулся живой и невредимый. Это такое счастье. Я каждую ночь вижу во сне мужа. Упрекает, что не ищу. Ищи и найдёшь, говорит. А где искать?

– Мне тоже многое снится.

– Известия о гибели сыновей и мужа, может, тоже неверны. Сколько их! Может, ошиблись. Всё жду, жду, состарилась уже. Хоть бы кого-то из них увидеть. Невыносимо тяжело. Пожалуйста, ищи мою девочку. Неужели за столько времени она не вспомнила родителей, родное село?

– Вы не поверите, где только не искал. Был в интернате для инвалидов и умалишённых много раз. Не могу найти.

– Ищи, мой мальчик, ищи, а вдруг найдётся.

Мусе стало намного лучше. Он стал спокойным и адекватным. Уже и матери показывали. Лечение давало результаты. Мать от радости рассказывала всем, что Мусу, может, скоро отпустят. Но в один день Амине стало очень плохо. Врачи не понимали, что с ней. Ей то было жарко, то холодно. Еле поднимала глаза и смотрела на врачей.

– Умирает, нет признаков жизни.

– Бедная, ни детства, ни молодости. Кто её так проклял? Говорят, совсем маленькая сюда попала.

– Может, того молодого человека привести?

– Хорошо, хорошо, приведём.

Мусу привели два сотрудника больницы. Он подошёл к больной поближе. Мокрыми от слёз руками потрогал лицо Амины. Не чувствует. Муса уходит к себе. Он отказался от укола, лежит мрачный и молчаливый.

Назир с начальником больницы заходит к Амине.

– Не думаю, что вы её ищете. У неё и фамилия, и имя другие.

– Но сколько мы ни приходили, её ни разу не видели. Можно с ней остаться наедине?

Кто мог отказать секретарю райкома партии? Все вышли из палаты, кроме начальника. Назир подсел к Амине. Он долго смотрел на неё. Вроде и похожа. Но столько времени прошло.

– Как зовут красавицу?

Услышав близкий сердцу приятный голос, она еле открыла глаза.

– В прошлом году видела во сне отца и братьев. Отец назвал меня Аминой. Я думала, они меня заберут. Но он сказал, что вернусь я к маме – она очень ждёт. Братья были грустные. А почему вы спрашиваете? Меня никто не спрашивал.

– Что помнишь из детства? Кто родители? Где жила?

– Ничего. Отца во сне увидела и вспомнила.

– А как зовут?

– Не знаю. Но точно – мой отец.

– Вспоминай. Вспоминай что-нибудь. Как это, что, всё забыла? – попросил сигарету.

– Вы же никогда не курили, – удивился начальник больницы.

– Теперь буду.

– Помнишь, где стоял твой дом?

– Гора, течёт река. Вспомнила большой мост.

Больная пришла в себя, присела.

– А как река называется?

Отрицательно качает головой.

– А помнишь, друг у тебя был?

Амина закрыла глаза.

– Иногда вспоминаю, потом куда-то всё исчезает. Посмотрите в окно. Ворона на дереве про меня не забывает, жалеет меня.

Назир выглянул в окно, и правда, ворона сидела на дереве. Он вдруг всё понял. От радости вскочил, опять сел.

– Дорогой ты мой человек, как долго я тебя ждал, как долго я тебя искал! Вспомни, вспомни имя своего друга!

– Вспомнила, вспомнила. На… На… Назир, – прошептала девушка. – Вспомнила! Значит, не дура, здесь всё врут – уткнувшись в подушку, зарыдала.

– Никто, никто не знал, где ты, красавица моя. Не переживай, всё плохое позади. Я обещаю, тебя ждёт счастливая жизнь, – Назир обнимает Амину.

– Назир, я долго тебя ждала, а потом потеряла веру. Но всё же ждала. Почему судьба так безжалостна! Я давно уже не плачу, я так решила, – говорит Амина, вытирая слёзы.

Хорошо, когда все трудности позади. Всё село радуется возвращению Амины. И все радуются счастью молодых, гуляют на свадьбе Амины и Назира.

Через какое-то время Амина вспоминает, как попала в больницу. Однажды она купала собачку в реке. И стала свидетелем, как мужчина скинул какой-то тяжелый сверток в реку.

Потом неподалёку от них остановился «Уазик». Видимо, машина сломалась. Пока шофёр возился, мужчина вышел покурить.

Амина подошла к нему и спросила: «А почему вы это скинули?»

Мужчина занервничал и сказал, что это не он.

– Не надо врать, это были вы.

– Кому-то сказала?

– Нет.

Ему обещали должность, если женится на чьей-то сестре. Но у него была жена, а разводиться коммунисты не позволили бы. И тогда решил от жены избавиться. Она сирота, искать не будут. А вскоре после новой женитьбы, не успев толком и сообразить, что к чему, был сослан в Сибирь на десять лет. Срок уже подходил к концу, но на лесоповале на него упало дерево и убило насмерть. Не успел ничего рассказать о маленькой девочке, которую отвез в психбольницу и оклеветал.

Людям стоит подумать о себе, прежде чем совершать злой поступок.

ПАМЯТИ ЛЕТЧИКА-ГЕРОЯ

В издательстве «Принт Центр» увидела свет книга «В небе войны», посвящённая ветерану Великой Отечественной войны, боевому лётчику, адыгскому писателю Измаилу Мимбулатовичу Аджиеву – человеку трудной и фантастической судьбы. Его отец – Мимбулат Алиханович Аджиев, представитель старинной дворянской фамилии – после рождении сына был вынужден переехать в Карачаево-Черкесию, в надежде обезопасить себя и семью от преследований представителей власти.

Измаил Аджиев ещё до начала войны был сотрудником Научно-исследовательского института языка и литературы в Черкесске. Его боевой путь, невзирая на лаконичность документов тех лет, поражает примерами мужества и даже дерзости нашего земляка – в военной биографии Аджиева есть случай нападения на охрану фашистского концлагеря с последующим освобождением заключённых. За годы Великой Отечественной войны им было совершено 54 успешных вылета, и им – штурманом бомбардировщика Пе-2 – было сбито два истребителя противника. Руководство страны оценило заслуги Аджиева несколькими наградами, в числе которых были и самые значимые ордена СССР, и есть весьма весомые основания полагать, что лишь дворянское происхождение лётчика не позволило ему удостоиться высшего отличия – звезды Героя Советского Союза.

Послевоенные годы Измаил Мимбулатович посвятил литературе и журналистике, находился на руководящих должностях в Прибалтике и родной Карачаево-Черкесии. Вся его жизнь являет собой образец беззаветного и неоглядного служения Родине.

Книга «В небе войны» представляет собой сборник мемуаров и документов, освещающих жизнь И. М. Аджиева в её разные периоды, она включает в себя уникальные политически и идеологически значимые материалы, десятки редчайших фотографий из частных и государственных архивов, воспоминания и свидетельства современников героя. Весь объём опубликованных материалов собран и подготовлен к печати Айшат Кучуковной Шапаровой.

Айшат ШАПАРОВА,
заведующая научным архивом
Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН

В НЕБЕ ВОЙНЫ

На долю Измаила Аджиева, как и всего его поколения, выпали тяжелые испытания – репрессии, война, трудные послевоенные годы... Тем не менее, Измаил прожил яркую жизнь, насыщенную боевыми и трудовыми подвигами, бескорыстным служением своему народу. Людям, знавшим его, он запомнился своим благородством, человеколюбием, высоконравственными поступками.

И. Аджиев родился в дворянской семье Мимбулата Алихановича Аджиева в сел. Малка КБАО в 1921 г. Мать Мимбулата Аджиева – Абезиванова Карапаго Хацуевна – уроженка сел. Абезиваново (ныне – В. Куркужин, КБР).

Мимбулат Аджиев, спасая себя и свою семью от карающего меча «тройки», был вынужден покинуть пределы Кабарды и переехать в Черкесию.

Измаил провел детство в селении своей матери, Баловой Софьи Батовны, в ауле Дударуковском (ныне аул Псыж, КЧР). В 1939 г. Измаил поступил во Второе Чкаловское военное авиационное училище, которое окончил за четыре дня до начала Великой Отечественной войны.

Сначала Аджиев готовил военных авиаторов, а затем добровольцем ушел на фронт.

...Шел 1943 год. Войска Северо-Кавказского фронта вели ожесточенные бои, чтобы овладеть Таманским полуостровом, прорвав «Голубую линию» – мощную систему немецких укреплений. Подобных линий обороны в годы Второй мировой войны существовало только три: линия Мажино во Франции, линия Маннергейма в Финляндии и «Голубая линия» на Кубани. Весной 1943 года в небе над Кубанью развернулось одно из самых крупных авиационных сражений Великой Отечественной войны. В результате тяжелых боев к лету господство в воздухе перешло к нашим военно-воздушным силам. В этих боях участвовали легендарные советские летчики. В их числе – Измаил Аджиев, который за проявленные мужество и храбрость был награжден орденом Красной Звезды.

...1944 год, 26 августа. Звено под командованием Аджиева вылетело на бомбежку танковой колонны врага. Немцы открыли зенитный огонь. Но самолеты прорвались к цели, и девять вражеских танков были выведены из строя. Самолет Аджиева был подбит зенитным огнем и вражескими истребителями. Измаил выбросился с парашютом. Раненый в ногу, он приземлился на «ничейной» полосе. С четырьмя ранениями

Измаил нашел силы, чтобы уйти от врагов. За этот бой Аджиев был награжден орденом Отечественной войны II степени.

...Май 1945 года. Ленинградский фронт. Из наградного листа И. М. Аджиева: «При выполнении боевого задания 7 мая 1945 года самолет был сбит зенитным огнем противника. Экипаж покинул самолет и на парашютах приземлился на территории, занятой немцами. Штурман Аджиев и командир экипажа Шеронов были схвачены и отправлены в лагерь для военнопленных. Услышав о капитуляции Германии, два боевых товарища не растерялись. Они организовали вокруг себя отряд из пленных в количестве 152 человек и с их помощью обезоружили охрану лагеря. Начальнику лагеря предложили сдаться. При проведении этой операции спасено 18 складов с боеприпасами, сохранено свыше 200 единиц боевой техники. Взяли лагерь под свой контроль и держали его до подхода частей Красной Армии». За смелость в тылу врага и спасение военнопленных гвардии старший лейтенант Измаил Аджиев был награжден орденом Красного Знамени.

Эти героические страницы в биографии прославленного летчика описал в повести «Третий орден» Виктор Филипенко – участник Великой Отечественной войны, журналист, писатель, друг и побратим И. Аджиева. Книга, основанная на реальных событиях, подтвержденных архивными документами, увидела свет в Нальчике в 1995 году.

После войны Измаил Аджиев окончил Ставропольский пединститут. Долгое время занимал в Литве ответственные руководящие посты. В городе Шяуляй Литовской ССР в 50-е гг. Аджиев возглавлял Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний, заведовал отделом пропаганды и агитации Шяуляйского горкома КП(б) Литвы.

Вернувшись в Черкесию, в течение продолжительного времени работал директором Карачаево-Черкесского научно-исследовательского института, а в 70-е гг. – директором книжного издательства Карачаево-Черкесской автономной области. Измаил Аджиев внес существенный вклад в развитие науки, национальных литератур и издательской деятельности в Карачаево-Черкесии.

Измаил Аджиев проявил себя и как талантливый журналист, писатель. Его фронтовые письма, печатавшиеся на страницах военных газет того времени, знаменитое письмо-обращение к землякам о сборе средств на создание эскадрильи бомбардировщиков «Красная Черкесия», опубликованное в газете «Сталинский пилот» в 1943 г. и вошедшее в летопись Великой Отечественной войны, стали, можно сказать, первыми пробами пера.

Член Союза журналистов СССР Измаил Аджиев в 1970 г. издал книгу «Гинтарас» (в переводе с литовского, которым он владел в совершенстве, – «янтарь»). В ней он собрал правдивые, наполненные оптимизмом рассказы человека, пережившего военное лихолетье, про-

чувствовавшего всем сердцем, что это за великое человеческое горе – война с ее пепелищами, огнем и смертью, героическими и трагическими событиями, через которые прошел наш многонациональный народ. Ставя своих героев в самые различные ситуации, он подчеркивал великое значение чести, особенно когда речь идет о священном для каждого человека деле – защите Отечества. Братская дружба представителей разных народов, из которых состояла воюющая армия, стала лейтмотивом его рассказов.

В литературном наследии Измаила Аджиева осталось множество неопубликованных произведений. В их числе: «Оборона Брестской крепости», «Побратимы», «Добром на добро», «Алга», «Дикий гусь» и многие другие рассказы.

Умер Измаил Аджиев 5 ноября 1981 г. в городе Черкесске.

Лишь сильному человеку удается устоять на крутых поворотах жизни, сохранить свою честь, идеалы, до конца остаться преданным своей Родине. Таких людей в нашей стране немало. И среди них – наш земляк Измаил Мимбулатович Аджиев.

Огромная работа по увековечению памяти И. Аджиева была проведена в Карачаево-Черкесской Республике Ф. К. Тазартуковой. На протяжении долгого времени она занималась сбором всех доступных материалов, касающихся его жизни и деятельности, – фотографий, личных и служебных документов, рукописей, публикаций, литературных трудов, воспоминаний о нем. Результатом этого кропотливого труда стало проведение вечера памяти Измаила Аджиева, читательской конференции по его книге «Гинтарас» в 2007 году в педагогическом колледже Карачаево-Черкесии. В память о нем было высажено на территории педколледжа дерево. На хранение в музей этого учебного заведения были переданы копии его фотографий и документов.

К 60-летию Великой Победы по ходатайству Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований одна из улиц в родном селе Измаила – Малке – была переименована в улицу им. И. М. Аджиева.

В данной книге читатель найдет материалы, которые ближе познакомят с неординарной и талантливой личностью И. М. Аджиева: воспоминания его фронтовых друзей, коллег и родных, его фотографии и личные документы, литературные труды, в числе которых, наряду с неопубликованными произведениями, книга «Гинтарас», а также повесть В. Филипенко, посвященная легендарному летчику.

В настоящее время большая часть материалов и копии личных документов И. М. Аджиева хранятся в фондах научного архива Института гуманитарных исследований Кабардино-Балкарского научного центра РАН; некоторые из них попали на хранение в Национальный музей КЧР.

Измаил АДЖИЕВ

СЕРДЦЕ БРАТА

Рассказ [1]

Легкое марево, висевшее над влажной апрельской землей, растаяло; в воздухе стоял дурманящий запах весенней прели. Муравьи деловито очищали свои зимние квартиры. Разноголосо пели и чирикали какие-то птахи. Чинно и важно, словно на параде, прохаживались огромные вороны, скворцы, поблескивая еще неподсохшими крылышками, с шиканьем перелетали с дерева на дерево. Обнаженное голубое небо, словно огромная изумрудная чаша, висело над головой, и от этого казалось, будто ты сидишь в сказочной оранжерее.

Шел 1943 год. Советское Информбюро буднично, словно сводку погоды, сообщало, что «на фронтах без перемен».

А в штабах по ту и эту сторону фронта – «от хладных финских скал, до пламенной Колхиды» – днем и ночью разрабатывались, принимались и отвергались десятки, сотни стратегических, оперативно-тактических планов дальнейшего ведения войны. Словно два барса, приготовившихся к смертельному броску, стояли друг против друга две самых мощных армии, каких еще не знала история.

– Мы достаточно осведомлены о планах гитлеровских стратегов. Но в этих сведениях есть и белые пятна, которые, если их не ликвидировать, могут окропиться кровью тысяч советских воинов, – говорил командующий, прохаживаясь по кабинету и посасывая трубку с «Золотым руно». – Лучшие силы разведки должны быть мобилизованы. Мы должны знать все... Почти все, что делается там, – закончил он короткую речь, энергично протянув руку с дымящейся трубкой в сторону западной стены своего кабинета.

– Товарищ генерал, я абсолютно убежден, что с агентом «Аврора» должно быть все в порядке. Ни одного поддельного документа. И к тому же – личная подпись Гиммлера. Все, кто знал мнимого покойника, убраны. Разоблачение почти исключается, – говорил седой приземистый полковник с чекистским значком на лацкане френча.

– Минер и разведчик ошибаются только один раз. Вы утверждаете, что все, кто знал гауптмана, убраны. А я не убежден в этом, – близору-

[1] Из сборника И. М. Аджиева «Гинтарас». Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд. 1970.

ко щурясь и протирая носовым платком стекла очков, устало произнес генерал. – К тому же, когда налицо такое количество подтверждающих друг друга фактов, говорить о каких-то случайностях не приходится. Нужно разработать и провести такую операцию, которая даст возможность укрепить позиции агента «Аврора». Более важной задачи у нас сейчас нет.

– Товарищ генерал, мы уже думали об этом и предлагаем провести операцию по укреплению позиции агента «Аврора».

– Вы, полковник, не совсем убеждены, что с агентом «Аврора» все в порядке, хотя и личная подпись «самого Гиммлера». Что-то вы противоречите сами себе.

– В нашем деле перестраховка бывает иногда крайне необходима.

Генерал, подумав, сказал:

– У вас есть какие-нибудь конкретные предложения или план какой-то операции? Если есть – выкладывайте. Время не ждет.

– Да, есть. Я предлагаю забросить к ним нашего сотрудника, который должен ликвидировать полковника Рихтера и ранить агента «Аврора». Агенту «Аврора» мы сообщим место и время, где должен «забарахлить» мотор его «Опеля». В этом месте в засаде будет наш человек.

– Товарищ полковник, я понял вашу идею, но есть «но»... Вы исходите из того, что наш человек после этой операции благополучно вернется домой. А вдруг его схватят? Выдержит ли этот человек пытки гестапо? Не провалит ли он агента «Аврора»? Риск большой!

– Полагаю, что выдержит. Мы решили послать туда старшего лейтенанта...

Генерал минут пять молча прохаживался по кабинету, потом остановился около полковника и сказал:

– Думаю, что идея правильная во всех отношениях. Действуйте. Только готовьте старшего лейтенанта к худшему из возможных для него исходов.

***

Формально Кравцов не был отстранен от обязанностей адъютанта генерала ставки – барона фон Шелендорфа. Однако последние две недели все складывалось так, что его обязанности выполнял долговязый гестаповец штурмбанфюрер Зодлихт. Вот и сегодня, когда нужно отправлять в Берлин очень важный пакет, Кравцову поручают заняться делами строительства капониров на аэродроме «Грослинен».

Генерал больше уже не диктует Кравцову свои соображения о планах предстоящей летней кампании.

Мучительно раздумывая о причинах резкой перемены отношений к себе работников ставки, Кравцов вышел на аллею и увидел квадратную

фигуру полковника СС Рихтера, который с наигранной улыбкой шёл ему навстречу.

– Господин гауптман, чем вы удручены в столь великолепный весенний день? – вместо приветствия произнес полковник своим громоподобным голосом, отчего разом вспорхнули сидевшие на деревьях птички и стремительно унеслись прочь.

– Знаете, господин полковник, на меня весной и осенью находит эдакая поэтическая меланхолия, и я начинаю думать о несовершенстве нашего бытия, чего не бывает со мной в другие времена года.

– А почему именно весной и осенью? – спросил полковник, любуясь статной фигурой гауптмана, к которому он питал явное расположение.

– Не приходилось ли вам наблюдать за жизнью птичьего мира? – спросил Кравцов.

– Гауптман! Откуда у вас эта еврейская привычка, на вопрос отвечать вопросом? – вспылил полковник.

– Дело в том, что именно весной и осенью резче всего бросается в глаза непостижимая организованность и солидарность пернатого царства. Помните картину Саврасова «Грачи прилетели»? Так вот, стоит убрать там грачей и уже нет полотна. А осенью я всегда любуюсь перелетом журавлей. Они летят таким правильным пеленгом, что диву даешься. Лучшие асы нашего люфтваффе вряд ли сумеют поддержать такой безукоризненный строй.

– Дорогой Глобке, с тобой что-то неладное происходит, – заметил полковник и покачал головой.

– У большинства птиц есть, если можно так сказать, чувство солидарности, чего, к сожалению, недостает человеческому обществу. Не пришло еще то время, о котором мечтал наш великий Шиллер: «Обнимитесь миллионы, слейтесь в радости одной».

– А мне, гауптман, по душе другие строки, другого нашего поэта, Гете: «Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый час идет за них на бой», – продекламировал полковник, довольно потирая обтянутые замшевыми перчатками руки.

– В данном случае я не вижу противоречий между Шиллером и Гете, – с лукавинкой ответил Кравцов.

– Как не видите? Один призывает к борьбе, а другой – ко всеобщему лобызанию, – ехидно улыбаясь, парировал полковник, считая, что сразил наповал своего молодого оппонента.

Кравцов продолжал:

– Господин полковник, я думаю, чтобы достичь того братства между людьми, о котором мечтал Шиллер, нужно в начале принять дельные советы Гете.

Полковник удивленно посмотрел на Кравцова, будто видел его в первый раз.

– Однако, господин гауптман, вы, начав свой разговор с безобидных пташек, дошли до большевистских идей, – заметил недовольно полковник.

Кравцов заметно оскорбился:

– Господин полковник, даже вам, одному из самых уважаемых офицеров армии фюрера, я не позволю бросать столь возмутительные обвинения в мой адрес. Барон Глобке – внук генерала Лансдорфа, владеющий акциями компании Круппа на пять миллионов марок, сумеет отстоять свою честь, – ответил Кравцов, считая, что только решительный натиск с небольшой долей лести может спасти его от опасного и ребячьего для разведки промаха, который он только что допустил.

Расчеты Кравцова оправдались.

Мертвенно бледный, с заискивающей улыбкой, полковник, располагавший только смутными догадками о Кравцове, стоял перед ним, протянув свои огромные волосатые руки для дружеского пожатия. И только глаза говорили совсем другое. Люди с такими глазами никому ничего не прощают.

«На встрече с “Курком” будет покончено с этим опасным врагом», – подумал Кравцов, почувствовав какое-то облегчение, и протянул полковнику руку.

– Гельмут, вы настоящий нацист. Молодец, что никому не прощаете обиды, – впервые по имени обращаясь к нему, примирительным тоном заключил полковник.

– Если немцы научатся прощать каждый раз обиды, мы никогда не выполним своей исторической миссии! – с пафосом ответил Кравцов.

– Своим-то можно кое-что прощать.

– Отступление, а затем и бегство, господин полковник, всегда начинается с одного шага. В критические минуты нашей истории нас губила немецкая сентиментальность, ставшая притчей во языцех англосаксов и славянского сброда. Но, благодарение богу, фюрер не повторяет ошибки своих предшественников.

– Слушая вас, Глобке, можно подумать, что в истории нашей нации не было блистательных страниц. А ведь были!.. Никогда не померкнет слава германцев во главе с величайшим полководцем древности Арминием, разгромившим в Тевтобургском лесу полчища римлян, – торжественно произнес полковник, словно эта битва была выиграна под его руководством.

– Да. Но были потом Ледовое побоище, Гуситские войны, Грюнвальд и Компьен, которые не должны повториться.

– А что ж вы, гауптман, про Сталинград забыли? – вставил полковник.

– Сталинград – это эпизод. Не более.

– Глобке, не будьте мальчиком. Мы не китайцы, чтобы позволять себе подобную роскошь. Достаточно двух-трех таких «эпизодов», чтобы полностью обеспечить оставшихся в живых немцев своим собственным жизненным пространством. Но этого не случится. Да! Не случится. Хороший игрок знает, когда идти «ва-банк». Пока англосаксонская невестка заигрывает с кремлевским женихом, суля ему второй фронт, мы русским устроим на «дуге» свой Сталинград! – задыхаясь, выпалил полковник и сделал рукой выразительный жест, будто накидывал петлю кому-то на шею.

«Опять на “дуге”», – подумал Кравцов, и на мгновение маска безразличия сошла с его лица, и весь он напрягся, ожидая от полковника открытия чего-то очень важного.

Резкая перемена, происшедшая с Кравцовым, не ускользнула от внимания полковника, и он со вздернутой, словно вопросительный знак, правой бровью умолк и пристально посмотрел на Кравцова.

– Вы настоящий сфинкс, господин Глобке, и загадка для многих, во всяком случае, для меня, – поспешно поправился полковник.

– Не менее загадочны и вы, господин полковник. «Ва-банк», «свой Сталинград», «на дуге»... У меня прямо голова кругом идет от такого ребуса, – с искренним недоумением в голосе ответил Кравцов.

– Пока вы разгадаете мой ребус, я постараюсь узнать тайну сфинкса,– с плохо скрытой угрозой ответил полковник.

– Пушки Наполеона и Роммеля не смогли заставить египетского сфинкса раскрыть свою тайну, – в тон ему ответил Кравцов.

Достаточно было наступившей минутной паузы, чтобы осознать каждому из них допущенную ошибку, которая могла стать роковой.

«Ну что ж, милый полковник, мало у тебя остается времени, чтобы раскрыть тайну сфинкса», – с удовлетворением подумал Кравцов и неожиданно разразился таким сардоническим смехом, что полковник невольно вздрогнул, и с искренним недоумением и какой-то растерянностью взглянул на Кравцова, будто видел его впервые.

– За такую беседу, господин полковник, которую я имел честь с вами вести, не жаль отдать и тысячу марок, – совершенно серьезно и как бы подводя итог всему, закончил Кравцов.

Решив, что гауптман ничего не понял, полковник успокоился. К тому же, лишаться такого щедрого кредитора, каким был Глобке, ему вовсе не хотелось.

В тот же день Кравцов связался с Москвой, и план операции «Курок» был согласован.

***

Ночью прошел небольшой дождь, но дорога, ведшая от штаба ставки на центральную автостраду, успела подсохнуть. Кравцов вел свой

«Опель» на максимальной скорости. Рихтер любил быструю езду, «с ветерком», как он выражался. До столба с отметкой 127 оставалось около пяти километров, когда мотор «Опеля» стал отчаянно чихать – вода, предусмотрительно добавленная Кравцовым в бензин, начала делать свое дело. Постепенно сбавляя скорость, Кравцов остановил машину у столба с отметкой 127, вышел, открыл капот и, чертыхнувшись, стал рыться в моторе. В это время из кустов, что росли у самой дороги, выскочил человек с пистолетом, сделал в упор три выстрела в Рихтера и два в Кравцова. Кравцов, падая на асфальт, сделал три выстрела в ту сторону, куда скрылся «неизвестный». Минутой позже около «Опеля» резко затормозил бронетранспортер с немецкими солдатами. Одни бросились в погоню, другие быстро подхватили убитого полковника и раненого гауптмана, положили их в бронетранспортер и быстро умчались в сторону городка.

Как установили врачи, смерть Рихтера наступила мгновенно. У него была прострелена голова. Кравцов был ранен в плечо.

В офицерскую палату, где лежал Кравцов, в тот же день поместили огромного верзилу с загипсованной ногой.

– Господин офицер (то, что вы офицер, подтверждает палата, в которой мы с вами находимся), давайте мы с вами познакомимся. Я обер-лейтенант Люфтваффе Ганс Штальберг.

– Гауптман Глобке, – коротко ответил Кравцов.

– Где же вас продырявили, господин гауптман?

– Сейчас везде фронт. Продырявить, как вы выразились, могут в любом месте и в любое время, – уклончиво ответил Кравцов.

– А меня на Кубани шарахнул сам ас Покрышкин. Другим это не удавалось.

– Как же это случилось?

– Я атаковал самолет Покрышкина сверху сзади, но он на секунду раньше открыл огонь, самолет мой загорелся, и я почувствовал жгучую боль в правой ноге. Пришлось спасаться на парашюте.

Кравцов окончательно убедился, что этот «ас» не имеет к авиации никакого отношения.

– Вы знаете, господин гауптман, я вам строго доверительно скажу, что с потерей господства в воздухе мы потеряем всякую надежду...

– Господин обер-лейтенант, не хотите ли вы этим сказать, что потеряна надежда на нашу победу? – с металлом в голосе спросил Кравцов.

– Бросьте, гауптман, ни у вас, ни у меня нет свидетелей.

– Вы трус и паникер, а не офицер доблестного люфтваффе. Есть или нет у меня свидетеля, но я доложу, куда следует, и вам несдобровать, – с неподдельной яростью выпалил Кравцов.

На второй день об этой беседе знал уже генерал фон Шелендорф.

***

Две недели гестаповцы пытали агента «Курок», и только на второй день после возвращения Кравцова из госпиталя он сознался, что является советским разведчиком, получившим задание уничтожить полковника Рихтера и заодно адъютанта генерала гауптмана Глобке.

Генерал очень ласково встретил Кравцова, поздравил с присвоением звания майора и прикрепил к его груди «железный крест».

– Господин Глобке, у меня для вас есть еще один сюрприз. Наши молодцы схватили человека, убившего полковника Рихтера и, к счастью, только ранившего вас. Правда, из-за этого негодяя на нашем кладбище прибавилось еще четыре креста. Но что поделаешь, война без жертв не бывает. А бедняга Рихтер дождался рыцарского креста только после того, когда поставили ему деревянный. Так вот, господин Глобке, советский разведчик нас уже больше не интересует, и мы могли его шлепнуть и раньше. Но я, в знак особого расположения к вам, решил, что будет справедливо, если это сделаете вы и именно сегодня, в день вашего благополучного возвращения.

Кравцов не знал, кто из советских разведчиков значился под «Курком», ему об этом почему-то не сообщили, и это несколько удивило его.

Но тогда он решил, что так надо.

– Господин Глобке, нас ждут во дворе, где должен совершиться акт возмездия, – значительно произнес генерал, поднимаясь со своего места.

В левом углу тюремного двора спиной к стальной плите, в десяти шагах от Кравцова стоял человек удивительно похожий... Кравцова качнуло, но его поддержал какой-то гестаповец и услужливо протянул ему заряженный «Вальтер».

Кравцов давно умел читать по глазам человека, стоявшего у стены, его мысли. Глаза приказывали стрелять, стрелять во что бы то ни стало! Иначе это все равно сделают другие, но уже грязные руки.

И Кравцов выстрелил. Он не промахнулся. Он не мог промахнуться, ибо хорошо знал, где бьется горячее сердце его брата.

На следующий день поседевший Кравцов приступил к исполнению своих обязанностей адъютанта генерала фон Шелендорфа.

Юрий ТХАГАЗИТОВ,
Мадина КАНУКОЕВА

ПРОСТРАНСТВО ТХАГАЗИТОВА: ТОПОС И ЭМОТИВНОСТЬ

Зубер Тхагазитов

Оценивая роль и место Зубера Тхагазитова в истории кабардинской и в целом – адыгской поэзии, мы закономерно придем к нескольким выводам. Вне всякого сомнения, он является своеобразным связующим звеном между поколениями кабардинских авторов, исповедовавших совершенно разную эстетическую идеологию. Первые – в их числе были и реальные таланты высочайшего уровня, в том числе и такие, как А. Шогенцуков и А. Кешоков, – пришли в литературу, осознавая большевистскую доктрину художественного творчества как единственно верную, более того – возможную. Необходимо сказать, что коммунисты осознавали роль индивидуальности и уникального таланта в искусстве достаточно своеобразно. Так, в базовом теоретическом документе советской эпохи – статье В. И. Ленина «Партийная организация и партийная литература» – однозначно утверждается примат классовой политической утилитарности искусства, а творческий потенциал личности оценивается, в сущности, как возможность маневрировать в границах актуальной политической необходимости – невзирая на все реверансы по поводу «свободы» и «простора» фантазии писателя.[1] Жёсткая позиция государства в вопросах идеологического содержания литературного процесса обусловила характер мышления писателей первой формации. При этом принципы художественного отражения, свойственные этому поколению национальных литераторов, долгое время оставались определяющими для всей кабардинской поэзии – вплоть до 60–70-х годов прошлого столетия. Кардинальный поворот эстетического сознания народа наметился и получил стилеопределяющее качество именно в творчестве З. Тхагазитова.

Его поэтическое наследие представляет несомненный тенденциальный интерес – с точки зрения его места в эволюционном контексте

[1] *Ленин В. И.* Партийная организация и партийная литература. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, С. 101, 102.

этнической культуры. Дело в том, что развитие кабардинской советской поэзии характеризуется чертами, некоторые из которых можно воспринимать, как весьма своеобычные. Практически все новописьменные литературы России, сформировавшиеся после Октябрьской революции и окончательного становления институтов нового государства, были весьма слабо связаны с фольклором в части идеологического содержания. Причина проста – фольклор не знает идеологической дихотомии, вернее, не имеет инструментов отражения классового противостояния на уровне идеологии. Даже поверхностный обзор народных текстов социального звучания выявляет очевидное тяготение к категориям и понятиям морально-этического характера.

Поэтому молодые литературы на первых этапах своего становления заимствуют необходимые компоненты в донорной культуре, в нашем случае – в русской. В первую очередь, это касается принципов аксиологического позиционирования лирического героя. Не имея в эстетическом мышлении схем безусловных категоричных оценок окружающего общества, национальные литературы практикуют механическое копирование пафосных моделей русской политической агитки, что на какое-то время вообще лишает их любых признаков этничности – кроме, разумеется, языка. Особенно чётко это проявлено в литературах народов Северного Кавказа, вступивших в эпоху строящегося социализма напрямую из полупатриархальных сообществ, в коллективном сознании которых вообще не существовало классовой или идеологической оппозиции, и все окружающее дифференцировалось исключительно по этическим параметрам.

Иначе дело обстояло у восточных адыгов. Фундаментальной специфической чертой кабардинского фольклора была необычайная жёсткость социальных конфликтов, лёгших в основу тех или иных текстов. Местное сословное общество характеризовалось исключительно сложной структурой, причём границы между различными социальными стратами были практически непреодолимы. Это подчёркивают все наблюдатели, посещавшие Кабарду на протяжении XVII, XVIII, XIX веков.

Взаимная обособленность сословий подкреплялась особым характером взаимоотношений между ними. В классическом кабардинском обществе статусная дистанция между различными классами даже внутри одного типологического вида была огромна, например, жизнь уорка второй степени, так называемого «беслан-уорка», не стоила практически ничего по сравнению с жизнью князя. За насильственную смерть последнего от руки дворянина физическому уничтожению подвергался не только убийца, но и весь его род, что зафиксировано в известной кабардинской пословице «Кровь князя наполняет ущелье». Положение же зависимых сословий относительно дворянских было крайне стеснённым.

Поэтому уже на самых ранних стадиях развития национального фольклора – в историко-героических песнях – кабардинский народ довольно отчётливо обрисовывает ощущение межсословного напряжения, бывшего чертой этнического социума на протяжении всей его истории. Никакой фольклор – в том числе и кабардинский – попросту не может выйти на уровень осознания классовости и, соответственно, к идеологическому пониманию общеэтического концепта справедливости-несправедливости. Однако народное словесное творчество восточных адыгов вплотную подошло к отражению социальных коллизий в их идеологической интерпретации и обобщению групп героев по признаку сословной принадлежности.

Если чертами идеологической типизации наделены лишь отдельные произведения кабардинского фольклора, то сама схема жёсткого бинарного противостояния, модальность безусловного конфликта присутствует практически во всех народных произведениях соответствующих жанров. Это свойство традиционного художественного сознания восточных адыгов можно считать главным из его отличительных черт.

Наличие прототипичных схем идеологической модальности в национальном эстетическом мышлении кабардинцев позволило им в кратчайшие сроки освоить поэтику безальтернативного классового конфликта. По сути дела, кабардинским поэтам не пришлось заимствовать из русской революционной поэзии и классовой агитки никаких аксиологических элементов и структур. Русская традиция обогатила кабардинское поэтическое мышление лишь рядом специфических «революционных» и «политических» терминов, несколькими обязательными символами – на этом её донорное воздействие в секторе общественно значимой поэзии заканчивается. Речь, естественно, идёт о самых первых этапах развития советской национальной литературы, о годах доминирования поэтики лозунга и прямой агитки.

Это обусловило вторую характерную черту эволюции кабардинской авторской поэзии – очень быстрое, опережающее по сравнению с другими народами региона, освоение образности, семантика которой базируется на понятийно-символьных и понятийно-условных объектах. Уже в 30-х годах прошлого века кабардинские авторы имели в своём распоряжении достаточно обширный ряд определяющих устойчивых представлений, позволявших выражать как идеологическую позицию в координатах государственной эстетики, так и этническую, точнее, региональную принадлежность того или иного текста.

В первые послевоенные десятилетия этот сектор национального художественного мышления обрёл парадигмальную полноту и завершённость, что и предопределило такое масштабное явление, как творчество А. Кешокова. Он не просто подвёл итог целому этапу становления кабардинской поэзии, но и перевёл её на новый виток развития. В сущности,

в поэзии А. Кешокова оформились два возможных вектора дальнейшего движения национального эстетического мышления, так как его зрелое творчество насыщено обращениями к этнической конкретике, реалиям бытийного окружения, а символьные единицы при необходимости трансформируются в сенсорно и визуально насыщенные объекты.

Однако подавляющее большинство авторов – этому способствовали, прежде всего, эстетические стандарты сложившихся в СССР форм поэтического представления и предпочтения официальной критики – фактически проигнорировало находки Кешокова в части механизмов и инструментария повышения суггестивного содержания поэтического текста. Кабардинская поэзия продолжала двигаться по линии преимущественного использования и развития символьно-понятийной семантики.

Это, в принципе, мало сказывалось на когнитивных возможностях национального стиха до вполне определённого периода. Символьно-понятийная образность требует соответствующего ореольного ассоциативного окружения, художественная убедительность этого типа представлений обеспечивается богатством культурных реминисценций, сопутствующих поэтическому выражению внеконтекстуально. Иначе говоря, поэтика такого рода нуждается в стабильности информационной среды, в условиях которой художественные универсалии успевают интегрироваться в те или иные смысловые поля.

Однако уже 70-е годы XX века лишили эстетическое сознание подобной возможности. Определяемые как эпоха НТР, а затем – как эпоха так называемого «информационного взрыва», 70-е годы выявили отставание комплексов кабардинских поэтических представлений от реального бытийного окружения. Решение этой проблемы могло быть найдено лишь в кругу совершенно новых перцептивных механизмов, и лишь один автор активно использовал их в своём творчестве – Зубер Тхагазитов.

Талант именно этого поэта, особенности его личности и художественного мышления позволили обеспечить преемственность заложенных А. Кешоковым принципов эстетической суггестии, развить их и интегрировать в общее пространство современной кабардинской поэзии. Вызовы нового информационного окружения получили достойный ответ в стихах Тхагазитова, он создал сразу несколько перцептивных моделей, позволивших незнакомой объектной и понятийной атрибутике безболезненно войти в круг национальных эстетических представлений. Сам Тхагазитов и ряд представителей последующей волны авторов фактически спасли кабардинскую поэзию, находившуюся в состоянии тяжёлой стагнации на рубеже 70–80-х годов прошлого века. Особенным обстоятельством представляется то, что и сегодня этническое сознание народа находится в условиях постоянного информационного стресса и вынуждено изыскивать методы и способы форсированного освоения нового объектного и понятийного окружения. Модели эстетической

когниции, предложенные в своё время З. Тхагазитовым, в этом смысле остаются полностью актуальными и в наши дни.

Иначе говоря, в поэтическом микро- и макрокосме З. Тхагазитова – впервые в кабардинской литературе – были сформированы направления дальнейшего развития эстетической мысли народа в высоконасыщенной и мобильной информационной среде. Была выстроена принципиальная схема поэтической рефлексии, в рамках которой поэтический объект обладал статусом самодостаточного явления вне зависимости от своего фенотипа. Это само по себе резко расширяло объектный ряд национального эстетического сознания – в границах когнитивных моделей Тхагазитова новые объекты не должны были преодолевать свою культурную чуждость и входили в текст в качестве структурно адаптированных образов – пусть и без богатого набора традиционных ассоциаций и аллюзий.

Именно поэтому поэтические образы З. Тхагазитова в творчестве последующих поколений кабардинских поэтов приобретают качество традиционно-национальных, через его тексты они входят в кабардинское художественное мышление на правах этнокультурных универсалий. Самое удивительное – то, что целый пласт кабардинских поэтических текстов, используя символику Тхагазитова, причём иногда буквально дублируя его образы, не представляет читателю той структурной и рефлекторной глубины, которая была свойственна прототипу:

...Журавли, улетая,

Зовут меня в дымную даль[1] – в двух коротких строках, посредством, фактически одного визуального представления кабардинский поэт однозначно локализует пространство наблюдаемого, задавая трёхмерные координаты обыгрываемого объекта. Причём, на первый взгляд, это сделано настолько безыскусно, что выглядит первичным дублем многочисленных повторений – иногда даже более совершенных. Однако это не так.

Зрительный образ журавлиного клина у Тхагазитова сопряжён с «дымной далью». Это структурирует поэтическое пространство центрального образа в достаточно сложную систему. Во-первых, журавлиный клин определяет плоскость небосвода, так сказать, верхний горизонт наблюдаемого. Безусловные когнитивные параметры этой картины подразумевают и вертикальную ось пространства – в данном случае это проекция диагонали предполагаемого взгляда наблюдателя от начальной точки отсчёта на земле до «журавлей». Далее следует ограничение по протяжённости видимого объёма, ибо «дымная даль» – не просто его крайняя линия, в данном контексте «дымная даль» это объект, зрительно соединяющий две плоскости – плоскости нахождения журавлей и лирического «я».

[1] *Тхагазитов З.* Журавли. В кн. «Лицо земли». М.: Современник. 1974. С. 23.

В результате – перед нами законченная модель некоего объёма, атрибутированного во всех осях координат. Единственная апелляция к эмоциональному состоянию в системе автор-читатель – субъективное авторское «зовут», однако в столь чётко вылепленном пространстве оно воспринимается абсолютно достоверно и однозначно. Погружая читателя в конструктивно законченный топос своего поэтического восприятия, Тхагазитов не даёт ему возможности собственной интерпретации эмотивного «зовут».

У подавляющего большинства авторов, следовавших за Зубером Тхагазитовым, попросту не было столь развитого пространственного мышления. Как и представители довоенных поколений кабардинских поэтов, они в основном пытались оперировать эмоционально значимыми образами, напрямую декларируя то или иное пафосное содержание своих представлений. В любом случае, лирическое переживание многих авторов, пришедших в литературу позже Тхагазитова, разворачивается вне пространства, что, конечно же, снижает их суггестивный потенциал.

Даже произведения, генетическая связь которых с текстами Тхагазитова несомненна, в части пространственных построений далеки от его стихов. Это касается не только творчества авторов, которых принято считать «фоновыми», но и тех, кто, вне всякого сомнения, демонстрировал высочайшую степень природной одарённости и позиционируется – вполне справедливо – в качестве личностей, определяющих облик целых этапов развития национальной поэтической мысли.

Например, «Журавли улетают», принадлежащее перу А. Бицуева. Один из талантливейших кабардинских поэтов современности сознательно соотносит своё произведение с текстом Тхагазитова. К слову говоря, возможные сомнения в прямой адресации к стихотворению старшего собрата по перу снимаются наличием в творчестве Бицуева целого ряда апелляций к произведениям Зубера Тхагазитова, апелляций, надо заметить, программных, заявленных уже в названиях произведений – «Колыбельная сыну», «Сердце матери», целый ряд других, не столь явных. Так что, в некотором смысле «Журавли улетают» демонстрируют нам не просто разовое творческое действие Бицуева, это, скорее, иллюстрация тенденциальной черты его поэзии.

Оговоримся сразу, построение пространственного представления в данном тексте не является целью автора. Бицуев выстраивает последовательность определений различных переживаний, плавно переходящих из строфы в строфу и фактически предлагает читателю оценить его лирического субъекта не связанного с каким-либо топосом, а посему – весьма неопределённого с точки зрения локализации. Единственное проявление пространственной атрибутации рефлектирующего «я», так же, как и у Тхагазитова, ассоциировано с картиной летящих журавлей.

Заметим, что в эмоциональном плане содержание представляемой картины дублирует прототип:

…Опять журавли улетают на юг.
Опять опустевшее небо вокруг.

Опять в моё сердце стучится
Моя улетевшая птица…[1]

Эта строфа с точки зрения топологических ощущений Бицуева (в данном конкретном тексте) наиболее презентативна и содержательна. Во всяком случае, первые две строки её являют нам целенаправленную попытку это самое пространство создать – «журавли», «улетающие на юг», «вокруг» – «опустевшее небо». Однако резюмирующая концовка картины не оставляет места сомнениям в характере поэтической рефлексии автора – она полностью реализована в среде индивидуальных эмоций, представляемых читателю вне какого-то конкретного объёма и линейных пропорций. Бицуев «возвращает» читателя к единственной точке координат, вокруг которой и происходит описываемое, и точка эта находится вне мироздания, она лежит внутри переживающего субъекта – «сердце». Читателю остаётся либо верить поэту, либо нет, войти в топос поэтической актуальности не получается, ибо его не существует.

Заданные же в первых строках ориентиры никоим образом не могут локализовать описываемое, так как и «юг» не связан с безусловными сенсорными ощущениями читателя, и ареальное «вокруг» в данном контексте – лишь способ расширения границ авторского «сердца», в которое «стучится // Моя улетевшая птица».

Совершенно аналогично образ летящего журавлиного клина – без попыток его пространственной интерпретации – используется и другими кабардинскими поэтами современности. Например:

Улетели мои журавли,
Расплескали прощальные клики
И на крыльях своих унесли
Золотые осенние блики…[2] – несомненно, Х. Тхазеплов реализует своё виденье мира, прежде всего, в ряду традиционных эмотивных образов, выстроенных в едином семантическом ряду печали и сожаления по прошедшему в сочетании с мотивами увядания и безвозвратной потери. Классический тип поэтической рефлексии, досконально разработанный ещё русскими классиками XIX века, и автор вполне осознанно адресует

[1] *Бицуев А*. Журавли улетают. В кн. Бицуев А. «От весны до весны». М.: Советская Россия. 1986. С. 43.

[2] *Тхазеплов Х*. Близкая зима. В кн. Тхазеплов Х. «Между богом и мной». Нальчик: Эльбрус. 1993. С. 103.

читателя именно к этому богатейшему пласту художественного представления, вместив в три строки от «расплескавшихся прощальных кликов» до «золотых осенних бликов» протяжённую ретроспективу русской поэтической традиции от Есенина до Пушкина. Единственный же признак виртуально-поэтического пространства – «улетевшие журавли» – в трактовке Тхазеплова является ещё одним членом хрестоматийного смыслового ряда прощания.

Пространственное конструирование, масштабирование описываемых объектов, являющиеся индивидуальной чертой поэтического мышления Тхагазитова, так и не получили развития в творчестве его последователей. Наоборот, введённые им в оборот локализационные представления, активно используясь в творчестве более молодых авторов, зачастую теряли свою пространственную семантику и были акцентированно встроены в стихию индивидуальных переживаний авторов. Это произошло и с образами пчёл, ставшими весьма частыми элементами поэтических картин, и с образами разлетающихся искр, также вошедших в устойчивую традицию, и с образами капель, и еще со многими, многими находками Тхагазитова.

Сравнив его уже разобранные стихотворения – «Ливень» и «Встреча под дождём» – с текстом Бицуева:

…Ты шла с другим,
Разбрызгивая росы,
Их каблуками быстрыми дробя.
А это были слёзы…
Просто слёзы,
Которыми оплакал я тебя![1] – мы ещё раз убедимся в исключительности пространственного зрения Тхагазитова, позволившего ему создавать визуальные картины той степени достоверности, которая была достигнута лишь в следующем поколении кабардинских поэтов и, строго говоря, также в форме уникального единичного явления – в творчестве Х. Бештокова.

В тех же случаях, когда авторам удавались координатные построения, они практически вплотную подходили к моделям Тхагазитова, создавая очень близкие топологические картины:

Золотые пчёлы небо залепили…
…Растворились в небе золотые пчёлы
Утро.
Надо мною – только синева…[2] *– З. Тхагазитов.*

---

[1] *Бицуев А.* Когда ты письма жгла мои... В кн. Бицуев А. «От весны до весны». М.: Советская Россия. 1986. С. 42.

[2] *Тхагазитов З.* Золотые пчёлы. В кн. Тхагазитов З. «Рождение песни». М.: Современник. 1989. С. 19–21.

…и пчёлы густо розу облепили,
как Млечный путь,
они летят из ульев...[1]
…В багровом свете летнего заката
цветы горели, пламенем объяты,
и, крыльями сверкая золотыми,
взлетали пчёлы искрами над ними…[2]

Приходится констатировать, что в большинстве случаев модификации структур Тхагазитова локационная суть поэтических рефлективных схем не учитывалась. То, что в его стихах обеспечивало единство поэтической когниции, ограничивая и конкретизируя ареал её существования, у авторов последующих поколений превратилось в атрибуты индивидуального чувствования и переживания.

Причём, явно улавливая и ощущая серьёзнейший новационный ресурс его поэтических представлений, многие кабардинские поэты регулярно обращаются к образным рядам, разработанным Тхагазитовым. Но, как и в рассмотренных примерах с картиной летящего журавлиного клина, они, практически постоянно, уходили в сферу эмотивной презентации, условно-символических образов, обращающих читателя – повторимся – к миру произвольных авторских оценок и переживаний, по большому счету не подкреплённых никакими видами безусловных ощущений.

И, вообще, следует признать, что в части пространственных формулировок, координатных положений описываемых объектов, их масштабирования и приведения в соответствие виртуально-поэтическим объёмам, в которых разворачивается лирическое переживание, Тхагазитов был и остаётся несомненным пионером кабардинской литературы.

И в десятилетия НТР, и в воспоследовавшую за ними эпоху «информационного взрыва», и, тем более, в наши дни перманентно и лавинообразно расширяющегося информационного потока перцептивная модель Тхагазитова позволяет адекватно реагировать на цивилизационные вызовы. Именно благодаря ей появилась возможность безболезненного вхождения в ареал национального эстетического сознания объектов антропогенного происхождения, абсолютно новых понятий и концептов, восходящих к миру науки и техники. Иначе говоря, Зубер Тхагазитов может с полным на то основанием считаться предтечей поэтического урбанизма в кабардинской литературе – во-первых.

Во-вторых, равноправие перцептивных связей в схеме поэтической рефлексии, выстроенной кабардинским поэтом, открыло возможности

---

[1] *Ацканов Р.* Качаются тяжёлые колосья… В кн. Ацканов Р. «Бегущие травы». М.: Современник. 1986. С. 40.

[2] *Ацканов Р*. Перед заходом солнца. В кн. Ацканов Р. «Бегущие травы». М.: Современник. 1986. С. 53.

альтернативным формам художественного отражения. Любой объект, рассматриваемый в координатах новационной рефлективной схемы Тхагазитова является поливалентным поэтическим образом, принципиально сочетающимся с любым другим. Подобный когнитивный рисунок, выкристаллизовавшийся в творчестве Тхагазитова, открыл возможности ухода от тривиальных ассоциативных систем и с точки зрения эволюционного состояния вывел кабардинское поэтическое мышление в зону абсолютной рефлективной свободы. Не только урбанистические детали и меты современного техногенного мира, но и сами принципы постмодернистского отражения окружающего, так чётко прослеживаемые в творчестве целого ряда современных кабардинских поэтов, берут своё начало в творчестве Зубера Тхагазитова.

Культурная ситуация сегодняшнего дня практически дублирует положение конца 60-х-середины 70-х годов прошлого века. Абсолютно новый информационный фон, вошедший в жизнь сохранивших свою аутентичность этносов, вновь ставит их перед необходимостью поиска интегративных механизмов, культурного инструментария, без которого кризис эстетического мышления неизбежен, более того – его явные признаки мы уже наблюдаем. И если доминирующее цивилизационное пространство середины прошедшего столетия в целом институировалось ценностями общегуманитарного плана, вполне вписывавшимися в культурные стандарты и эталоны новописьменных народов, то нынешние аксиологические ориентации во многих своих составляющих видятся вообще неприемлемыми. Соответственно, под вопросом оказывается сама возможность симбиотического или просто мирного сосуществования этико-эстетических универсалий различного происхождения.

Можно со всей уверенностью утверждать, что национальная культура, национальное художественное мышление вновь нуждается в механизмах диффузного взаимопроникновения этнического и глобального культурных миров.

И с этой точки зрения поэтический опыт Зубера Тхагазитова, его практика поэтического создания художественной пространственной локации, в которой, как и в реальном, могут сосуществовать структуры различного генезиса, представляется единственно возможным путём дальнейшего развития национального эстетического сознания. Схемы органического и естественного взаимопереплетения и взаимоподдержки рефлективных мультикультурных элементов, направленные на создание художественно достоверного и суггестивно полноценного поэтического выражения, законченного текста – эти схемы, разработанные адыгским автором и нашедшие своё совершенное воплощение в его творчестве. Сегодня именно они ждут скрупулёзного и детального анализа.

Ирина ВОЛЬСКАЯ

ПОСЛЕДНИЙ ПЕРЕВАЛ

Анатолий Парпара

«Литературная Кабардино-Балкария» – журнал, на страницах которого печатаются произведения авторов не только нашей республики, но и других регионов России. В состав редакционной коллегии и общественного совета издания входят деятели науки и культуры, имена которых известны и в нашей стране, и за ее пределами.

Одним из наших друзей, членом редколлегии журнала в течение многих лет был заслуженный работник культуры РСФСР Анатолий Парпара – поэт, драматург, общественный деятель, профессор Московского государственного университета культуры и искусств, председатель фонда имени М. Ю. Лермонтова, создатель и редактор «Исторической газеты».

Признанием большого вклада Анатолия Анатольевича в развитие отечественной культуры являются высокие награды: орден Дружбы народов, Государственная премия РСФСР имени М. Горького (1989) – за поэтическую дилогию о России, о периоде правления Ивана III и Смутном времени «Противоборство» и «Потрясение».

Сегодня мы хотим вспомнить о нашем уважаемом коллеге, который прожил яркую, интересную жизнь, подарил свет своего поэтического творчества тысячам читателей, который, к сожалению, недавно ушел от нас.

Мы благодарны Анатолию Анатольевичу за искреннюю любовь к Кавказу, дружбу со многими представителями культуры и искусства Кабардино-Балкарии, соседних республик, минераловодского макрорегиона. Большой знаток истории уважал традиции наших народов и был желанным гостем в домах своих кавказских друзей.

А. А. Парпара родился 15 июля 1940 года в Москве. В 1941 году, когда Анатолий вместе с матерью находился в деревне в Смоленской области, фашисты сожгли деревню, а жителей расстреляли. Уцелело всего восемь человек, в том числе Анатолий с матерью. Позже он посвятит этим драматическим событиям поэму «Незабываемое».

По настоянию отца-фронтовика Анатолий окончил Ярославское военное училище, отслужил четыре с половиной года на флоте и…

поступил на факультет журналистики Московского государственного университета. Он ещё в школе начал писать стихи. В 1973 году вышла первая книга его стихов «Первый перевал», а в дальнейшем автор выпустил около двадцати поэтических сборников.

Анатолий Парпара переводил с языков народов СССР, много лет проработал в отделе поэзии журнала «Москва».

В 1993 году вместе с В. Н. Соколовым и Ф. Д. Константиновым создал Международный фонд им. М. Ю. Лермонтова. На замечательные Лермонтовские праздники в Пятигорске, Нальчике и других городах собирались сотни почитателей таланта великого русского поэта. Для своего домашнего музея в Железноводске Анатолий Парпара собирал экспонаты всю жизнь – дореволюционные издания произведений М. Ю. Лермонтова, книги о поэте, гравюры к «Мцыри» художника Федора Константинова. Анатолий Анатольевич поэтично называл Лермонтова неисследованной планетой мирового космоса.

«Он был верен Богу и Отечеству, достоинство и честь были для него жизненными принципами», – отметила в статье на смерть поэта Ирина Ушакова в течение десяти лет работавшая корреспондентом, ответственным секретарем редакции «Исторической газеты», выпускаемой Лермонтовским фондом с 1996 по 2008 гг.

«Горькая она и доблестная, с трагической безысходностью и высокими взлётами духа, с омутами смут и заревами, просторами народных ликований. Это моя история. Я кровно причастен к ней. И эта причастность дала мне моральное право заняться изучением её», – писал Анатолий Парпара.

«Мы с тобой просветители», – по-доброму шутя, часто говорил мне Анатолий Анатольевич, – продолжает И. Ушакова. – Сотни портретов великих людей России – правителей, полководцев, изобретателей, писателей, художников, музыкантов, сотни замечательных материалов о них вышли к читателю в те годы, когда страну нещадно грабили младореформаторы и русская земля уходила из-под ног.

Мы делали газету, проводили поэтические вечера, создали домашний музей М. Ю. Лермонтова в дачном доме Анатолия Анатольевича в Железноводске. К 200-летию М. Ю. Лермонтова издали сборник одного стихотворения «Выхожу один я на дорогу» на 45 языках мира и проводили мероприятия, на которых ученики разных школ читали Лермонтова на своих национальных языках. В последние годы Анатолий Анатольевич готовил к изданию свои дневники, в которых отражено больше полвека писательской жизни – и его, и нашей страны».

«Благодаря тому, что Вы рассказываете о нашей истории, о великой России, вы вернули нам смысл жизни», – писал один из читателей Анатолию Анатольевичу.

Анатолий Парпара, чьи стихи переведены на пятьдесят языков мира, стал организатором более трехсот поэтических вечеров в московском Доме (советской) российской армии и Международном фонде славянской письменности и культуры, был руководителем многих творческих объединений по всей стране.

Он всегда был готов выступить на вечере знакомого поэта из провинции, выступал организатором мероприятий в разных городах страны с участием Василия Шукшина, Василия Федорова, Леонида Леонова, Николая Рубцова, Валентина Распутина, Василия Белова, Владимира Чивилихина и других деятелей культуры.

В конце 80-х поэт-патриот писал:

Россия! Родина! Тревожно…
Опять волна неправоты.
И отмолчаться невозможно.
И кривда затыкает рты.

Она вошла в такую силу,
Она взяла такую власть,
Что пересилила России
Защитоборческую часть…

Поэт полагал, что нужно снова напомнить, что «мы живем на земле богатой подвигами, вспомнить духовные подвиги, вспомнить… просветителей».

Как человек государственного ума, мыслитель, он считал, что нет ничего страшнее для живущих, чем бездействие и незнание. И философски замечал:

Как мы счастье мало ценим,
Как беспечна жизнь земная!

Анатолий Парпара всеми своими трудами – литературными, общественными – служил людям, человечеству. И как прощальный привет посылал нам поэтическое раздумье:

Что ж, дней моих измерен счет.
И кто-то строгий не без грусти
Мой час безделия учтет,
Мой час раздумий не упустит.

Но голос совести моей
Напоминает так же строго:
Не забывай, что ждет дорога.
Ты мало сделал для людей.

Марианна КЕРИМОВА,
корреспондент газеты «Адыгэ псалъэ»

«ЯЗЫК НАШ – ПЕРВЫЙ ПРОВОДНИК…»

Интервью

Интервью с замечательной актрисой «Гоголь-центра» Светланой Мамрешевой написано по завершении съемок фильма «Аиссе». Наш диалог – в строгом соответствии со спецификой карантинных условий – состоялся в удаленном режиме. Ответы моей собеседницы, в которых ярко проявляются ее личностные черты, наверняка придутся по душе почитателям живого таланта актрисы.

Светлана Мамрешева

Добрый день, дорогая Светлана!

Поздравляем Вас с завершением съемок. Буквально пару минут назад увидела анонс «Узлов» (Олег Хамоков – Зарина Канукова), в связи с чем так же громко аплодирую.

Конечно, интервью после просмотра фильма было бы интереснее, тогда у нас было бы больше материала для обсуждения. Но сейчас все адыгское сообщество будоражит сам факт экранизации произведения адыгского писателя на государственном уровне и на русском языке. Поэтому мы как бы бежим впереди премьеры. Спасибо, что любезно согласились уделить нам время. Отвечайте, как Вам удобно. Можно по голосовой почте в уатсапе или письменно, как хотите. Я буду переводить все на родной язык, но, чтобы не утомлять, пишу на русском. Извините за некоторый национальный оттенок в вопросах, это специфика нашего издания. Не ограничивайте себя ни в стиле, ни в манере подбора ответов. Мы любим Вас любой! Считайте мои вопросы не более чем поводом для мудрого монолога.

– Насколько сильно Вы ощущаете свои «черкесские крылья» за спиной? Вас как-то вдохновляет возможность заявить о своих корнях на государственном уровне, в кругу своих именитых коллег? Насколько хороша была команда, работавшая над фильмом? Какие неожиданные моменты запомнились?

– Спасибо большое. Постараюсь ответить. Вопрос про черкесские крылья и про то, как работалось с коллегами. Конечно же, я ощущаю себя частью маленького, как я его называю, «штучного» народа. И ощущаю,

что мы в каком-то смысле пострадавшие. Народ, который много пережил, и ему еще предстоит в себя прийти и развиваться дальше.

И, как вы правильно сказали, картина, поставленная на профессиональном уровне и с профессиональной командой, это не просто междусобойчик, ясно, что она будет оцениваться более широко публикой. Это очень подстегивало. Я думаю, это стало возможным во многом благодаря адыгейскому автору Исхаку Машбашу и благодаря адыгейским меценатам. Это такая щедрость и возможность сделать что-то крутое с профессионалами. Короче, все было здорово.

Это была питерская команда. Здесь собрались именно художники, которые работают на очень высоком уровне, на самом высоком, я бы сказала. Потому что художники, например, женщина, которая выстраивала кадр, работала на «Фаусте» у Сокурова. Гримеры тоже много картин выпускали. Художник по костюму Тамара, она потрясающие костюмы делает, и все ее знают. И оператор, замечательный молодой Никита Рождественский, который, по идее, не должен был работать на этой картине, но волею судеб так получилось. Так как он с Александром Муратовым, нашим режиссером, уже работал, и у него оказалось свободное время в этот период, он согласился снимать вместе со своей женой Александрой Ром-Рождественской. В общем, команда замечательная. Интересные моменты? Для меня это как бы первая главная роль в фильме. Это что-то другое, когда ты все время в кадре. И другой уровень ответственности и азарта. Я очень много нового узнала. Но благодаря моему опыту в театре, то, что я работаю у Кирилла Серебренникова в «Гоголь-центре», дало мне возможность очень быстро реагировать, все снимать с одного-двух дублей. Я поняла, как это работает. И благодаря этой команде, и сплоченности, и тому, как помогали и Никита-оператор, и Александр-режиссёр, мы как-то нашлись, мы друг друга услышали и меньше чем за месяц сделали картину.

– Понравился ли Вам сценарий? Насколько образ настоящей Аиссе и героиня из романа идентичны? Или это будет Ваш собственный образ?

– Сценарий хороший. Я б его назвала классическим. Классический фильм. Туда можно приходить с семьей, с маленькими детьми. Там нет каких-то там 17+, 16+. Это драма, но ее можно смотреть всей семьей. Конечно, образ графини я через себя искала. Я читала ее дневники, переписку с Каландрини. Очень интересный дневник и очень много понятно про эту девушку оттуда. Она такая умная, непростая судьба у нее. Там можно отличить нюансы того времени. Например, они не могли поехать на дачу за город. Они, подруги, не могли долго встретиться, потому что тогда это технически не происходило быстро, как у нас сейчас. Мы взяли, сели и поехали. А им нужно было запрягать кареты, это все было дольше. Другое время, другое понимание. Аиссе-Шарлотта очень остроумная. Явно такая обаятельная девушка. Насколько я могла, я как-то это передавала.

Но я больше отвечала за драматическую часть в фильме. Потому что он делится на части. Есть она маленькая, она взрослая и есть драматические моменты. Я вот за них отвечала. Есть моменты ее воспоминаний, детства, там тоже достаточно драмы. Там была ответственна Даяна, другая актриса. Замечательная девочка из Адыгеи, мы с ней очень сдружились.

– Кто-то очарован работой костюмеров, кто-то разочарован. Как Вы находите? Что бы Вы сделали по-другому, если бы был выбор и возможность?

– По костюмам. Художники были питерские. То есть понятно, что удовлетворить наши запросы невозможно так, чтобы это было идеально в нашем понимании. Домашние черкесские костюмы, как все это выглядело, их версия не будет совпадать с нашим представлением. Потому что это не историческая реконструкция, а художественное решение. Они смотрели какие-то гравюры и сочиняли свое видение, каким это должно быть. И, конечно, оно не совсем совместимо с правдой, реальной, как это было на самом деле. Но, опять же, это не документальное кино, поэтому кому-то нравится, кому-то нет. Это уже дело вкуса. Главное, чтобы все понимали, что это не историческая реконструкция. Это не музей. Это просто представление питерской команды. Главное, что это делали профессионалы, что для меня важно, и у этого есть качество, очень буду на это надеяться.

– Бэла из «Героя нашего времени» Лермонтова и Аиссе как таковая? «Нартушка» под рукой завоевателя и черкешенка, полностью растворившаяся в чужой, но покровительствующей среде? Что Вам ближе и что важнее? Состояться вопреки всему или состояться как нечто определенное?

– Такой сложный вопрос вы задаете. Во-первых, я сама играла Бэлу, и я ее прочитывала не как «нартушку». Все-таки она там сама выбирает в моей трактовке, которую я делала, когда играла в «Герое нашего времени». Я играла и Бэлу, и Веру. Бэла у меня, в принципе, нартушка нартушкой, но и у нее там свое решение касаемо того, кто ей нравится. Просто это абсолютно две разные судьбы. Аиссе тоже волей трагической судьбы оказалась ребенком в чужих краях. И ее воспитали так, что у нее есть какой-то зов к корням. Это абсолютно две разные судьбы. И я не уверена, что можно выбирать судьбу. Я по себе могу сказать. Это какая-то линия. Часто это как тяжкая ноша иногда. Она просто идет, ты ничего не можешь сделать. Не знаю. Я не могу сказать, что мне ближе. Главное, чтобы это был твой путь. И мне ближе свой путь. Если говорить лично про меня. Вот какой он есть, я ни о чем не жалею. И за все благодарю. Не знаю, ответила ли я на ваш вопрос.

– Вам не кажется, что желание любой ценой идеализировать главного героя черкесского происхождения в чуждой среде немного претенциозно? И, тем не менее, мы любим всё своё и считаем, что

нам должны простить нашу браваду из-за тяжелого исторического прошлого. Что думаете по этому поводу?

– Я абсолютно согласна с тем, что суперталантливые адыгские авторы, адыгские художники могут идти впереди планеты всей независимо от их национального. Талант не зависит от национальности. Что касается Исхака Шумафовича, мы с ним созваниваемся, разговариваем. Это человек, которому 90 лет, он абсолютно мужчина, со светлой головой. Он реально пишет каждый день. Это такая скала! Он каждый день по два часа пишет всю свою жизнь. Он очень основателен. Это человек-энциклопедия, человек-история. Его невозможно принизить, потому что он реально – глыба. Я понимаю, что кому-то может показаться по-другому, что исторически это как бы не цепляет кого-то. Все-таки у него есть свои достоинства неоспоримые. Мне кажется, в сценарии вся информационность, историзм как-то в игровую манеру Марина Сасина перевела, она как бы адаптировала все. И получилась более игровая история. Я надеюсь на это. Мы все потом посмотрим.

Наших авторов так немного, поэтому хочется хвалить, хочется любить, восхвалять, пусть хоть какие-то шаги делают. Все-таки Исхак Шумафович сделал шажище в плане значимости. Он важен для адыгов, он важная личность, очень большая, поэтому есть за что перед ним преклоняться и преклоняться заслуженно. На мой взгляд. А это уже вещи субъективные, наверно. В сценарии использованы лучшие повороты его романа. То есть самое выгодное для кино было взято.

– Как Вы относитесь к своей героине? Считаете ли ее достойной подражания только потому, что она вошла в высшее по тем временам общество? Находите ли Вы ее талантливой как в жизни, так и в литературе?

– Аиссе. Представляете, по слухам к ней «кадрился» герцог Орлеанский. То же самое делал Людовик XIV. Глава огромной империи просто так не будет знаки внимания уделять, пытаться как-то покорить и т. д. Значит, она явно была хороша по вкусам тех времен. По сегодняшним канонам красоты, по гравюрам, мы не можем сказать, что она – Анжелина Джоли. Но для них тоже Анжелина Джоли, может, не была бы суперкрасавицей. Явно она обладала качествами внешними. И мне кажется, что самое важное – это шарм, интеллект, талант, умение вести беседу. То есть человек явно образованный. Граф Ферриоль, ее приемный отец, дал ей очень хорошее образование. Явно человек не бездарный. Это как человек должен вести дневник, переписку, чтобы эта переписка стала не просто памятником времени. Мало ли кто писал письма, они все вели переписку. Но ее переписка стала литературным произведением, которое можно покупать и читать как роман. Это хорошо написано. Эмоциональный, то есть живой, настоящий, явно талантливый человек. Такая она была. По письмам что-то такое я вижу.

– В немногочисленных интервью с Вашим участием у меня сложился образ девушки, которая не согласится не идти в ногу со временем, и, тем не менее, очень убежденно держится за свои корни. Вы тоже в каком-то отношении выступаете в роли современной Аиссе? А какая Вы настоящая?

– Я не знаю, какая я. Я в поиске себя. Вот сыграла в картине, что-то про себя почувствовала. Явно меня тянет к корням. Мне нравятся все наши устои, принципы. Это все-таки какие-то костыли, которые не дают тебе свалиться, но какая я? Кто я? Это, видимо, поиск жизни. Трудно сказать. Как все. И при этом каждый человек индивидуален. Я думаю, что я человек в поиске своего какого-то развития. Человек, пытающийся развиваться, мне вот так хотелось бы. Пока мне кажется, что я в некоторых вещах буксую, ну, я просто ноль в них. В каких-то вещах вроде бы прорываюсь. Я бы сказала, я ищущий человек.

– Наша газета выходит на родном языке. И сейчас очень актуальна проблема его невостребованности в культурной среде. «А вы ноктюрн сыграть смогли бы» на кабардинском языке? Имею в виду, не побоитесь ли использовать адыгский язык в качестве рабочего инструмента перед своей аудиторией?

– Про кабардинский язык. Вы упомянули «Узлы», вот сейчас идут съемки. Как бы сложился проект. Он полностью на кабардинском языке. Кабардинский язык сейчас переживает какой-то ренессанс. Мне говорили, что за год сняли около пяти картин в нашей республике на языке. Возьмем для сравнения иранское кино, оно очень продвинулось. Там глубочайшая культура. У них супер-кино, которое побеждает везде, они передовые в этом деле. Сейчас интересно все самобытное. Наш язык настолько сложен, но он настолько же самобытен! Каждый маленький народ и каждая маленькая культура… Маленький, не маленький – это от численности не зависит. Каждый имеет свою форму, цвет. Вот у нас есть свое что-то. И вот это свое сейчас есть возможность выражать, через это себя выражать.

Мне, я скажу, непросто. Я как бы полжизни в Москве. Полжизни была в Нарткале. То есть мне, чтобы полноценно произносить свой текст, понимать его более сложные конструкции, не просто разговорный текст, мне для этого нужно заниматься, понимаете, да, чтобы это выговорить. Но я готовлюсь, надеюсь, все получится, потому что другого варианта нет. У нас сложный очень язык, но мы можем так сыграть, что это услышат люди. В принципе, это не первый прецедент. «Глубокие реки» Владимир Битоков снял на кабардинском языке, и это было очень интересно не только кабардинцам. Очень ждут Аиссе и наши диаспоры тоже. Они хотят знать про нашу боль, про то, что мы пережили, чтобы сочувствовать, восхищаться, оплакивать, чувствовать гордость за нашу идентичность, за то, кем мы являемся. И язык, конечно, первый проводник того, что мы есть.

Магомед МАГОМЕДОВ,
доктор филологических наук
г. Махачкала

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ В ДАГЕСТАНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Дагестанское литературоведение за почти вековой период своего развития накопило значительный опыт изучения национальных литератур. Символично, что ранний этап научного изучения словесности народов Дагестана связан с Институтом национальных культур Дагестанского филиала Академии наук (дата основания: 1924 г.), преемником которого в аспекте изучения филологических дисциплин является Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. В предшествующий, советский период институт являлся флагманом дагестанского литературоведения. Сотрудниками Института были выполнены значительные труды, которые не утрачивают своей значимости и по сей день.

В числе такого рода работ можно назвать очерки по национальным литературам, изданные в конце 1950-х годов: «Очерки лакской дореволюционной литературы» (1959) Э. Ю. Кассиева, «Очерки кумыкской дореволюционной литературы» (1959) Г. Б. Мусахановой, «Очерки аварской дореволюционной литературы» (1961) Б. Магомедова». Очерки даргинской дореволюционной литературы» (1963) Ф. А. Абакаровой.

Именно в Институте было положено начало целостного исследования дагестанской литературы. Логическим продолжением научного труда «Очерки дагестанской советской литературы», изданного в 1957-м году, стала двухтомная «История дагестанской советской литературы» (Махачкала, 1967) [9]. Данная работа, выполненная под руководством известного, авторитетного дагестанского литературоведа Р. Ф. Юсуфова, впечатляет научной добротностью, обстоятельностью, широким охватом материала. В ней нашли отражение основные направления, тенденции, жанровые характеристики, поэтика литературы, индивидуальные стили писателей и т. д. Несмотря на то, что «История...» была создана в другое время, что литература рассматривалась в критериях советской эпохи, сегодня воспринимающихся неоднозначно, данный труд, ныне ставший библиографической редкостью, остается востребованным исследовательским сообществом в силу отмеченных выше факторов.

Примерно со второй половины минувшего столетия сотрудниками Института были выполнены и изданы, условно сказать, прорывные научные труды. В этой связи Институт истории, языка и литературы совершенно по праву зарекомендовал себя как ведущее учреждение республики, как центр научного изучения национальных литератур. В таком плане его авторитет в советский период был абсолютно незыблем

и общепризнан. Повторюсь – по существу, в Институте были заложены основы классического дагестанского литературоведения.

Переходя к современности, очерчивая её границами двух с половиной постсоветских десятилетий, следует заметить, что дагестанское литературоведение в рассматриваемый период существенно обновилось, прежде всего, в концептуальных подходах. Литературное наследие и современная словесная культура исследуются не с позиции идеологических, как было принято прежде, а общечеловеческих ценностей, научная мысль прогрессирует, вбирая в себя достижения смежных наук (культурологии, социологии, философии, этнокультуры, лингвостилистики и т. д.), существенно расширяя спектр интерпретаций художественного текста.

Раскрепощением научной мысли, как и иных сфер человеческой деятельности, обусловливается расширение диапазона охватываемого материала, количественные и качественные показатели литературоведческих исследований. Очевидно, в частности, увеличение числа монографических работ, в том числе диссертационных исследований.

Несмотря на относительно небольшой состав научных сотрудников отдела литературы (около десяти человек), под эгидой нашего института издано значительное количество монографий, сборников научных статей. Оригинальные, новаторские исследования в рассматриваемый период выполнены Г. Г. Гамзатовым, А. Г. Гусейнаевым, Г. Б. Мусахановой, С. М. Хайбуллаевым, Ч. С. Юсуповой, С. Х. Ахмедовым, М. Г. Юсуфовым, З. З. Гаджиевой, А. А. Алихановой и др. Для ясности отметим, что в постсоветский период, с 1990-х годов по сегодняшний день, литературоведами нашего института осуществлено около ста научных изданий, в их числе более семидесяти монографий. Естественно, в кратком тексте невозможно дать представление об огромной работе, проделанной отделом литературы. Тем не менее, видится целесообразным охарактеризовать наиболее, на наш взгляд, значительные исследования коллег, внесших весомый вклад в развитие научного процесса, в изучение литератур народов Дагестана в формате историй.

В последние полтора десятилетия в Институте ЯЛИ осуществляется планомерная работа по проекту «История литератур народов Дагестана». В то же время следует отметить, что сотрудниками нашего института, вне зависимости от данного проекта, и ранее выполнялись труды обобщающего характера, в которых прослеживается история развития отдельных аспектов, разновидностей, жанров словесной культуры народов Дагестана. В их числе можно назвать монографии академика Г. Г. Гамзатова, долгие годы руководившего Институтом ЯЛИ, «Художественная культура народов Дагестана в калейдоскопе памяти» (М., 1996), «Дагестан: духовное и художественное наследие» (Махачкала, 2004), С. Х. Ахмедова «Художественная проза народов Дагестана» (Махачкала, 1996), С. М. Хайбуллаева «Духовная литература аварцев» (Махачкала,

1998), А. Г. Гусейнаева «Арабоязычная литература народов Дагестана первой половины XIX века» (Махачкала, 2009) и др.

Одной из крупных работ, выполненных в отделе литературы, является коллективная монография «Дагестанская литература: закономерности развития (1965-1985)» (Махачкала, 1999) [8], в написании которой приняли участие Ч. С. Юсупова, С. Х. Ахмедов, М. И. Зульфукарова, Э. Ю. Кассиев, Ф. Х. Мухамедова, З. З. Алиева. Данная работа является продолжением «Истории дагестанской советской литературы», изданной в 1967 году. В ней освещены пути развития дагестанской литературы указанного периода, в том числе в русле конкретных жанров прозы, поэзии, драматургии, литературной критики.

В основу исследования положен жанрово-проблемный принцип. При этом акценты делаются на наиболее значительных произведениях, на произведениях, которые характеризуются оригинальностью, новаторством. В частности, отмечены активизация философской лирики, возникновение и развитие исповедальной лирической повести, зарождение повестей сатирического и юмористического содержания, детектива, трагикомедии, водевиля и др. Исследователями выявлено усиление в дагестанской литературе лирико-романтических начал, фольклорно-этнографической стилизации, философско-метафорической, аллегорической поэзии. Констатируя широту и глубину охвата дагестанской литературы в данной монографии, считаем необходимым подчеркнуть, что одним из важных её достоинств является рассмотрение художественных текстов сквозь призму их художественно-эстетической значимости.

Целостная характеристика литературы одного из малочисленных народов Дагестана – татов, стала объектом изучения Г. Б. Мусахановой. В ее монографии «Татская литература (очерк истории: 1917–1990)» (Махачкала, 1994) [10] впервые всесторонне и основательно рассмотрены генезис и развитие словесной культуры татов – горских евреев. Через историю художественной словесности автором, по существу, прослежены история родного народа, его взлеты, достижения.

Относительно озвученного выше проекта «История литератур народов Дагестана», повторимся, что в этом направлении ведётся планомерная работа. Есть определённые результаты, но в целом проект находится в стадии реализации. В целостном объёме исследована история лакской литературы, частично аварской и кумыкской литератур.

На сегодняшний день, в Институте полностью и детально оговорены принципы создания историй национальных литератур, их структура, периодизация. В частности, условлено, в том случае, когда позволяет материал, создавать многотомные издания, в 3-х или 4-х томах. При этом первый том рекомендовано посвящать литературе дореволюционного, досоветского периода, второй – ориентировочно до середины минувшего столетия, третий – последующего периода.

В структурном плане мы придерживаемся следующего принципа: сначала даются обобщающие разделы, в том числе посвящённые отдельным разновидностям словесности: прозы, поэзии, драматургии, литературной критики. Далее приводятся творческие портреты авторов, внесших значительный вклад в словесное искусство родного народа, Дагестана.

На данный момент осуществлено изучение литературы лакцев. «История лакской литературы» [3], изданная в трех томах, автором которой является С. Х. Ахмедов, является первой и пока единственной работой, в которой литература одного из народов Дагестана исследована в полном объёме. В этой связи данная работа может быть признана определенной вехой дагестанского литературоведения. «История лакской литературы» С. Х. Ахмедова воспринимается ныне в качестве образца. Эта заслуга, надо признать, заработанная огромным трудолюбием автора, его верным служением науке, литературе родного народа и Дагестана в целом.

На стадии реализации находятся работы по аварской и кумыкской литературам. В частности, изданы 2 тома по аварской литературе: первый том «История аварской литературы (XVII–XIX вв.)» (Махачкала, 2006) [11] выполнен С. М. Хайбуллаевым, второй том «История аварской литературы (1920–1950-е гг.)» (Махачкала, 2014) – З. З. Гаджиевой и М. Х. Гаджиахмедовой [6]. Коллективом авторов – А.-К. Ю. Абдуллатиповым, М. А. Гусейновым, Л. А.-К. Шабаевой – окончен первый том «Истории кумыкской литературы» (Махачкала, 2015) [1].

Тот факт, что данный проект находится на стадии выполнения, объясняется рядом обстоятельств. Прежде всего, это объясняется малой численностью сотрудников отдела литературы, исполнителей этой работы. В силу многонациональности нашей республики в отделе работают, практически, по одному представителю народов Дагестана (за исключением аварской). Этот пробел Институт пытается восполнить контрактами с литературоведами, работающими в Дагестанском государственном университете, Дагестанском государственном педагогическом университете.

Изучение дагестанской литературы не является исключительной прерогативой Института ЯЛИ. Солидный научный капитал накоплен в Дагестанском государственном университете, в котором долгие годы функционирует кафедра литератур Дагестана. Многие его преподаватели активно занимаются научной деятельностью.

Показательными представляются труды, посвящённые комплексному осмыслению художественного процесса. Одной из первых работ, в которой в координатах обновляющихся критериев была рассмотрена история национальной словесности, является «История кумыкской литературы (до 1917 года)» (Махачкала, 1995) [2] А.-К. Ю. Абдуллатипова. Это было первое монографическое исследование, в котором полновесно представлены видные представители этнической культуры, авторы произведений религиозного содержания Абдурахман из Какашуры, Абусуфьян

Акаев, Шихаммат-кади Байболатов и др. Таким образом, значительный пласт художественного наследия, остававшийся прежде за пределами исследовательского внимания, был вовлечен в научный оборот, что дало возможность оттенить преемственность, последовательность развития историко-литературного процесса кумыков.

Аналогичные работы выполнены и по другим литературам, ценность которых, помимо прочего – в восполнении научных лакун. В монографиях «Табасаранская национальная литература» (Махачкала, 1994) [12] М. Г. Юсуфова, «Лезгинская литература: история и современность» (Махачкала, 1998) [7] Г. Г. Гашарова также восстанавливаются оборванные прежде в науке о литературе линии художественного развития досоветского периода. Кроме того, в них в новом свете характеризуются явления позднего времени, литература советского периода.

Заслуживает быть отмеченной плодотворная исследовательская деятельность А. М. Вагидова. Областью его научных поисков являлась даргинская литература и общедагестанский литературный процесс. В его монографии «Очерки даргинской литературы 1960–1990-х годов» (Махачкала, 2013) [5], написанной в формате истории, национальная словесность подробно рассмотрена в контексте развития поэзии, прозы, драматургии. Автором высказаны оригинальные научные суждения относительно обусловленности литературного движения социокультурными, политическими факторами, сделан акцент на выявление собственно художественных свойств произведений даргинских писателей.

А. М. Вагидову была присуща нацеленность на решение важных задач, стоящих перед дагестанским литературоведением. Этим обстоятельством было продиктовано его обращение к общедагестанской проблематике. Одной из значительных в этом плане работ является монография «Дагестанская проза второй половины XX века» (Махачкала, 2005) [4], в которой проза указанного периода обстоятельно рассмотрена согласно жанровым дефинициям: отдельные главы исследования посвящены рассказу, повести, роману.

А. М. Вагидов придерживался мнения, что исследователь должен писать только о том, что ему доступно, известно. Естественно, он уделял особое внимание именно даргинской литературе, которую он читал в оригинале. Тем не менее, автор избежал крена в сторону родной литературы, представил на добротном научном уровне целостную панораму дагестанской прозы, высветив, прежде всего, лучшие её достижения.

Подытоживая рассмотрение отдельных достижений дагестанского литературоведения, хочется отметить, что в небольшом очерке не представляется возможным охватить всё значительное, заслуживающее внимания. В данном случае сделана попытка продемонстрировать пути развития, существенные направления, достижения литературоведческой мысли Дагестана.

Несомненно, качественное содержание, да и количественные показатели монографических изданий производят впечатление. В то же время обращает внимание неравномерность изучения литератур Дагестана. На фоне интенсивного, достаточно широкоохватного исследования, например, аварской литературы, неудовлетворительной выглядит ситуация в отношении других литератур, в частности, лезгинской.

В исследуемый период были выполнены изыскания в русле нового, деидеологизированного прочтения национальных литератур. В то же время новые подходы, критерии рассмотрения литературного наследия как советского, так и досоветского периодов, нашедшие обстоятельное выражение в российском литературоведении, в трудах дагестанских учёных, на наш взгляд, не нашли должного отражения в полной мере. В этой связи наблюдаются разночтения отдельных социальных и политических явлений, ставших объектом художественного изображения.

В целом, дагестанское литературоведение в постсоветский период своего развития ознаменовано значительными достижениями. По существу, выявлены перспективные направления научных поисков. Эти перспективы дают возможность для фронтального изучения дагестанских литератур, открывают широкое поле для научной деятельности, что, несомненно, является одним из важных стимулов для истинного ученого.

Литература

1. *Абдуллатипов А.-К. Ю., Гусейнов М. А., Шабаева Л. А.-К.* История кумыкской литературы. Том 1. Литература досоветского периода. Махачкала, 2015.

2. *Абдуллатипов А.-К. Ю.* История кумыкской литературы (до 1917 года). Махачкала, 1995.

3. *Ахмедов С. Х.* История лакской литературы: в 3-х т. Махачкала, 2008. Т. 1; Махачкала, 2010. Т. 2; Махачкала, 2011. Т. 3.

4. *Вагидов А. М.* Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала, 2005.

5. *Вагидов А. М.* Очерки даргинской литературы 1960-1990-х годов. Махачкала, 2013.

6. *Гаджиева З. З., Гаджиахмедова М. Х.* История аварской литературы (1920–1950-е гг.). Махачкала, 2014.

7. *Гашаров Г. Г.* Лезгинская литература: история и современность. Махачкала, 1998.

8. Дагестанская литература: закономерности развития (1965–1985). Махачкала, 1999.

9. История дагестанской советской литературы: в 2-х т. Махачкала, 1967.

10. *Мусаханова Г. Б.* Татская литература (очерк истории: 1917–1990). Махачкала, 1994.

11. *Хайбуллаев С. М.* История аварской литературы (XVII–XIX вв.). Махачкала, 2006.

12. *Юсуфов М. Г.* Табасаранская национальная литература. Махачкала, 1994.

Жаухар АППАЕВА,
искусствовед

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ ТЕМЫ СМЕРТИ В МОНУМЕНТАЛЬНОЙ СКУЛЬПТУРЕ КБР

У каждого этноса в течение веков под влиянием многих факторов – особенностей ландшафта, социокультурной среды, особенностей менталитета и так далее – складывалась собственная, отличная от других модель смерти. В многочисленных произведениях мирового искусства по мортальным мотивам концепт «смерть» вполне закономерно предстаёт в этноонтологическом преломлении.

Уникальный взгляд на уход из жизни человека имеют балкарцы, извечно живущие в горах Кавказа, для которых вертикальное измерение бытия сказывается во всем, что касается их образа жизни и понятия смерти. Ментальная фразеология балкарцев подчеркивает приоритет вертикали, начиная с обычного приветствия, которое формулируется как «къалай тураса?», то есть «как стоишь?». Эта формула, скорее всего, не вызовет особого удивления у представителя другой ментальности, но он будет поражен, когда узнает, что этот народ способен и прилечь «стоя» («тыяныб турады»), и даже умирает стоя («ёле турады»). Как пишет известный культуролог З. Кучукова, балкарцы обладают «феноменальной способностью умереть, оставаясь в вертикальном положении», что свидетельствует о том, «сколь важно для представителей этого этноса прямостояние, как физическое, так и духовное».

«Жизнь-восхождение» – так определил смысл существования горцев великий балкарский поэт Кайсын Кулиев, подчеркнув их внутреннюю потребность в возвышении. Устремленность вверх ощущается во всех сферах жизни и творчества автохтонных народов Кавказа. К примеру, знакомясь с горными террасированными аулами, нельзя не заметить, что они напоминают гигантские ступени, ведущие вверх, к небу. Нельзя не вспомнить и погребальный обряд: горцы несут умерших на похоронной лестнице в горизонтальном положении, но, при этом, будучи твёрдо убеждёнными в том, что душа покойника поднимается по ступеням лестницы вверх, в небо.

Казалось бы, что при создании произведений на тему смерти художникам кабардинской и балкарской национальности было бы вполне логично опираться на столь своеобычную горскую философию вертикали, но пока этого нет. Скорее всего, для этого ещё не пришло время. Можно, правда, найти и редкие исключения, к примеру, памятник Герою Советского Союза Алиму Байсултанову, выполненный ваятелем Гидом Бжеумыховым и установленный в 1984 году в селе Яникой. Изображая

гибель летчика во время полета – а именно этот момент запечатлен в скульптуре – автор в полном соответствии с этническим сознанием кавказских горцев заменил дисцензиональный акт падения подбитого самолёта на асцензиональный, когда «душа» погибшего возносится в небеса. Это вполне согласуется с философией нартского эпоса: после выполнения своей миссии на земле нартские герои становились небожителями. Учитывая стремление горца к высоте, к небу, на генетическом уровне, Г. Бжеумыхов переориентировал направление движения погибшего героя А. Байсултанова от падения к вознесению. Фюзеляж самолета, на котором он сражался с фашистами, выполняет несколько функций: его абрис, с одной стороны, отдаленно напоминает формы истребителя, на котором летчик выполнял боевые задания, а с другой, его можно рассматривать как саркофаг, в который он превратился для героя после его гибели, в этом образе нетрудно увидеть и орнитогенный мотив – птицу со сложенными крыльями, взмывающую ввысь вопреки законам тяготения. Ожидание смерти не искажает черт лица: перед нами уже не конкретный человек, а символ, идея подвига: ведь по понятиям горцев героизм на поле брани обеспечивает вечную славу и бессмертие. Можно привести еще один пример подобного решения темы смерти в искусстве Кабардино-Балкарии. Воздушный ас, герой Великой Отечественной войны Андулах Тхакумачев, также погибший в небе, (скульптор Александр Дурнев) смотрит вниз, как бы прощаясь со здешним миром. И в этом случае смерть героя обозначена категорией «вертикаль».

Короткая история изобразительного искусства республики, возникшего лишь в советские годы (50–60-е годы прошлого столетия) и строго соответствовавшего канону соцреализма, то есть носившего оптимистический характер и воспевавшего социалистическую действительность, созидательные подвиги советских людей, не предполагает углублённого и расширенного толкования темы смерти. Поэтому в эстетической концептуалогии народов КБР ей отводилось весьма скромное место – в основном, в исторической картине и, в очень незначительной мере, в монументальной скульптуре. Как и большинство провинциальных скульпторов, местные монументалисты следовали художественной матрице, освященной советским опытом, лишь слегка перерабатывая ее согласно требованиям заказчиков. Они вполне осознанно не отходили от соцреалистических канонов, опасаясь быть обвиненными в национализме, аполитизме и прочих крамолах и навлечь на себя неприятности, прекрасно понимая, что идеологические барьеры преодолеть не удастся, как не получится в полной мере реализовать свои проекты в камне.

Редкие, более или менее оригинальные произведения монументальной пластики подвергались резкой критике и со стороны властей, и со стороны общественности и лишь эпизодически обретали постоянное место пребывания в контексте городов республики. Так, чрезвычайно

сложные испытания прошел авторский коллектив, создавший памятник, посвященный 50-летию ВЛКСМ (Нальчик, 1968 г. – скульптор Гид Бжеумыхов, художник Виктор Абаев, архитекторы Мухарби Каркаев и Роинд Гокадзе). Хотя авторский коллектив в эти годы уже занимался поисками в области национального, в данном произведении это практически незаметно. О том, что скульптор Г. Бжеумыхов адресует зрителя к кавказской философии смерти, можно лишь предполагать по визуальному решению самого памятника: раненый герой не падает, а медленно оседает по вертикали.

В своей книге «Неминуемое. Ускоренное развитие литературы» культуролог Г. Д. Гачев пишет: «Многие народы пробуждаются к новой исторической жизни, включаются в единый мировой исторический процесс и за короткое время стремительно продвигаются вперед, догоняя, а в чем-то перегоняя другие страны, народы и культуры». Касается это и коренных народов Кабардино-Балкарии. Опираясь на достижения мирового искусства и одновременно подчиняясь законам национальной образности, кабардино-балкарские художники создают весьма жизнеспособные произведения искусства, получающие признание не только в республике или стране, но и во всем мире.

С конца 80-х годов прошлого века художники из числа коренных народов стали серьезно заниматься созданием этнического по форме художественного языка, близкого миропониманию кабардинского и балкарского народов. И хотя многие из них успели хорошо усвоить уроки мастерства, преподанные им русскими художниками и русским искусством, они прекрасно понимали, что для выработки национальных традиций изобразительного искусства этого было явно недостаточно. Они начинают присматриваться к древним видам искусства автохтонного населения, в центре их внимания оказываются нартский эпос, устная словесность, архитектура, декоративно-прикладное искусство, хореография и другие виды народного творчества. Местные русские художники, располагая одним и тем же с балкарскими и кабардинскими авторами материалом, также учились использовать своеобразие стилистики, сюжетные повороты, отвечающие особенностям не только русской, но и горской ментальности. Интуитивно, а порой и вполне осознанно они вносили в свои произведения художественные элементы и детали, которые отражали национальный менталитет коренных этносов, преломлённый этническим русским сознанием.

В этом смысле можно отметить, что часть художников республики, которые, на первый взгляд, интуитивно связаны лишь со стилистикой местного искусства, вольно или невольно впитывают в себя особенности искусства иных народов, хотя, может быть, сознательно такой задачи перед собой и не ставят. К примеру, такие авторы, как Г. Бжеумыхов, Х. Крымшамхалов сумели создать подлинно новаторские, этнические

по духу произведения, проводя целенаправленные поиски новых выразительных средств, привнося в свое искусство множество новаций и в то же время обращаясь к культурным истокам своего народа. Их творчество интертекстуально, оно связано с местной культурой и, одновременно, обнаруживает специфические черты культур иных этносов. В последние десятилетия повышенную актуальность приобретает транскультуральность, свидетельствующая об объективно существующем смешении этнокультур, дающем дополнительные возможности развития эстетического пространства КБР.

В республике это явление коснулось многих художников, но, пожалуй, никто из них не сумел так глубоко изучить ментальные особенности коренных народов Кабардино-Балкарии, специфику горской этнопсихологии и представлений о смерти и послесмертного существования человека, как скульптор Станислав Катони, в творчестве которого сквозь формы европейской рефлексии явственно проступают черты мировидения кавказцев. Пока художники-горцы пытаются влиться в мировой художественный контекст, считая для себя это первоочередной задачей, отдельные «равнинные» художники, такие, как Станислав Катони, наоборот, успешно «эксплуатируют» чисто кавказские образы и учатся строить художественное пространство своих работ по законам горской этнопоэтики.

Горская национальная стихия оказала на него сильное воздействие, что заметно в том особом внимании, которое уделено им таким маркерным для Северного Кавказа объектам и концептам как орёл и бурка; регулярность их использования свидетельствует об органичности и естественности их восприятия. И орёл и, как ни удивительно, и бурка мыслятся им как орнитогенные образы. Орел попал в поле его зрения как наиболее почитаемая птица на Кавказе. Заинтересовался С. Катони и кавказской буркой, которую, однако, он рассматривает не как уникальный, незаменимый в жизни горца вид одежды, а как орнитогенный образ, представляемый им в различных фазах перерождения из одежды в птицу. Опираясь на основные архетипы местной культуры, учитывая связь картины мира с особенностями природной среды, ваятель творит в контексте горских культурных традиций, как бы встав на позиции аборигена, взглянув на мир глазами горца.

С. Катони не раз экспериментировал с мотивом бурки, а позже активно использовал результаты своих поисков для решения творческих задач. Это нередко приводило его к успеху, в частности, в скульптурно-архитектурном комплексе, посвящённом памяти жителей села Кенже, погибших в годы Великой Отечественной войны (скульптор Станислав Катони, архитектор Юрий Логоватовский, 1991). Сложная композиция, вобравшая в себя несколько мотивов, распадается на отдельно стоящие, но объединенные сквозной темой части ансамбля: статую скорбящей

женщины, стелу с барельефным фризом, мартиролог погибших, архитектурный элемент в форме врат, ведущих к бессмертию, и Вечный огонь.

Тема защиты Отечества запечатлена в барельефной композиции. На неровном, как бы взрытом бомбежками, фоне со следами разрушений и смерти изображены бойцы Кавдивизии с шашками в руках в момент яростной и безнадёжной атаки на немецкие танки. Динамика сцены задана творческой находкой скульптора – это стремительный полет, когда бурки и плащпалатки взлетают в воздух и несутся вслед за всадниками, образовывая своеобразные бурные, экспрессивные ритмы и узоры и на ходу превращаясь в крылья птиц, чтобы души героев после неминуемой гибели могли улететь в небо.

Вторая тема ансамбля – память по погибшим. Её ваятель воплотил в необычайно пластичном образе скорбящей горянки с поникшими плечами и опущенной головой, стоящей перед вратами, проём которых выполнен в виде силуэта горца в бурке и папахе, символизирующего погибших в войне, «ушедших по ту сторону жизни». Надо отметить, что представления о смерти у горских этносов имеют специфические особенности, в частности, открытые ворота или дверь в этносознании горцев испокон веков символизируют смерть, что точно отразилось в творчестве С. Катони. В кенженском монументе врата не только маркируют границу между тем и этим бытием, но и позволяют зрителю заглянуть за пределы реальности, в потусторонний мир. Удачно выбранные, этнически маркированные координаты, характерные для этносов Северного Кавказа, позволили С. Катони представить картину мира в национальном преломлении.

В подобную художественно-философскую концепцию вписывается и мемориал в селе Шардаково. В нём, как и в некоторых других монументальных произведениях, Станислав Катони использует свой фирменный знак – летящую бурку. Композиция представляет собой статую женщины и визуально парящую рядом с ней кавказскую бурку. Хотя ваятель в этом случае изображает бурку без её владельца, она воспринимается не как простой элемент кавказской одежды, а как материальное напоминание о погибшем человеке, о солдате, «унесённом» ветром войны. Бурка символизирует павшего в бою героя, незримо присутствующего среди живых. В данном случае этот элемент кавказского костюма в интерпретации ваятеля – пример тонкой художественной метафоры, связи прошлого и настоящего. Бурка, которая мыслится автором как орнитогенный образ, наполняется движением, задающим начало процессу ее превращения сначала в крыло птицы, а затем и в самого орла, готового взмыть в небо. Удачно найденный художественный прием усиливает эмоциональное воздействие произведения на зрителя.

Совсем иначе трактуется С. Катони тема смерти в скульптурном памятнике, установленном в г. Баксане на территории бывшего хутора

Советский (архитектор Владимир Бублик, 1991 г). В основу своего произведения художник положил широко известные стихотворные строки балкарского поэта Кайсына Кулиева: «Каждая пуля на войне поражает сердце матери», которые находят в нём зримое воплощение. В двухфигурной композиции в символической форме запечатлен момент гибели советского солдата от вражеской пули. Поскольку героями С. Катони становятся русские люди, он интуитивно рисует картину мира, характерную для русского народа. Стихи балкарца Кулиева скульптор рассматривает в культурном контексте другого этноса, мысля категориями европейца, потому образное воплощение обретает иные специфические особенности, обусловленные историко-культурными, этнопсихологическими факторами жизни русского народа.

Как известно, в художественном сознании «равнинного» художника смерть человека ассоциируется с категорией «горизонталь», потому в интерпретации С. Катони «душа» погибшего воина покидает тело, проносясь над землей в горизонтальном положении. Скульптор изобразил убитого солдата в образе вырванного с корнем дерева, что соответствует представлению европейца о гибели человека, в то время как для горцев Кавказа концепт «смерть» определяется категорией «вертикаль», и обычно связан с образом камня, сорвавшегося с утеса и упавшего в бездну. Этот образ гениально представлен балкарским поэтом Кязимом Мечиевым в стихотворении «Серый камень»:

Серый камень сорвался с утеса,
В мрачной бездне остался лежать.
Никогда ты наверх не вернешься,
Свой утес не увидишь опять.

Здесь можно говорить о несовпадении этнических моделей мира европейцев и горцев. Автору удалось создать ощущение стремительного полета, когда даже складки одежды солдата не повисают вниз согласно закону всемирного тяготения, а продолжают сохранять горизонтальное положение, строго следуя линиям и объемам тела. Конечно, если иллюстрировать смерть, так сказать, «по-кавказски», то, скорее всего, следовало бы создать художественное пространство, пользуясь законами «вертикальной» поэтики, то есть изобразить вознесение солдата ввысь по вертикали, либо запечатлеть его падение вниз – также по вертикали.

Еще в одной работе, выполненной С. Катони – скульптурно-архитектурной композиции, посвященной памяти воинов-интернационалистов, нашли отражение реалии войны в Афганистане (архитектор Владимир Бублик. Нальчик, 2005). Ваятель правдиво, достоверно запечатлел обыденную для того времени сцену гибели советского солдата. Поиск образности привел автора к композиции, в которой нет ни ложной героизации

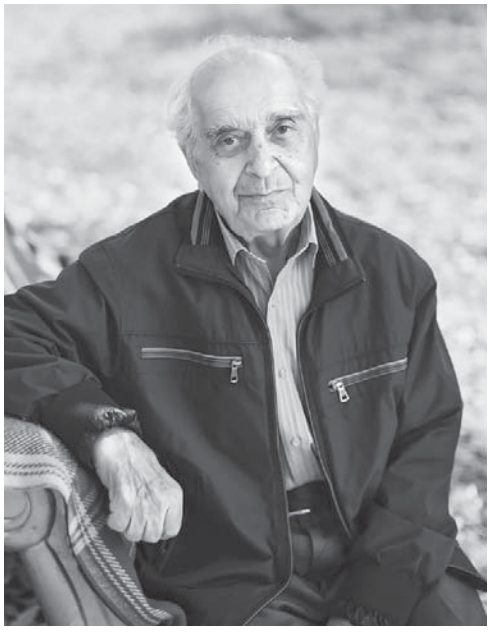
образов, ни нигилистического отношения к истории военного конфликта: найдено оптимальное соотношение между прошлым и сегодняшним осмыслением этого исторического периода в жизни страны. Трагизм события, переживания главного героя, теряющего близкого друга, воплощены автором эмоционально сдержанно. «Афганец» бережно держит на руках умирающего товарища, но даже его сильные, надежные руки не способны сохранить жизнь его другу. Медленно соскальзывающее безжизненное тело, постепенно принимает горизонтальное положение, в соответствии с ментальностью русских людей, послуживших прототипами персонажей С. Катони.

Знакомясь с произведениями авторов республики, нельзя не отметить, что наряду с достижениями европейского и восточного искусства они активно используют, разумеется, в несколько преображенном виде, архаические формы, этнически маркированные элементы и мотивы, архетипы кабардинцев и балкарцев. Какие-то художественные открытия, вновь найденные удачные элементы подхватываются другими деятелями искусств, шлифуются, и на их основе складываются устойчивые формы, которые они активно используют в своем творчестве. Таким образом, свой существенный вклад в развитие кабардино-балкарского изобразительного искусства и, в частности, в разработку темы смерти и бессмертия, вносят деятели культуры с различной этнической ментальностью.

Диалог культур проживающих по соседству этносов всегда приводит к заимствованию каких-то элементов культуры соседей с их последующей трансформацией и адаптацией к эстетическим потребностям своего народа, расширяя, таким образом, арсенал средств национального искусства для решения сугубо этнических проблем. Сегодня этот весьма перспективный метод поставлен на поток, и нельзя не отметить позитивных качеств этого явления, поскольку интеркультура даёт возможность более глубоко понять собственную культуру, сравнивая её с другими.

Ирина БЕЛОЦЕРКОВСКАЯ,
заведующая сектором естественной истории
ГКУК «Национальный музей КБР»

ХРАНИТЕЛЬ ОРЕХОВОЙ РОЩИ



Александр Григорьевич Анищенко

Три года назад, в силу сложившихся обстоятельств, я взяла в дом щенка, и регулярные прогулки в Ореховую рощу для меня стали нормой. Новый круг знакомых определился довольно быстро, и от них я впервые услышала о пожилом человеке, который в последнее время менял облик сквера, именуемого в народе «Орешкой». Перемены происходили разительные, и меня это радовало, потому как зеленый островок в центре Нальчика памятен мне с детства.

Я хорошо помню, как начиналась история этого района. В начале шестидесятых годов прошлого столетия улица Ленина начиналась с домов, где жил партийный актив (сейчас это дома с номерами 21, 23, 25), а впереди были фруктовые сады Селекционной станции и на каком-то отрезке к ним примыкал сад из грецкого ореха. Понятно, что асфальтированных дорожек ещё не было, а были объездчики на лошадях. Улица Байсултанова, в то время Горная, только начинала застраиваться, первые пятиэтажки появились на четной стороне до нынешней улицы Кирова, затем быстро стали строить дома на нечетной стороне до тех же пределов. К сентябрю 1965 года этот участок принял вид настоящей улицы, благодаря дороге, проложенной вровень с последними домами. Как-то сразу стали удлинять улицу Мечникова (Шортанова) и появился дом № 17, где и поселился герой моего рассказа с семьёй.

Моим большим удивлением было, что человек, о котором я так много слышала как о специалисте по выращиванию деревьев, и друг детства моего отца – один и тот же человек, Александр Григорьевич Анищенко. Я знала его очень давно.

Летние каникулы мы с сестрой проводили в Баксане у наших родственников на улице Степной (ныне Защитников), где вырос наш отец и по соседству жила семья Анищенко. Это было время, когда у каждого дома росли ореховые деревья, тутовник (у одного черный, у другого белый) или вишня. По рассказам отца, наше дерево шелковицы постра-

дало от разорвавшегося снаряда во время войны, и вместо неё была посажена вишня, а орех был с крупными ядрами и тонкокорой скорлупой. У Анищенко и других соседей рос тутовник, удивляя своим обильным урожаем, и плодоносил так долго, что мы, юное поколение, успевали им в полной мере насладиться.

Мои воспоминания вполне объясняют выбор деревьев для посадки Александром Григорьевичем. Это были тутовник, вишня, да и ореха грецкого было подсажено много. Я попыталась сосчитать, постоянно сбивалась, но что их будет больше ста – точно. Главное, эти деревья для Александра Григорьевича были символической памяткой того времени, когда плоды фруктовых деревьев и орехи были легкодоступным лакомством для детей и взрослых.

Сидеть без дела он не привык, с 2008 года, будучи на пенсии, нашёл себе достойное занятие, на которое уходило много времени: нужно было и место для посадки определить, и пробить лопатой почву, скреплённую корнями многолетних трав, выкопать яму, посадить черенок, прикрыть его от механических повреждений пластиковой бутылкой, уже готовые к посадке саженцы перенести и высадить рядами, найти подпорку и установить, через время нарастить и поливать в первые дни обильно. Для посадки он широко использовал поросль, пробившуюся у пня срубленного ореха, но с ней тоже нужно было повозиться, так что этот участок вокруг пня превращался в маленький питомник. Для шелковицы он ещё и привой делал, и ассортимент ягод увеличивался. На одном дереве уже плодоносят чёрные, белые и бело-розовые плоды разных размеров и форм – длинные цилиндрические и маленькие округлые. Собирать их очень удобно, деревья низкорослые, с хорошо оттянутыми ветками, что и делают многие горожане в сезон. Занимался и прививками. На старых деревьях, яблоне, сливе и айве, оставшихся из коллекции Селекционной станции, оставлял часть ствола с двумя ветками и в расщеп прививал черенки с молодых деревьев хороших сортов.

Знания по садоводству обрел он на личном опыте, работая на своём участке в Баксане, читал справочную литературу, практиковал, и этот багаж ему вновь пригодился.

Ореховый сад, заложенный в самом конце 30-х годов, официально стал зоной отдыха для горожан 45 лет тому назад и получил статус «Сквер «Ореховая роща», что закреплено документально приказом министерства коммунального хозяйства РСФСР от 11 апреля 1975 года. Этот год и стал годом первых реконструкций: были разбиты аллеи, сделаны площадки, спилены усохшие деревья. Появились и первые посадки из липы кавказской, платана восточного, березы повислой (бородавчатой), дуба красного, клёна платановидного, сосны Веймутова, сосны обыкновенной, ели колючей (формы зеленая и голубая). Постепенно видовое разнообразие пополнялось, и как-то незаметно появились орех чёрный

и каштан съедобный, к 9 мая прошлого года были высажены кусты сирени вокруг площадки с памятником. Свой вклад в общую композицию зелёной зоны внес и Александр Григорьевич.

В сквере работы много, только площадь под зелёными насаждениями занимает 11,5 гектара (общая площадь составляет 12,7 га). Основную часть работы – обрезку сухих веток, распил ствола рухнувшего от старости дерева и его вывоз, уборку территории, оформление клумбы, покос травы осуществляют работники «Горзеленхоза», но был человек, который нёс ежедневную вахту на добровольных началах только потому, что хотел быть полезным людям и доставлять им радость.

Он успел порадоваться результатам своего труда (шелковица и вишня второй год дают обильный урожай), услышать добрые слова в свой адрес. Но были и минуты разочарования, когда видел, что укоренившийся черенок выдернут или перекорёжен. Имел место и такой случай, когда при нём какой-то малыш ломал ветку, сопровождавшая его дама замечаний не делала. На его вопрос «Почему вы не реагируете?» – услышал бранные слова… Так уж устроено человеческое общество: кто-то создаёт, но есть и те, кто разрушает. С возрастом такой факт особенно тяжело воспринимается, вот и ему нелегко было с этим согласиться…

Александр Григорьевич Анищенко родился в 1933 году. Получил два высших образования: в 1956 году окончил Педагогический институт в Нальчике (ныне КБГУ им. Х. М. Бербекова), в 1968 году – Новочеркасский политехнический институт им. Серго Орджоникидзе. Свой трудовой стаж начал учителем физики (школа № 10 в городе Баксане), закончил должностью главного конструктора на заводе высоковольтной аппаратуры в Нальчике. Имел множество патентов на изобретения и наград, в том числе – Ленинскую медаль «За доблестный труд», две серебряные медали ВДНХ, медаль «Ветеран труда». У него хорошая семья, и он был счастлив. Вместе с женой воспитали двух детей и радовались первым успехам внуков.

Несколько месяцев назад он ушёл из жизни. Для всех нас, нальчан, остались его плодоносящие деревья, живая память, и это надолго!

2020 г.

Ольга СТУПЕНЬКОВА,
член Российского Союза писателей,
председатель творческого объединения
«Литературный перекресток»

СВЕТ ТВОРЧЕСТВА ОБЪЕДИНЯЕТ

Творческое объединение «Литературный перекресток» отметило свой пятый день рождения.

22 января 2016 года на литературной карте Кабардино-Балкарии появился новый знак – творческое объединение, образованное при управлении культуры, социальной политики и спорта местной администрации Прохладненского района. Название объединению дано, исходя из истории Прохладненского района, который по праву можно назвать не только перекрёстком исторических дорог, но и перекрёстком литературы. Станицу Екатериноградскую в разное время посещали Лермонтов, Грибоедов, Толстой. Прохладненская земля подарила Кабардино-Балкарии известных писателей, среди которых Мугаз Кештов и Мухадин Губжев – уроженцы селения Карагач. До «Литературного перекрёстка» в районе уже существовали литературные объединения, например, в послевоенные годы при районной газете «Ленинское знамя» было образовано литобъединение «Лира», которым более тридцати лет руководил член Союза писателей СССР Валентин Грудзинский. Затем председателем объединения был поэт, сатирик, журналист, член Союза писателей КБР Леонид Шимко. И даже в последнее десятилетие XX века, когда, казалось, было не до поэзии, на страницах районной газеты публиковались стихи наших поэтов. Сегодня в ней печатаются поэтические странички участников «Литературного перекрестка», авторы активно участвуют и в районных массовых мероприятиях.

Деятельность литобъединения стала неотъемлемой частью культурной жизни Прохладненского района. «Литературный перекресток» объединил авторов, пишущих стихи и прозу, людей разного возраста, национальностей и профессий. К ЛИТО примкнули поэты-барды Даниил Рокотов, Алексей Шваенко, Рустам Мисроков, преподаватели Детских школ искусств Любовь Цаголова, Мария Шуваева, Ольга Есипко. Украшением концертов поэтов «Литературного перекрестка» являются эстрадная группа «Союз 07» (ст. Солдатская) и вокальная группа «Виринея» (с.п. Пролетарское), выступающие с авторским программами. За пять лет 22 автора получили членские билеты объединения. Дизайн билета и логотип объединения разработала художник Ксения Тютюльникова. Самыми активными участниками мероприятий являются Татьяна Шулига, Андрей Гимельфарб, Аминат Рахаева, Даниил Рокотов, Рустам

Мисроков, Людмила Козяр, Екатерина Быч, Наталья Филоненко, Иван Еремеев, Светлана Баскакова и другие.

Мы считаем себя продолжателями литературных традиций района. Как и поэты первого литобъединения, мы стремимся к общению с авторами городов и районов. В 2018 году в центральной библиотеке города Майского состоялась встреча участников литературного объединения «Родник» с членами творческого объединения «Литературный перекрёсток». С огромным вниманием слушали участники мероприятия стихи наших поэтов Татьяны Шулига, Людмилы Козяр, Аминат Рахаевой. Расстояние между городами Майский и Прохладный пятнадцать километров, но после тёплого душевного общения участники объединений стали гораздо ближе. Стало традицией выступление наших поэтов на Пушкинских и Кулиевских литературных чтениях, районном празднике, посвященном Дню славянской письменности и культуры, районном театральном фестивале «Слово, сцена и мы». Поэты неоднократно посещали Дом пожилых людей в станице Солдатской, были гостями общеобразовательных школ и библиотек района.

Большим достижением объединения стал выпуск коллективного сборника стихов «Радуга чувств», выпущенного летом 2017 года издательством Марии и Виктора Котляровых. Сборник составили стихи и прозаические миниатюры двенадцати авторов. В том числе произведения старейших поэтов Василия Рачинского, Марии Лацюга, Александра Баронина. Председатель Союза писателей КБР Муталип Беппаев назвал выпуск книги первой ласточкой, полёт которой будет высок, пожелал участникам объединения здоровья, вдохновения, творческих успехов и множества красивых творческих вечеров. Кроме этого, литераторы за последние годы выпустили немало авторских книг. В библиотеках сельских поселений пользуются неизменным спросом книги Татьяны Шулига, Юрия Поспелова, Владимира Козлова, Ивана Еремеева. В декабре 2020 года из печати вышла книга «Цветок и луна» Андрея Гимельфарба и Ольги Ступеньковой, ставшая своеобразным Рождественским подарком для библиотек и школ района. В 2020 году стихи пяти авторов объединения опубликованы на страницах литературно-художественного журнала «Литературная Кабардино-Балкария». Аминат Рахаева и Ольга Ступенькова стали победителями республиканского конкурса «Как слово наше отзовется» в номинации «Литературный перевод». Очерк А. Х. Рахаевой опубликован в сборнике лучших прозаических произведений по итогам Республиканского конкурса «Мой русский учитель». Аминат Рахаевой удалось победить в литературном конкурсе, объявленном телеканалом «НТВ». Автор шести книг Татьяна Шулига является неоднократным победителем международных творческих конкурсов.

Как утверждает друг, помощник и идейный вдохновитель творческого объединения – член Общественной палаты КБР и Союза писателей

республики Мария Абрамовна Котлярова: «”Литературный перекрёсток” вышел за рамки объединения по результату своей деятельности и кругу людей, связанных с ним». Об этом красноречиво свидетельствуют выступления коллектива на республиканской сцене. В декабре 2017 года наш коллектив весьма успешно выступил на сцене «Зеленого театра» г. Нальчика. Свои стихи на суд нальчан представили Василий Рачинский, Татьяна Шулига, Аминат Рахаева, Андрей Гимельфарб, Наталья Филоненко, Светлана Баскакова и др. По мнению нальчан, выступление участников «Литературного перекрестка» было замечательным. Музыка, стихи, рассказы о поэтах и поэзии района – все слилось в яркую цельную программу. В тот незабываемый вечер «Литературный перекресток» был награжден почетной грамотой Союза писателей КБР «За укрепление дружбы между народами Кабардино-Балкарии и большие творческие успехи в литературной деятельности». Пятью грамотами Союза писателей КБР отмечены отдельные авторы ЛИТО. Восьми участникам программы объявлены благодарности Фонда культуры КБР. Благодарности Союза художников удостоена художник Ксения Тютюльникова. Без преувеличения звездным часом стало участие коллектива в концерте «Звуки весны», который является началом проекта «Родники народного творчества», он состоялся в марте 2020 года на сцене Государственного концертного зала. Его организаторами выступили Общественная палата КБР, Союз писателей. Наши стихи, песни, музицирование вновь покорили зрителей Нальчика.

Жизнь вносит свои коррективы, в настоящее время мы не можем выходить на встречу с массовым зрителем. Но мы не чувствуем себя оторванными от мира, мы в нём живём, мы отвечаем за всё, что в нём происходит. Только взявшись за руки, встав в круг, можно сберечь этот мир. Свет творчества, любовь ко всему сущему на земле, чистота помыслов и высокие устремления – вот что объединяет нас. Вставайте в наш круг, и вы, дорогие читатели! Почувствуете силу, значение Слова и научитесь так же искренно любить мир, в котором мы с вами живём! Ведь одна из радостей в дружбе – то, что рядом с друзьями мы можем узнать себя и с каждым нашим другом проявить новую грань личности. И с этой точки зрения, чем больше друзей, тем большим опытом мы обогащаемся и тем больше открываемся сами! Давайте украшать мир стихами! Приходите на встречи с «Литературным перекрестком»! Под его крылом собрались чуткие сердцем люди, самозабвенно любящие поэзию, умеющие не только писать стихи, но и ценить чужие!

Хочется пожелать собратьям по перу красивых литературных праздников, плодотворных будней, наполненных неиссякаемым желанием писать, приобретать мастерство, издаваться. Чтобы ниспосланное свыше таинство сочинительства и особого восприятия окружающего мира никогда не иссякало в душах.

В номере:

Аскер Додуев. Лицом к лицу. *Поэма* 2
Людмила Шауцукова. Черкесская рапсодия. *Главы из романа* . . 16
Тахир Толгуров. Записки мелом. *Рассказы* 54
Мария Белякова. *Стихи (предисловие М. Мазуренко, Т. Кангаур)* . 73
Леонид Фомин. Лилии на асфальте… *Рассказ* 86
Борис Балкаров. Цугцванг. *Рассказ* 98
Римма Шогенова. Свет, зажженный молнией. *Рассказ* 103
Елена Пачева. Иналь-Черкес. Встреча с Таго Паша. Амман....
Рассказы 116
Лилия Кибишева. Полвека забвения. *Рассказ* 133
Айшат Шапарова. В небе войны. *Статья* 143
Измаил Аджиев. Сердце брата. *Рассказ* 147
Юрий Тхагазитов, Мадина Канукоева. Пространство Тхагазитова:
Топос и эмотивность. *Статья* 154
Ирина Вольская. Последний перевал. *Очерк* 164
Марианна Керимова. «Язык наш – первый проводник...» *Инт.* . . 167
Магомед Магомедов. Литературоведение в Дагестане… *Статья* 172
Жаухар Аппаева. Этнические преломления темы смерти
в монументальной скульптуре КБР. *Статья* 178
Ирина Белоцерковская. Хранитель Ореховой рощи. *Очерк* 185
Ольга Ступенькова. Свет творчества объединяет. *Статья* 188

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов

В номере использованы фотографии А. Елканова

ЛИТЕРАТУРНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

*Литературно-художественный
и общественно-политический журнал*

Свидетельство о регистрации средства массовой информации.
Управление Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Кабардино-Балкарской Республике
ПИ № ТУ 07-00126 от 11.01.2018 г.
Подписной индекс П5892

Компьютерная верстка *Е. Г. Бит-Сава*
Дизайн первой страницы обложки *Юрия Сабанчиева*

Сдано в набор 01.03.2021. Подписано к печати 07.04.2021.
Выход в свет 30.04.2021. Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Усл. п. л. 12,0.
Тираж 550 экз. Заказ № 813. Стоимость одного номера по подписке
через ФГУП «Почта России» – 35,03 руб., за 6 мес. – 105,09 руб.,
за год – 210,18 руб.
В розницу – цена свободная.
Адрес редакции, издателя: 360000, КБР, г. Нальчик, пр. Ленина, 5.
Тел.: главный редактор – 40-03-24,
редакторы, бухгалтерия – 42-75-22,
сайт: pressa.smikbr.ru,
e-mail: literaturnayakb@mail.ru

Отпечатано в ООО «Издательство «Южный регион»,
357600, Ставропольский край, г. Ессентуки, ул. Никольская, 5а

Материалы для журнала принимаются в распечатанном виде с электронной версией.

Редакция не вступает в переписку с авторами. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнение авторов публицистических статей может не совпадать с точкой зрения редколлегии. Авторы сами несут ответственность за достоверность своих материалов. Редакция не принимает рукописи ранее опубликованных материалов на русском языке. При перепечатке материалов ссылка на «Литературную Кабардино-Балкарию» обязательна. Статьи принимаются в объеме, не превышающем 5-ти стандартных страниц (А4), с приложением личных данных (ИНН, страховое пенсионное свидетельство, паспортные данные, номер контактного телефона).

13.03.2021 г. Указом Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла председатель Парламента КБР Татьяна Егорова удостоена высокой награды – ордена Русской Православной Церкви Преподобной Евфросинии, великой княгини Московской.

Этим орденом награждаются женщины, внёсшие особый вклад в дело укрепления духовно-нравственных традиций в обществе и в развитие религиозно-государственных отношений.

Архиепископ Пятигорский и Черкесский Феофилакт, вручая награду Татьяне Егоровой, подчеркнул её личный вклад в укрепление государственно-религиозного взаимодействия и особо отметил, что Орден Преподобной Евфросинии Московской учреждён специально для женщин, и его удостоено небольшое количество людей. Среди них Александра Пахмутова, Валентина Терешкова, Галина Вишневская и другие.

Информация РИА КБР

9 МАЯ

С праздником